

всепутная история в романах

Вальтер Скотт

КАРЛ СМЕЛЫЙ

Всемирная история в романах

Вальтер Скотт
Карл Смелый

«ВЕЧЕ»

1829

Скотт В.

Карл Смелый / В. Скотт — «ВЕЧЕ», 1829 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4444-8470-8

Европа, XV век. Французский король Людовик XI готовится к войне со своим смертельным врагом Карлом Смелым. Хитростью и подкупом он пытается втянуть в нее швейцарцев, но жители лесных кантонов не слишком расположены к войне. Англичанин Филипсон и его сын Артур попадают к владельцам старинного замка, чей род Гейерштейнов окутан тайнами и легендами... Роман задумывался Вальтером Скоттом как продолжение «Квентина Дорварда». Среди поздних романов «Карл Смелый» стал одной из самых популярных книг великого шотландца.

ISBN 978-5-4444-8470-8

© Скотт В., 1829

© ВЕЧЕ, 1829

Содержание

Об авторе	6
Глава I	8
Глава II	16
Глава III	25
Глава IV	36
Глава V	41
Глава VI	49
Глава VII	55
Глава VIII	62
Глава IX	66
Глава X	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Вальтер Скотт Карл Смелый

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

* * *

Об авторе

Имя Вальтера Скотта хорошо известно русским читателям, почти так же хорошо, как шотландским, английским, французским и другим любителям книги. Этот великолепный прозаик, романтический поэт, серьезный историк, известный собиратель древностей и преуспевающий адвокат считается основоположником исторического романа в его современном понимании. Он родился в Эдинбурге в семье юриста 15 августа 1771 г. В январе следующего года младенец заболел детским параличом, в результате чего остался на всю жизнь хромым. Уже в ранние годы Вальтер (а точнее – Уолтер) поражал родных и близких живым умом и феноменальной памятью. В колледже мальчик окреп, увлекся горным туризмом (как сказали бы мы сейчас), много читал, предпочитая старинные шотландские баллады и стихи немецких романтиков. Переводом баллад одного из них, Готфрида Бюргера, начался литературный путь В. Скотта. В 1792 г. юноша получает диплом адвоката. Профессия позволяет ему ездить по стране, по обе стороны так называемой Шотландской границы. В каждой поездке молодой адвокат находил время для записи народных баллад и легенд. В те же годы Вальтер пережил несчастную любовь. Следы этого увлечения можно найти во многих романах писателя. В 1800 г. Скотт публикует первое собственное сочинение, балладу «Иванов вечер». Спустя два года он выпускает сборник «Песни Шотландской границы», где наряду с собранным народным фольклором публикует и собственные стихи. В 1805 г. выходит «Песня последнего менестреля», а в 1808 г. – роман в стихах «Мармион». К тому времени молодой адвокат женился на Шарлотте Карпентер (1807) и поселился в собственном поместье Эбботсфорд, перестроенном под романтический замок. Здесь, в сущности, и родились произведения, принесшие В. Скотту всемирную известность, – его исторические романы. Первым успехом стал «Уэверли», опубликованный в 1814 г. За ним последовали «Гай Мэннеринг», «Антиквар», «Пуритане», «Роб Рой» и др. Последний роман («Осада Мальты») вышел в год смерти писателя, в 1832 г. Всего Скоттом написано 28 романов, множество повестей, литературно-критических статей, исторических трудов (таких, как «Смерть лорда Байрона», «Рассказы из истории Франции», «Жизнь Наполеона Бонапарта», «История Шотландии»). Интересно, что до 1827 г. романы Вальтера Скотта выходили без указания имени автора! Писатель очень много и напряженно работал; видимо, это и стало причиной апоплексического удара, перенесенного в 1830 г., за которым последовали еще два. Писатель, ставший национальной гордостью шотландцев, умер от инфаркта 21 сентября 1832 г. в своем поместье. Слава его романов быстро докатилась до России, и книги знаменитого романиста выходили почти одновременно с британскими изданиями. Не одна Россия была очарована Вальтером Скоттом. И популярность писателя не ограничивалась литературой. К примеру, в XIX веке сюжеты В. Скотта стали основой таких превосходных лирических опер, как «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти, «Женщина с озера» Дж. Россини, «Пертская красавица» Ж. Бизе. В XX веке по мотивам исторических романов шотландского гения снято немало кинофильмов, причем лидируют здесь сюжеты романов «Айвенго» и «Роб Рой». Лента про Айвенго снята и отечественными кинематографистами. Ну а литературные оригиналы героев Вальтера Скотта продолжают увлекать и в XXI столетии читателей всех континентов планеты.

Анатолий Москвин

Избранная библиография Вальтера Скотта:

Уэверли, или Шестьдесят лет назад (Waverley, 1814)

Гай Мэннеринг, или Астролог (Guy Mannering, 1815)
Чёрный карлик (The Black Dwarf and The Tale of Old Mortality, 1816)
Антиквар (The Antiquary, 1816)
Пуритане (The Tale of Old Mortality, 1816)
Роб Рой (Rob Roy, 1817)
Эдинбургская темница (The Heart of Midlothian, 1818)
Айвенго (Ivanhoe, 1819)
Ламмермурская невеста (The Bride of Lammermoor, 1819)
Легенда о Монтрозе (A Legend of Montrose, 1819)
Монастырь (The Monastery, 1820)
Аббат (The Abbot, 1820)
Кенилворт (Kenilworth, 1821)
Пират (The Pirate, 1822)
Приключения Найджела (The Fortunes of Nigel, 1822)
Певерил Пик (Peveril of the Peak, 1822)
Квентин Дорвард (Quentin Durward, 1823)
Сент-Ронанские воды (St. Ronan's Well, 1824)
Редгонтлет (Redgauntlet, 1824)
Обрученная (The Betrothed, 1825)
Талисман (The Talisman, 1825)
Вудсток, или Кавалер (Woodstock, 1826)
Пертская красавица, или Валентинов день (The Fair Maid of Perth, 1828)
Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, дева Мрака (Anne of Geierstein, 1829)
Замок опасный (Castle Dangerous, 1831)
Граф Роберт Парижский (Count Robert of Paris, 1832)
Осада Мальты (The Siege of Malta, 1832)

Глава I

*Вкруг ледников, клубясь, плывут туманы;
Их серый дым взлетает надо мною
Седую пеной бешеного моря...
Шатаюсь я: так голова кружится.*

Байрон. Манфред

Почти четыре века прошло с тех пор, как на материке Европы совершились события, о которых автор намерен рассказать в следующих главах. Летописи, на страницы которых было занесено описание этих событий и которые могли бы служить несомненным доказательством их истины, долго хранились в знаменитой библиотеке Сен-Галленского монастыря, но, к сожалению, вместе с другими литературными сокровищами этой обители они погибли при разгроме монастыря во время французской революции. Строго придерживаясь исторической правды и хронологического порядка, события эти следует отнести ко второй половине XV века, к той грандиозной эпохе, когда рыцарство еще блистало последними лучами своего величия, которому суждено было скоро окончательно угаснуть. Все более и более развивающиеся союзы вольных городов и самодержавная монархическая власть решили падение рыцарства, роль которого как защитника сирых и угнетенных была давно сыграна, и дальнейшее существование его представлялось совершенно бесполезным и даже вредным для развития народной жизни, так как оно основывалось почти исключительно на кулачном праве.

При распространявшейся в Западной Европе образованности Франция, Бургундия, Италия и Австрия впервые ознакомились с образом жизни народа, о существовании которого они до тех пор едва даже подозревали. Конечно, жители соседних со Швейцарией государств знали и раньше, что Альпы, эта великая ограда свободолюбивых сынов Гельвеции, несмотря на дикий и пустынный их вид, уединенные долины, лежащие между исполинскими хребтами гор, с уходящими в небо, вечно покрытыми снегом вершинами, питают племя охотников и пастухов, которые, живя в первобытной простоте, в поте лица добывают себе хлеб насущный, гоняются за дичью по неприступным скалам и дремучим лесам или пасут свои стада везде, где только могут найти для них скудную пищу, даже в соседстве вечных снегов. Но существование такого народа, или, лучше сказать, нескольких ничтожных общин, — принужденных вести в тяжких трудах самую бедную жизнь, — богатым и могущественным соседним государям представлялось столь же ничтожным, какими представляются, в сравнении с тучным, пасущимся на плодоносном лугу стадом, голодные серны, находящие себе скудный корм на утесах, граничащих с богатыми пажитями, на которых пасется то тучное стадо. Эти горцы стали возбуждать всеобщее удивление и обращать на себя внимание Европы около половины четырнадцатого столетия, то есть с того времени, когда повсюду разнеслись слухи о жестоких битвах, в которых германские рыцари, желавшие усмирить своих мятежных вассалов, потерпели несколько кровавых поражений, несмотря на то, что имели на своей стороне огромный численный перевес, воинскую дисциплину и все выгоды более усовершенствованного вооружения. Всех очень удивляло то обстоятельство, что конница, составляющая главную силу феодальных армий, была опрокинута пехотой; что воины, покрытые с головы до ног сталью, были побеждены людьми, не носящими на себе никакого оборонительного наряда, и которые при своих набегах вооружались как попало — копьями, секирами и дубинами. Сверх того, считали как бы чудом, что рыцари и дворяне могли быть

разбиты крестьянами и пастухами. Но неоднократные победы, одержанные швейцарцами под Лаупеном¹, Земпахом² и в других, менее знаменитых битвах, ясно удостоверили, что новые начала гражданского устройства и военной науки возникли в суровой стране Гельветии. Однако, несмотря на решительные победы, упрочившие навсегда независимость швейцарских кантонов, и на непоколебимую твердость и благоразумие, с которыми члены этого небольшого союза противостояли всем усилиям могущественной в то время Австрии, — несмотря на разнесшуюся повсюду в соседних и далеких странах славу об этих победах швейцарцев и на то, что они сами чувствовали свою силу, приобретенную столь многими доблестными подвигами, тем не менее они до половины пятнадцатого столетия и даже гораздо долее того сохраняли большую часть благоразумия, умеренности и простоты нравов своих предков. Так, например, те из граждан, которым во время войны доверялось начальство над войсками республики, по окончании войны снова брались за пастуший посох, оставляя жезл повелителя, и подобно римским диктаторам вступали в совершенное равенство со своими согражданами, сходя с высокой ступени, на которую возводили их личные заслуги, таланты и голос отечества.

Итак, в лесных кантонах Швейцарии осенью 1474 года начинается наша повесть.

Два путешественника, один давно уже переступивший тот возраст, который называется весною жизни, — другой, по-видимому, не старше двадцати двух или двадцати трех лет, провели ночь в небольшом городке Люцерне, главном городе одноименного с ним кантона. Город этот, как известно, живописно расположен на озере Четырех Кантонов. Судя по одежде и манерам путешественников, это были богатые купцы. Оба они шли пешком, что в этих гористых местах считалось удобным способом передвижения. За ними следовал молодой крестьянин, уроженец итальянской стороны Альп; он вел за собой навьюченного лошака³, на которого иногда садился верхом.

Путешественники имели очень благовидную наружность, и казалось, были соединены между собой узами ближайшего родства; вероятно, это были отец с сыном, так как в маленьком трактире, где они провели прошедшую ночь, почтительность и уважение, оказываемые младшим из них старшему, не укрылись от внимания местных жителей, которые, подобно всем изолированным от окружающего их мира обывателям захолустий, были любопытны ровно настолько, насколько были ограничены их средства к добыванию всякого рода новостей. Они также заметили, что купцы, под предлогом, будто спешат, отказались развязать свои тюки и открыть торг с люцернскими жителями, объясняя это тем, что не имеют для продажи приличных товаров. Женщины маленького городка сильно досадовали на несговорчивость путешествующих купцов, тем более, по догадкам, она происходила от дороговизны имеющихся у них вещей, на которые они не надеялись найти покупателей в горах Швейцарии. Через их провожатого было известно, что чужестранцы накупили в Венеции множество драгоценных товаров, которые из Индии и Египта транспортируются в этот знаменитый город, служащий торговым центром всему Западу, и отсюда уже развозятся по всем частям Европы. Притом молодые швейцарские девушки недавно сделали открытие, что богатые ткани и драгоценные камни очень приятны для глаз; и хотя они не имели надежды приобрести для себя таких украшений, но ощущали довольно естественное желание хоть бы только посмотреть на дорогие товары приезжих купцов; но так как их лишили этого удовольствия, они были очень огорчены.

¹ *Лаупен* — сражение 21 июня 1339 г. между швейцарской и бургундской армиями. Несмотря на тройное численное превосходство (15 тыс. против 5 тыс. чел.), бургундцы были наголову разгромлены швейцарскими копейщиками.

² *Земпах* — сражение 3 июня 1386 г. между австрийской и швейцарской армиями, закончившееся разгромом австрийцев.

³ *Лошак* — помесь ослицы с жеребцом, внешне близок к лошади.

Было замечено также, что иностранцы эти, будучи довольно вежливы в обхождении, не выказывали, однако, усердного старания нравиться местным красавицам, на что так щедры были ломбардские и савойские разносчики, которые иногда заезжали к горным жителям и стали чаще посещать их с тех пор, как приобретенная победами добыча доставила швейцарцам некоторый достаток и научила их новым нуждам. Все эти странствующие купцы были учтивы и услужливы, чего и требовало их ремесло, но вновь приезжие казались людьми, вовсе не заботящимися о своем торге или, по крайней мере, о выручке, которую они могли сделать в Швейцарии.

Любопытство сверх того возбуждалось и тем обстоятельством, что путешественники разговаривали между собой на языке, который, конечно, не был ни немецким, ни итальянским, ни французским, но который, по предположению одного старого трактирного слуги, доезжавшего когда-то до Парижа, сочли английским. Об англичанах же знали, что они гордые островитяне, с давних времен воюющие с французами, – что многочисленное их войско некогда вторглось в лесные кантоны, но было разбито в Рюсвельской долине, это еще очень хорошо помнили люцернские старики, слыхавшие предание от отцов своих.

Молодой человек, сопровождавший иностранцев, был, как это скоро узнали, граубинденский уроженец и служил им проводником, насколько ему позволяло знание горных мест. Он говорил, что они намерены отправиться в Базель, но желают ехать туда проселочными и уединенными дорогами.

Все это еще более усилило общее желание узнать подробнее о путешественниках и об их товарах. Но, точно в наказание любопытным, ни один тюк не был развязан, и купцы, покинув Люцерн на другой же день утром, продолжали опять свое трудное путешествие, предпочитая дальний путь и дурную дорогу через мирные швейцарские кантоны опасности подвергнуться притеснениям и грабительству буйных германских рыцарей, которые, подражая владетельным государям, воевали каждый по своему произволу и собирали насильственную дань и пошлину со всех проезжающих через их владения, несмотря на то, что вся их территория часто простиралась всего лишь на одну милю, а иногда и того менее. Выехав из Люцерна, наши странники несколько часов благополучно продолжали свой путь. Дорога, крутая и трудная, была, однако, в высшей степени привлекательна теми очаровательными видами, которыми так богаты Швейцарские Альпы, и ни одна страна в Европе не может в этом отношении соперничать со Швейцарией.

Ущелья между скалами, зеленеющие лощины, обширные озера и быстрые потоки встречаются, правда, и в других горах, но здесь все эти явления разнообразятся живописными ужасами ледников, что и составляет исключительную принадлежность швейцарских гор.

Тогда был не тот век, чтобы красота и величие местоположения производили сильное впечатление на ум путешественника или туземного жителя. Для последнего самые живописные виды казались обыкновенными, потому что были неразлучны с его ежедневными привычками и работами, а путешественник, может быть, видел более ужасов, чем красот в дикой стране, им проходимой, и более заботился о том, чтобы безопасно добраться до ночлега, чем восхищался величием картин, представляющихся его взорам по дороге к месту отдыха. Однако купцы наши, продолжая свое путешествие, не могли не быть сильно поражены видами, их окружающими. Дорога шла по берегу озера, иногда низом по самому его краю, а иногда, поднявшись на большую вышину, по скату горы вилась над пропастями, которые так же отвесно спускались к воде, как стены замка, стоящего над рвом, их защищающим. По временам попадались им места более приятные, кособоры, одетые пленительной зеленью, низменные, уединенные долины с пажитями и возделанными полями, быстрые ручейки, которые, извиваясь посреди небольших деревушек и готических церквей с колокольнями, орошали холмы, поросшие виноградом, и, приятно журча, наконец впадали в озеро.

– Этот ручей, Артур, – сказал старший из путешественников, которые остановились, чтобы полюбоваться одним из только что описанных мной видов, – походит на жизнь добродетельного и счастливого человека.

– А этот поток, который так стремительно низвергается с горы, означая путь свой белой пеной, – спросил Артур, – с чем он имеет сходство?

– С жизнью храброго и злополучного человека.

– Я выбираю поток и его стремительное течение; ему не может противиться никакая человеческая сила, и что мне за дело до того, что оно будет мимолетно... зато слава ждет его!

– Молодость всегда так рассуждает, – возразил отец. – Я знаю, что подобные мысли крепко засели в твоём уме, и только жестокие несчастья могут изгнать их оттуда.

– Корни этих мыслей еще крепко держатся в моем сердце, а между тем несчастья, как мне кажется, уже коснулись его!..

– Ты говоришь о том, сын мой, чего не понимаешь. Знай, что пока не минет половина жизни, люди едва умеют отличать истинное счастье от несчастья, или лучше сказать, добиваются, как даров судьбы, того, что скорее следовало бы считать знаком ее неблагоприятия. Взгляни на эту гору, мрачная вершина ее увенчана облаками. Они то поднимаются вверх, то опускаются, смотря по тому, как солнце действует на них своими лучами, не будучи, однако, в состоянии разогнать их; ребенок может подумать, что это венец славы, но взрослый человек знает, что это признак бури.

Артур взглянул туда, куда указывал его отец, – на окутанную облаком вершину горы Пилата.

– Неужели туман, висящий над этой дикой горой, имеет такое дурное предзнаменование? – спросил молодой человек.

– Спроси у Антонио, – отвечал отец, – он расскажет тебе одно старинное предание об этой горе.

Артур обратился к молодому швейцарцу, служившему им проводником, и спросил его название этой мрачной горы, которая кажется царицей высоких хребтов, находящихся в окрестностях Люцерна.

Проводник сначала набожно перекрестился, а затем рассказал народное предание о том, что иудейский проконсул Пилат здесь окончил свою нечестивую и преступную жизнь. Проведя несколько лет в пустынных ущельях этой горы (названной будто бы именно поэтому его именем), он, преследуемый угрызениями совести, но не чувствуя искреннего раскаяния, бросился с отчаяния в страшное озеро, находящееся на ее вершине. Потому ли, что вода отказалась совершить казнь над извергом, или оттого, что тело его утонуло, а дух не был принят водой и продолжал посещать место, где совершилось самоубийство, этого Антонио не взялся объяснять, но только часто видали фигуру человека, являющуюся из этих черных вод; и когда это случалось, густые слои тумана, собираясь сперва над лоном Адской горы (так она называлась в старину), а потом, одевая мраком всю ее вершину, предвещали бурю и вихрь, которые вслед за тем неминуемо разражались. Антонио добавил, что злой дух в особенности негодует на дерзость тех чужестранцев, которые всходят на гору именно с целью видеть место его казни, и что поэтому люцернские градоначальники запретили всем и каждому приближаться к Пилатовой горе под угрозой строгой кары. Окончив свой рассказ, Антонио еще раз перекрестился; примеру его последовали и слушатели, слишком ревностные католики для того, чтобы сколько-нибудь усомниться в истинности этой истории.

– Как, проклятый язычник грозит нам! – сказал младший из купцов, между тем как облака темнели и, казалось, все более и более сгущались над вершиной горы Пилата. – *Vade retro* – мы не боимся тебя, грешник.

Предвестник близкой бури – сильный ветер, пока еще только доносящийся до слуха, но не чувствуемый, заревел вдали подобно издыхающему льву, будто бы страждущий дух

преступника принимал дерзкий вызов молодого англичанина. Вниз по бугристым скатам горы потянулись извилистые слои густого тумана, которые, пробираясь сквозь зубчатые расселины, походили на потоки лавы, стремящейся из кратера. Скалы, образующие бока этих обширных рытвин, выставя из тумана остроконечные верхушки, разделяли черные облака, их окружающие. И, будто для более разительной противоположности этому мрачному и грозному зрелищу, отдаленная цепь Ригских гор ярко освещалась разноцветными лучами осеннего солнца.

В то время как путешественники наблюдали этот поражающий контраст природы, представляющий собой как бы грозную битву, готовую разразиться между властью света и властью тьмы, проводник на своем смешанном из итальянских и немецких слов жаргоне убеждал их идти поскорее. Деревня, в которую, по его словам, он хотел проводить их, была еще далеко, тропинка дурна и сбивчива, и если злой дух (прибавил проводник, взглянув на гору Пилата и перекрестясь) покроет долину своим мраком, то дорога сделается опасной и он вряд ли найдет ее. Предупрежденные этим, путешественники плотно застегнули воротники своих плащей, решительно нахлобучили на брови шапки, затянули пряжками широкие пояса, охватывающие их плащи, и, имея каждый в руке горную палку с длинным острым железным наконечником, бодро и без робости отправились далее.

На каждом шагу представлялись им новые виды. По мере того как они, продвигаясь вперед, изменяли свое положение относительно той или другой горы, мимо которой приходилось идти, им казалось, что очертания каждой горы, несмотря на ее неизбежность, беспрестанно изменялись и горы, подобно бегущим теням, принимали новую наружность, новые контуры. Этому обману глаз способствовал также и туман, который, продолжая медленно, но постоянно спускаться, позволял видеть холмы и долины, облекаемые его влажной пеленой. Свойство их дороги, нигде не идущей прямо, а извивающейся узкой тропинкой по излучинам лощины и образующей частые обходы около пропастей и других непроходимых препятствий, увеличивало дикое разнообразие этого путешествия, в котором странники наши наконец совершенно потеряли всякое понятие о направлении.

— Я бы желал, — сказал старший из них, — чтобы у нас была та таинственная игла, которая у мореходов всегда показывает север и дает им возможность направлять свой путь в открытом море, когда не видно ни берега, ни мыса, ни солнца, ни месяца, ни звезд, словом, решительно никаких признаков на небе или на земле, по которым они могли бы держаться надлежащего курса.

— Сомневаюсь, чтобы она принесла нам пользу посреди этих гор, — отвечал юноша, — так как, хотя эта чудная игла и имеет направление к Северному полюсу, но трудно допустить, чтобы она сохранила ту же силу здесь, где эти огромные горы поднимались бы подобно гигантским стенам между магнитной стрелкой и предметом, ее притягивающим.

— Я боюсь, — возразил отец, — что проводник наш, который по мере того, как мы удаляемся от его места жительства, час от часу становится все бестолковее, станет вдруг так же бесполезен для нас, как бесполезен, по твоему мнению, компас в горах этой дикой страны. Друг мой, — спросил он, обращаясь к Антонио на плохом итальянском языке, — вполне ли ты уверен, что мы идем по той именно дороге, по которой следует?

— Если это угодно святому Антонио! — сказал проводник, слишком смущенный для того, чтобы дать прямой ответ.

— А эта вода, вполовину закрытая туманом и блестящая во мраке на дне этой огромной черной пропасти, составляет ли она часть Люцернского озера, или мы дошли уже до другого, после того как поднялись на эту гору?

Антонио выразил только предположение, что они должны еще быть близ Люцернского озера, и надеялся, что видимая ими вдали вода есть не что иное, как его рукав. Но он не в состоянии был сказать ничего верного.

– Собака итальянец! – вскричал молодой человек. – Ты заслуживаешь, чтобы тебе переломать кости, коль скоро берешься за дело, которое ты столь же неспособен выполнить, как и свести нас на небо!

– Полно, Артур, если ты запугаешь этого малого, то он убежит, и мы лишимся и той маленькой выгоды, которую доставляет нам его знание местности; если же ты подымешь на него палку, он оплатит тебе ножом – таков уж нрав мстительных ломбардцев. Во всяком случае, ты только повредишь нам, вместо того чтобы помочь. Послушай, друг мой, – продолжал он на своем ломаном итальянском языке, – не бойся вспыльчивости этого молодого человека. Я не позволю тебя обидеть; скажи только мне, если можешь, названия деревень, через которые нам нужно сегодня проходить.

Ласковый тон старшего путешественника успокоил проводника, несколько испуганного сердитым голосом и угрозами молодого человека, и он произнес тьму названий, в которых грубое немецкое произношение странным образом смешивалось с нежными звуками итальянского языка, но которые, однако, не дали слушающему его никакого удовлетворительного ответа.

Старик, в свою очередь, потерял терпение и вскричал:

– Веди же нас, во имя Святой Богородицы или святого Антонио, если тебе это больше нравится; я вижу, нам не следует терять время, стараясь понять друг друга.

Они двинулись вперед, как и прежде, с той только разницей, что проводник, ведя лошака, шел теперь впереди, вместо того чтобы следовать за двумя путешественниками, которым он до этого указывал дорогу, идя сзади.

Облака сгущались, и туман, состоявший прежде из легких паров, теперь уже начал падать в виде мелкого дождя, водяной пылью садившегося на плащи наших путешественников. Вдали, между горами, раздавались пронзительные и стонущие голоса, которыми, казалось, злой дух Пилатовой горы возвещал бурю. Молодой поселянин опять начал упрашивать своих спутников идти поскорее, и сам же им в этом являлся помехой, так как указывал дорогу крайне медленно и нерешительно.

Пройдя таким образом три или четыре мили, которые неизвестность сделала вдвое длиннее, путешественники наконец очутились на узкой тропинке, выходящей вдоль по самому краю пропасти. Внизу была вода, но какая именно, этого они не могли решить с положительностью. Хотя ветер разгонял по временам туман настолько, что ясно можно было видеть сверкающие внизу волны, однако было ли это то самое озеро, с берегов которого они поутру начали свое путешествие, или это была река, или широкий ручей, они никак не могли хорошенько рассмотреть. Только в одном они были вполне уверены что они находились не на берегах Люцернского озера в том месте, где оно представляет определенную широту свою. Те же самые порывы ветра, которые показывали им воду на дне лощины, по временам открывали перед ними противоположный берег; но определить с точностью, на каком именно расстоянии от них был этот берег, они не могли, хотя он и был достаточно близок для того, чтобы видеть его высокие, крутые скалы и мохнатые сосны. Эти сосны в иных местах соединялись в купы, в других же росли поодиночке посреди утесов, нависших над водой.

До сих пор тропинка, хотя крутая и бугристая, достаточно обозначалась следами, оставленными на ней конными и пешими путниками. Вдруг Антонио, ведя лошака за собой и достигнув верха остроконечной возвышенности, около которой дорога шла крутым поворотом, внезапно остановился и громко произнес обыкновенное свое обращение к покровительствующему ему святому. Артуру показалось, что лошака разделял страх проводника, так как он попятился назад, уперся передними ногами, раздвинул их и, судя по принятому им положению, твердо решил не идти вперед, несмотря на понуждение, обнаруживая ужас перед чем-то таким, что, по-видимому, преградило ему путь.

Артур бросился вперед; им руководило не любопытство; он не хотел, чтобы отец его подвергся какой бы то ни было опасности, и поэтому желал встретить ее прежде, нежели отец успеет дойти, чтобы разделить ее с ним. Гораздо быстрее, чем мы об этом успели рассказать, юноша, бросившись вперед, стоял уже подле Антонио и лошака. Они находились на площадке скалы, где тропинка, казалось, совершенно оканчивалась, а за ней впереди зияла пропасть. Туман не позволял видеть, как глубока была эта пропасть, но, наверное, глубина ее достигала более трехсот футов.

Ужас, изобразившийся на лицах путешественников и ясно выражаемый лошаком, обнаружил, до какой степени встревожило и огорчило их это неожиданное и, по-видимому, непреодолимое препятствие. Лицо отца, который тем временем тоже пришел к этому месту, не дало его спутникам никакой надежды или утешения. Он остановился вместе с другими, и то пристально вглядываясь в открытую под его ногами черную бездну, то осматриваясь вокруг, напрасно искал глазами продолжения тропинки, которая, конечно, не могла же быть проложена с тем, чтобы окончиться таким фатальным образом. Они стояли в нерешительности, не зная что предпринять. Артур напрасно ломал голову, стараясь придумать какое-нибудь средство, чтобы продолжать путь, а отец его почти уже решился предложить воротиться назад, по той же дороге, по которой они пришли. Вдруг оглушительный рев ветра, гораздо пронзительнее прежнего, раздался в долине. Каждый из них, вполне сознавая опасность быть сброшенным вихрем с того ненадежного места, на котором они стояли, ухватился за куст или за утес, чтобы предохранить себя; даже бедный лошак, казалось, еще крепче уперся ногами в почву, готовясь как можно энергичнее противостоять новому напору вихря. И, действительно, вихрь вдруг дунул с такой неожиданной силой, что путешественникам показалось, будто скала, на которой они стояли, задрожала. Их, наверное, снесло бы, как сухие листья, если бы они не приняли вышесказанной предосторожности. Но нет худа без добра, этот новый напор ветра, превосходивший своей силой предшествовавшие ему порывы, промчался по долине с ужасающей стремительностью и на несколько минут почти рассеял покрывавший долину густой туман. Благодаря этому обстоятельству путешественники наши ясно увидели теперь, в чем именно заключалось то препятствие, которое так внезапно преградило им путь.

Быстрый, но верный взгляд, брошенный Артуром, убедил его, что тропинка с площадки, на которой они находились, шла прежде далее в том же направлении, вдоль по толстому слою земли, покрывавшему утес. Но при одном из ужасных обвалов, довольно нередких в этих диких странах, земля сдвинулась с утеса и вместе с проложенной поверху тропинкой, с кустами, деревьями и со всем на ней растущим, обрушилась на дно пропасти, в текущую там реку. Теперь путешественники ясно могли рассмотреть, что вода, которая виднелась внизу, была именно река, а не озеро и не рукав его, как они до сих пор предполагали.

Причиной обвала было, вероятно, землетрясение, нередко случающееся в этих странах. На этом слое земли, представляющем теперь только безобразную глыбу развалин, росло еще несколько деревьев в горизонтальном положении; другие деревья, при своем падении опрокинувшиеся верхушками вниз, были разбиты вдребезги и брошены, как былинки, в быстрину реки, которую когда-то они покрывали густой тенью. Голая скала, оставшаяся позади, подобно лишенному мяса остову какого-нибудь огромного чудовища, служила стеной страшной бездне, похожей на вновь разработанную каменоломню.

Кроме этих признаков, доказывающих, что разрушение дороги случилось весьма недавно, Артур заметил еще по ту сторону реки, выше, за долиной, над сосновым лесом, пересекаемым утесами, четырехугольное здание значительной высоты, похожее на развалины готической башни. Он показал этот достойный внимания предмет Антонио, спросив, знает ли он его, вполне основательно предполагая, что такое необыкновенное местоположе-

ние трудно позабыть тому, кто прежде хоть один раз видел его. И, действительно, молодой проводник тотчас с радостью узнал его и весело вскричал, что это место называется Гейерштейн, то есть, по его объяснению, Ястребиная Скала. Он узнал ее как по башне, так и по остроконечному утесу, возвышающемуся близ нее в виде колокольни, с вершины которого ламмергейер (ястреб-ягнятник) унес сына одного из владельцев этого замка. Затем Антонио начал рассказывать, какой обет владетель Гейерштейна дал Эйнзидленской Богородице, и, пока он это передавал, замок, скалы, лес и пропасти опять скрылись в тумане. Но, заключив свою удивительную повесть чудом, которое возвратило ребенка в объятия отца, он вдруг вскричал:

– Берегитесь! Вихрь! Вихрь!

Действительно, промчался сильный порыв ветра и, разогнав туман, снова открыл перед глазами путешественников картину живописных ужасов, их окружающих.

– Да! – произнес с торжествующим видом Антонио, когда вихрь утих. – Старый Пилат не любит, чтобы говорили об Эйнзидленской Богородице; но Святая Дева сохранит от него тех, которые в нее веруют.

– Эта башня, – сказал Артур, – кажется необитаемой. Я нигде не вижу дыма, а зубцы на стенах развалились.

– В ней давно уже никто не живет, – отвечал проводник. – Но, несмотря на то, мне бы хотелось быть там. Честный Арнольд Бидерман, ландман Унтервальденского кантона, живет близ нее, и я вам ручаюсь, что он никогда не откажет странникам ни в чем, что только есть лучшего в его кладовой и в погребе.

– Я слыхал о нем, – сказал старый путешественник, которого, как Антонио узнал, звали Филиппсон, – говорят, что он хороший, гостеприимный человек, заслуживающий доверия, которым он пользуется у своих сограждан.

– Ваше мнение о нем вполне справедливо, сударь, – отвечал проводник, – и мне очень бы хотелось добраться до его дома, где вас, наверно, встретили бы гостеприимно и снабдили бы добрым советом на ваше завтрашнее путешествие... Но как мы попадем в Ястребиный Замок, не имея ястребиных крыльев? Вот вопрос, на который трудно ответить...

Артур ответил на него смелым вызовом, о котором читатель узнает в следующей главе.

Глава II

*Иди за мной! – Вкруг облака темнеют...
Вот так, склонись ко мне; теперь не бойся...
Сюда, сюда – на палку опирайся...
Вот дерево – рукой схватись за ветки...
Дай руку мне – держись за пояс крепче.
Потише – не спеши: нам недалеко
С тобой идти; опасность миновала —
Мы вышли на знакомую тропинку.*

Байрон. Манфред

Осмотрев окружающую их картину опустошения настолько подробно, насколько позволяло пасмурное состояние атмосферы, Артур сказал:

– Во всяком другом месте я бы решил, что буря утихает; но в этой дикой стране безрассудно было бы предугадывать то, чего следует ожидать. Если преступный дух Пилата действительно носится в вихре, то этот отдаленный и замирающий рев, кажется, достаточно ясно предвещает, что он возвратится к месту своего наказания. Тропинка провалилась вместе с землей, по которой она была проложена; но я вижу ее продолжение там, на дне пропасти, оно обозначено белеющей чертой между глыбами земли и камней. Если вы позволите, батюшка, то мне кажется, я могу доползти по краю пропасти до того места, откуда меня будет видно из обитаемого здания, о котором говорил нам проводник. Если оно действительно существует, то к нему должна быть дорога; если же я не отыщу ее, то, по крайней мере, подам знак тем, кто живет близ этого ястребиного гнезда, и получу от них помощь.

– Нет, я не могу согласиться, чтобы ты подвергал себя такой опасности. Пусть наш проводник идет туда, если он может и хочет. Он родился в горах, и я щедро его за это награжу.

Но Антонио наотрез отказался от этого предложения.

– Я родился в горах, – сказал он, – но никогда не гонялся по скалам за сернами, и у меня нет, как у ворона, крыльев, чтобы перелетать с утеса на утес – жизнь для меня дороже золота.

– И сохрани бог, чтобы я стал назначать тебе за нее цену! Так ступай, сын мой, я иду за тобой.

– Воля ваша, дорогой батюшка, а этому не бывать; достаточно жертвовать жизнью одного из нас, – а моя, как менее драгоценная, по всем законам природы и благоразумия, должна быть подвергнута опасности прежде вашей жизни...

– Нет, Артур, – возразил отец решительным тоном, – нет, сын мой. Я многое пережил, но не переживу, если потеряю тебя.

– Я несколько не боюсь последствий этой попытки, батюшка, если только вы позволите мне идти одному; но не могу – не смею пуститься на такое опасное дело, если вы не оставите своего намерения участвовать в нем без другой помощи, кроме моей. Стараясь сделать шаг вперед, я все буду оглядываться, чтобы убедиться, дошли ли вы до того места, которое я только что оставил. Притом же подумайте, батюшка, если я погибну, то эта потеря будет столь же маловажна, как падение земли и деревьев, которые здесь до меня обрушились. Но вы, если нога ваша поскользнется или рука вам изменит, вспомните, какое важное дело погибнет вместе с вами!..

– Ты прав, сын мой, есть еще узы, привязывающие меня к жизни, хотя бы я и лишился в тебе всего, что для меня драгоценно. Святая Дева и Иисус Спаситель да благословят тебя и даруют тебе успех, сын мой! Ноги твои молоды, руки сильны – ты недаром лазил на высо-

чайшие горы и привыкал ко всем опасностям. Будь смел, но осторожен, – помни, что есть человек, которому, потеряв тебя, останется одна только обязанность, привязывающая его к земле; и что, исполнив ее, он немедленно последует за тобой.

Молодой человек приготовился к своему опасному пути и, сняв с себя тяжелый плащ, остался в одном узком серого цвета платье, сквозь которое рельефно обозначились грация и стройные очертания его сильного, молодого тела. Решимость отца сразу ослабела, когда сын его обернулся, чтобы с ним проститься. Он взял назад свое позволение и повелительным голосом запретил ему отправляться. Но, не слушая этого запрещения, Артур начал уже свой опасный путь. Спустился с площадки, где они стояли, при помощи ветвей старого ясеня, росшего в расселине утеса, юноша достиг, хотя с большой опасностью, узкой закраины пропасти, по которой он надеялся ползком добраться до места, откуда его можно бы было увидеть или услышать из замка, о котором говорил им проводник. Положение молодого человека при исполнении этого смелого намерения было, по-видимому, так опасно, что даже наемный проводник, глядя на него, едва осмеливался переводить дух. Закраина утеса, по которой он полз, казалась издали столь узкой, что совершенно исчезала из глаз. Между тем он постепенно продвигался, то обращая лицо к скале, то смотря вперед, то устремляя глаза к небу и стараясь ни разу не взглянуть в открытую под ним бездну из боязни, что закружится голова. Отец Артура и проводник зорко следили за отважным юношей, и он казался им не человеком, а каким-то насекомым, ползущим по поверхности отвесной стены, движение которого заметно, но не видно способа его передвижения. Горько раскаивался отец молодого человека, что не настоял на принятом им намерении возвратиться на вчерашний ночлег. Это, правда, было неудобно и рискованно, но тогда бы он, по крайней мере, разделил судьбу нежно любимого им сына.

Между тем молодой человек вооружился всевозможной твердостью духа для исполнения своего сложного предприятия. Он обуздал свое довольно пылкое воображение, не позволяя себе ни на минуту предаваться тем ужасным мыслям, которые только увеличивают собой опасность. Он мужественно старался подчинить все, его окружающее, власти рассудка, как лучшей опоре истинной храбрости.

«Этот утес, – говорил он сам себе, – конечно, узок; тем не менее он довольно широк, чтобы я мог на нем держаться; эти выступы и расселины малы и далеки друг от друга, но на первые я могу становиться ногами, а последние полезны мне тем, что я хватаюсь за них руками, будто стоя на твердой площадке, опершись рукой на мраморные перила. Итак, мое спасение зависит от меня самого. Если я буду подвигаться решительно, становиться твердо и держаться крепко, то какая мне нужда до того, что я нахожусь на краю пропасти».

Определяя таким образом настоящую меру опасности здравым рассудком и полагаясь на привычку свою к таким упражнениям, отважный юноша продолжал свое страшное путешествие шаг за шагом, двигаясь вперед с осторожностью, силой и присутствием духа, которые одни только могли спасти его от неминуемой гибели. Наконец, он достиг утеса, далеко выступающего над пропастью. Тут предстояла ему самая критическая минута в его предприятии, и, действительно, это была самая опасная часть его. Утес выдавался более чем на шесть футов над рекой, бурное течение которой в неизмеримой глубине отдавалось ревом, подобным подземному грому. С величайшим вниманием осмотрел Артур это место и, видя кустарник, траву и даже несколько иссохших деревьев, убедился, что утес этот составляет окончательность провала и что если бы ему удалось миновать его, он мог бы надеяться найти продолжение тропинки, так странно прерванной этим разрушительным действием природы. Но конец утеса высывался так далеко, что не было никакой возможности пролезть под ним или пробраться, обогнув его; а так как он несколькими футами превышал то место, до которого дополз Артур, то и перелезть через него было очень трудно. Однако Артур избрал этот последний путь как единственное средство преодолеть препятствие, которое, как он предпо-

лагал, было последним на его пути. Растущее поблизости дерево помогло ему вскарабкаться на верх утеса. Но едва только он ступил на него ногами, едва успел мысленно поздравить себя, увидев посреди дикой громады скал и лесов мрачные расселины Гейерштейна с вьющимся над ним дымом, показывающим существование близ них обитаемого жилища, как, к великому своему ужасу, почувствовал, что огромный утес, на котором он стоял, поколебался и, медленно наклоняясь вперед, начал постепенно менять свое положение. Утес этот, так далеко выдававшийся и сдвинутый уже со своего места при последнем землетрясении, так ненадежно держался, что для окончательного нарушения его равновесия достаточно было тяжести тела молодого человека.

Чтобы предупредить грозящую ему беду и избежать ее, Артур, по врожденному чувству самосохранения, осторожно прыгнул с падающего утеса на то самое дерево, по которому он только что перед этим влезал на утес, при этом он, как бы побуждаемый непреодолимой силой, повернул голову назад, не будучи в состоянии отвести глаз от падающего рокового утеса, только что им оставленного. Две или три секунды утес колебался, как бы находясь в нерешимости, на какую сторону ему упасть; и если бы он, на несчастье Артура, принял боковое направление, то есть ту сторону, где было дерево, то раздавил бы молодого смельчака или свергнул бы его вместе с деревом в бездну. Прошла минута страшной неизвестности, и вдруг сила тяготения решила падение прямо вперед. Огромный обломок скалы, по крайней мере, около тысячи пудов весом, ринулся вниз, раздробляя и расщепляя в своем быстром падении встречающиеся ему на пути кусты и деревья, и наконец с треском и грохотом, равняющимся залпу ста орудий, рухнул в реку. От скалы к скале, из пропасти в пропасть, по соседним горам и долинам прокатилось оглушительное эхо; и, дробясь в тысячах отголосков, раздающийся повсюду гул только тогда уступил место тишине, когда поднялся до области вечных снегов; эти снега, такие же нечувствительные к земным звукам, как и к жизни человеческой, выслушали в своем величественном уединении этот страшный грохот и дали ему умереть, не имея голоса для ответа.

Что думал между тем в этот страшный момент несчастный отец? Он видел, как обрушилась тяжелая глыба, но не имел даже возможности рассмотреть, увлекла ли она за собой его сына в страшном падении! Первым движением его было бежать к краю пропасти, чтобы пуститься по той же дороге, на которой он только что видел Артура, и, когда Антонио, желая удержать старика, обхватил его руками, он обернулся к проводнику с яростью медведицы, у которой похитили ее детей.

– Пусти меня, подлый раб! Или я убью тебя на месте...

– Увы! – вскричал бедный юноша, бросаясь перед ним на колени. – У меня тоже есть отец!

Это восклицание проникло в душу путешественника; он тотчас оставил Антонио и, подняв вверх руки, устремив глаза к небу, вскричал голосом, полным сильнейшей скорби и в котором в то же время слышалась набожная покорность воле Провидения.

– Да будет воля твоя! Он был у меня последний, любимейший и достойнейший любви сын; а там, – прибавил он, – там, над долиной, слетаются уже хищные птицы, которые будут пить юную его кровь! Но я увижу его еще раз! – вскричал несчастный отец, между тем как стая воронов пронеслась над его головой. – Я увижу еще раз моего Артура прежде, чем волки и орлы его растерзают. Я увижу его смертные останки. Не удерживай меня – а останься здесь и смотри за мною вслед. Если я погибну, как нужно предполагать, то поручаю тебе: вынь из моего сундука опечатанные бумаги, которые в нем находятся, и без малейшего замедления доставь их той особе, на имя которой они адресованы. В кошельке довольно денег для того, чтобы похоронить меня с моим бедным сыном; кроме того, тебе еще останется богатая награда за твой труд.

Честный швейцарец хотя и был ограниченного ума, но имел от природы особое чувствительное сердце; услышав последние слова старика, он искренне заплакал. Боясь раздражить его увещаниями и сопротивлением, Антонио безмолвно смотрел, как старик приготовлялся к переходу через ту самую роковую пропасть, где злополучный сын его, по-видимому, подвергся участи, которую отец, с отчаянием родительской нежности, спешил с ним разделить.

Вдруг из-за того самого рокового угла, от которого оторвалась каменная глыба, когда Артур вступил на нее, раздался громкий и пронзительный звук одного из тех огромных буйволовых рогов, которые в древние времена грозно призывали горных жителей к битве и заменяли им на войне все музыкальные инструменты.

– Слушайте, сударь, слушайте! – вскричал проводник. – Это сигнал из Гейерштейна. Верно, кто-нибудь тотчас явится к нам на помощь и укажет безопасную дорогу, чтобы отыскать вашего сына! Посмотрите – на этом дереве, которое блестит, сквозь туман... да сохранит меня святой Антоний! Я вижу, на нем развевается что-то белое! Это как раз за тем местом, откуда оторвалась скала.

Отец старался взглянуть туда, но глаза его наполнились слезами, и он никак не мог рассмотреть предмета, указываемого проводником.

– Все это бесполезно, – сказал он, отирая слезы, – я уж не увижу ничего более, кроме бездыханных его останков.

– Вы его увидите в живых! Святому Антонио так угодно – посмотрите, как эта белая ткань развевается...

– Это какой-нибудь обрывок его одежды, – сказал отец в отчаянии, – плачевный памятник его страшной судьбы! Нет, глаза мои его не видят. Они видели гибель последней поросли моего дома, и я бы лучше желал, чтобы горные вороны выклевали мне глаза!

– Да посмотрите же еще! Эта ткань не висит на ветке; я вижу ясно, что она прикреплена к концу шеста и что ею машут. Сын ваш подает вам знак, что он вне опасности.

– О, если это правда, – сказал путешественник, всплеснув руками, – то да будут благословенны глаза, это видевшие, и уста, это произнесшие. Если мы найдем моего сына, и найдем его в живых, то сегодняшний день будет днем счастья и для тебя!..

– Нет, прошу вас только, вооружитесь терпением и послушайте доброго совета, и я сочту себя вполне вознагражденным за мои услуги. Мне мало будет чести, если я допущу вас погибнуть из-за одного только вашего упрямства, так как вина во всяком случае падает на проводника, – как будто он в силах запретить Пилату стряхивать туман со своего чела, или помешать глыбе земли обрушиться со скалы в пропасть, или не допустить молодого смельчака карабкаться над бездной по краю, не шире лезвия ножа, или, наконец, не позволить старику, которого седые волосы должны бы сделать благоразумнее, выхватывать свой кинжал, подобно ломбардскому бандиту.

Так болтал проводник, и он еще долго бы мог утешать этим самого себя, так как господин Филипсон его не слушал. Каждое биение его пульса, каждое движение его сердца, все его мысли стремились к тому предмету, который, по мнению проводника, обозначал собой спасение его сына. Наконец он окончательно убедился, что тканью действительно махала рука человеческая; и живительная надежда овладела им так же быстро, как только что перед этим – отчаяние. Он опять начал собираться навстречу сыну, чтобы, если возможно, помочь ему достичь безопасного места. Но просьбы и уверения проводника склонили его подождать.

– В состоянии ли вы, – сказал он ему, – ползти по этому утесу? Можете ли вы прочесть молитвы: Верую и Богородицу, не сбившись ни в одном слове? Без этого, как говорят наши старики, хотя бы вы имели двадцать жизней, вы их всех лишитесь. Ясны ли глаза ваши и крепки ли ноги? Я думаю, что первые полны слез, а вторые дрожат, как листья тополя,

под тенью которого мы с вами стоим. Слушайте, по этому трубному звуку я догадываюсь, что это рог доброго гейерштейнского владельца Арнольда Бидермана. Он, вероятно, увидел опасность, которой подвергался ваш сын, и уже заботится о том, чтобы спасти его и нас.

– Но если этим рогом, действительно, подавали сигнал, то отчего же сын мой не отвечал на него?

– А если он и сделал это, в чем я вполне уверен, – возразил Антонио, – то могли ли мы его слышать? Если даже сильный звук этого рога, посреди ужасного грохота и треска бури, показался нам не громче пастушьей свирели, то возможно ли, чтобы нас достиг крик человека?

– Однако мне показалось, что в этой борьбе стихий я слышал нечто, подобное человеческому голосу, но это не Артур.

– Наверно, не он, так как это был женский голос. Молодые девушки разговаривают таким образом одна с другой со скалы на скалу, посреди вихря и бурь, хотя бы между ними была целая миля.

– Хвала Всевышнему за посылаемую нам помощь! Я откликнусь в ответ.

И он начал кричать изо всех сил; но так как здесь нужна была особая сноровка, то голос его, сливаясь с ревом волн и ветра, не мог бы быть слышен даже в пятидесяти шагах и совершенно терялся в грохоте бушующих вокруг стихий. Антонио улыбнулся напрасным усилиям господина Филипсона и, подав в свою очередь голос, издал высокий, пронзительный звук, который хотя, по-видимому, был произведен с гораздо меньшим усилием, чем то делал англичанин, однако ясно отличался от прочих звуков и, вероятно, был слышен далеко. Клики того же рода ответили на него в отдалении и, постепенно приближаясь к площадке, вселили новые надежды в сердце старика.

Если скорбь отца возбуждала к нему сильное сострадание, то и сын его в эту минуту находился в одном из самых ужасных положений. Мы уже сказали, что Артур начал свой опасный путь вдоль пропасти с хладнокровием, мужеством и непоколебимой решимостью, необходимыми для исполнения предприятия, где все зависело от крепости нервов. Но внезапное приключение, прервавшее его путь, было так страшно, что дало ему почувствовать всю горечь смерти, внезапной, ужасной и, как ему казалось, неизбежной. Твердая скала поколебалась и обрушилась под его ногами, и хотя он, посредством усилия, скорее инстинктивного нежели сознательно обдуманного, избавился от гибели, ожидавшей его при падении, тем не менее ему показалось, что лучшая часть его самого, твердость духа и телесная сила оставили его вместе с упавшим утесом, который с оглушительным грохотом, среди густых облаков пыли, обрушился в реку, текущую по дну бездны.

Положение Артура можно сравнить с положением мореплавателя, который в начале бури бодро стоял на палубе своего любимого корабля, гордясь его крепостью и собственным своим искусством; но вдруг корабль, налетев на скалы, разбивается в щепы, волны подхватывают мореплавателя, и он, ища спасения, борется с волнами, перебрасывающими его от скалы к скале. Куда девались его бодрость и уверенность в себе? А между тем еще так недавно он был так спокоен, так горд! Точно то же произошло и с Артуром. Какая разница между тем Артуром, который при начале своего предприятия был так отважен, и тем Артуром, который теперь, обхватив иссохший пень старого дерева, вися между небом и землей, смотрел на падение утеса, едва не увлекшего его вместе с собой в бездну. Ужас одинаково действовал как на его внешние чувства, так и на душу. Голова его кружилась, руки уже не повиновались и то хватались с судорожной цепкостью за ветви дерева, то дрожали, как бы в совершенном расслаблении, и он боялся, что они скоро будут не в состоянии удерживать его в этом положении.

Одно обстоятельство, хотя само по себе и незначительное, еще более усилило впечатление, произведенное на него этим упадком духа. Все окрестные живые твари, казалось,

были перепуганы страшным обвалом скалы. Стаи сов, летучих мышей и других ночных птиц, поднявшись в панике в воздух, спешили возвратиться в свои гнезда и иные убежища, находимые ими в ущельях окрестных гор. Между этими зловещими птицами был ламмергейер, или альпийский ястреб; величиной и хищностью он превосходит даже орла, и Артуру еще никогда не случалось видеть его на таком близком расстоянии. Подобно большей части хищных птиц, ястреб этот имеет привычку, насытись пищей, забираться в какое-нибудь неприступное место и сидеть там неподвижно до тех пор, пока не завершится пищеварение, после чего жизнь словно возвращается к нему вместе с чувством голода. Потревоженная в таком состоянии покоя одна из этих страшных птиц поднялась со скалы, прозванной ее именем, и, описав обширный круг, опустилась с пронзительным криком на вершину утеса, не далее двух сажен от дерева, на котором Артур едва держался. Несмотря на сильный испуг свой, ястреб, ободренный неподвижностью молодого человека, которого он, вероятно, считал умершим или умирающим, пристально устремил на него свои круглые глаза, нисколько не выказывая той робости, которую обыкновенно ощущают самые свирепые звери при близком соседстве с человеком.

Артур, стараясь разогнать внезапно овладевший им страх, поднял глаза, чтобы малопомалу осмотреться, и вдруг увидел эту зловещую птицу. Голая шея и голова, глаза, окруженные темно-желтой полосой, и приземистое тело резко отличали ястреба от благородного орла.

Артур устремил глаза на эту безобразную птицу, не в силах отвести их. Чувствуя опасность, молодой человек совершенно упал духом, и без того уже расстроенный положением, в котором он находился. Близкое соседство твари, столь же отвратительной для рода человеческого, как и не любящей к нему приближаться, показалось ему дурным предзнаменованием. Зачем она так пристально смотрит на него, наклонясь к нему своим безобразным телом и как будто готовясь внезапно броситься? Не дух ли это, и не прилетел ли он радоваться тому, что незваный посетитель его владений, казалось, попал в такую опасность, от которой не было ни надежды, ни возможности избавиться? Или это был обыкновенный ястреб-ягнятник, который своим инстинктом уже чуял, что опрометчивый путешественник скоро сделается его жертвой? Могла ли эта птица, чутье которой, как говорят, очень изощренно, заранее рассчитать приближение смерти странника, и не ожидала ли она, подобно ворону при издыхающей овце, минуты начала своего кровавого пира? Неужели он осужден почувствовать клюв ее и когти прежде, нежели сердце перестанет в нем биться? Разве он уже лишился человеческого вида, внушающего всем тварям страх к существу, созданному по образу и подобию Творца своего?

Эти тяжкие сомнения, больше нежели власть рассудка, способствовали возвращению некоторой энергии молодого человека; он со всевозможной осторожностью начал махать платком, и ему удалось прогнать ястреба. С пронзительным унылым криком ястреб поднялся вверх и, распустив огромные крылья, полетел искать себе более спокойного убежища, между тем как наш отважный путешественник очень обрадовался, избавясь от его ненавистного присутствия.

Тогда, собравшись немного с мыслями, Артур заметил, что с места, где он теперь находился, видна часть той площадки, на которой остались его отец и проводник с мулом. У Артура сейчас же явилась мысль постараться известить своего отца, что он, Артур, находится теперь вне опасности, и успокоить старика. С этой целью он начал как можно выше махать платком, которым только что перед этим прогнал от себя ястреба. Вдруг он, также как и его отец, но только на более близком расстоянии, услышал звуки огромного швейцарского рога, который, казалось, извещал о скорой помощи. Артур отвечал на него криком и маханьем платка, чтобы указать дорогу людям, которые шли спасти его. Овладев снова собой

и почувствовав возвращающуюся к нему энергию, которая совсем было покинула его, он старался внушить себе надежду, а вместе с ней и способность действовать.

Как ревностный католик, он произнес усердную молитву, поручая себя покровительству Эйнзидленской Богородицы и прося ее об избавлении от ужасного положения, в котором он находился.

– Милосердная Дева! – вскричал он в заключение. – Если мне предназначено окончить жизнь, как лисице, преследуемой охотником, в этой дикой пустыне, посреди колеблющихся скал, то, по крайней мере, дай мне терпение и мужество и не допусти тому, кто жил человеком, хотя и грешником, умереть подобно робкому зайцу!

Набожно поручив себя милосердной заступнице, Артур, хотя и трепетал всеми членами от внутреннего волнения и едва не задыхался от сильного биения сердца, сосредоточил все свое внимание на мысли найти средство к спасению. Но, осматриваясь вокруг, он более и более чувствовал, как сильно ослабел он от телесного изнурения и беспокойства, перенесенных им в те ужасные мгновения, когда он подвергался такой страшной опасности. При всех усилиях он не в состоянии был сосредоточить свой взгляд на окружающих предметах: кустарники, скалы и все, находящееся между ним и развалинами Гейерштейнского замка, кружилось и прыгало в ужасном беспорядке, и только внутреннее убеждение в том, что это один лишь обман зрения, удержало его от желания броситься с дерева, так как ему начинало казаться, будто он непременно должен это сделать, чтобы принять участие в чудной пляске, созданной его воображением.

– Спаси меня, Творец Всемогуший! – вскричал несчастный молодой человек, закрыв глаза, в надежде, что не видя ужасов своего положения, ему удастся успокоить свои помутившиеся мысли. – Я лишаюсь чувств!..

Он еще более удостоверился в истине этого предположения, когда женский голос, хоть и пронзительный, но очень приятный, послышался на близком от него расстоянии. Голос этот как будто звал его. Он открыл глаза, поднял голову и взглянул в ту сторону, откуда, казалось, слышался голос. Он едва верил, что этот голос есть явление вполне реальное, а не мечта расстроенного воображения. Призрак, ему представившийся, почти совершенно удостоверил его в том, что ум его поврежден и что он не может в точности полагаться на достоверность своих внешних чувств.

На самой вершине остроконечной скалы, поднимающейся из глубины лощины, явилась женщина, но туман так закрывал ее, что едва можно было различить ее образ. Стан ее, рисуясь в воздушном пространстве, представлялся скорее призрачным, нежели живым, так как казался столь же легким и почти столь же прозрачным, как и тонкие облака, его окружающие. Первой мыслью Артура было, что сама Пречистая Дева, вняв мольбам его, снизошла спасти его, и он начал уже читать молитву Богородице, как голос снова закричал ему тем странным, пронзительным напевом, посредством которого уроженцы Альпийских гор разговаривают на далеком друг от друга расстоянии, с вершины одного утеса на другой, через обширные и страшной глубины пропасти.

Пока он думал, как ему вступить в разговор с этим, так неожиданно явившимся привидением, оно исчезло с того места, которое занимало, и вскоре опять явилось на краю утеса, у подножия которого росло дерево, доставившее убежище Артуру. Вид незнакомки и одежда ее показывали, что она обитательница этих гор, привыкшая к их опасным тропинкам. Одним словом, он увидел прелестную молодую женщину, смотрящую на него с удивлением и состраданием.

– Чужестранец! – сказала наконец она. – Кто ты такой и откуда ты?

– Я точно чужестранец, юная девица, как вы справедливо меня назвали, – отвечал Артур, приподнявшись насколько это было возможно в его положении. – Сегодня утром вышел я из Люцерна с отцом моим и с проводником, они остались не более как в полумиле

отсюда. Не можете ли вы, прелестная незнакомка, известить их о том, что я в безопасности, потому что отец мой, вероятно, очень обо мне беспокоится.

– Хорошо, – отвечала молодая девушка, – только думаю, что дядя мой или кто-нибудь из моих родственников нашел уже их и будет им проводником. Не могу ли я вам помочь? Не ранены ли вы? Не ушиблись ли вы? Мы испугались падения скалы: а, вон она лежит... какая огромная глыба!

Говоря таким образом, молодая швейцарка так близко подошла к краю пропасти и с таким равнодушием посмотрела в бездну, что сила симпатии, соединяющая в подобных случаях действующего со смотрящим на него, опять вызвала дурноту и головокружение, от которых Артур только что избавился, и он, застонав, обхватил крепче прежнего дерево.

– Вы, верно, больны? – сказала девушка, заметив, что он опять побледнел. – Что с вами?

– Ничего, я немножко ушибся и у меня кружится голова... мне делается дурно, видя вас так близко к краю бездны.

– Так только-то? – спросила швейцарка. – Знай, чужестранец, что я не более спокойна и безопасна под кровлей моего дяди, как и на краю пропастей, в сравнении с которыми эта – не более как детская игрушка. Но так как, судя по следам, ты пробрался сюда по закраине пропасти, от которой отвалилась глыба, то поэтому ты должен быть очень далек от такой слабости!.. Совершив этот путь, ты имеешь полное право называться горцем.

– Я бы мог назваться им полчаса тому назад, – отвечал Артур. – Но думаю, что вперед уже не осмелюсь присвоить себе этого названия.

– Не робей! Это обыкновенная дурнота, которая иногда может встревожить ум и помрачить зрение самого мужественного и опытного человека. Поднимись смело по пню этого дерева до его середины, и тогда тебе легко будет перепрыгнуть на площадку, где я стою; после чего уже не останется никакой опасности для молодого человека, обладающего силой, ловкостью и мужеством...

– Да, я, действительно, обладаю мужеством, силой и ловкостью, – возразил молодой человек, – но я стыжусь сказать до какой степени в настоящий момент упало мое мужество. Но я не хочу, чтобы вы стыдились участия, которое приняли в несчастном страннике, я не стану более повиноваться чувству трусости, которое до сих пор никогда не имело места в моей груди.

Молодая девушка смотрела на него с большим участием и беспокойством в то время, когда он, осторожно поднявшись по дереву, которое, торча почти горизонтально из утеса, гнулось под его тяжестью, встал наконец ногами на скалу, откуда ему оставалось только перепрыгнуть на утес, где стояла молодая швейцарка. Сделать это было, однако, далеко не так легко и просто, как казалось, потому что приходилось действовать не на ровной и гладкой земле, а совершить прыжок через мрачную бездну, на дне которой кипел яростный поток.

Колена Артура дрожали, а ноги его, отяжелев, совершенно отказались ему долее повиноваться, и он испытал в сильнейшей степени то действие расслабления, которое никогда не могут забыть бывшие в подобной ситуации и которое с трудом поймут те, кому, по счастью, не случилось испытать его.

Девушка заметила его волнение и тотчас представила себе те последствия, которые могли от этого произойти. Видя одно только средство возвратить ему уверенность, она легко прыгнула с утеса на пень дерева, на котором удержалась с ловкой грацией птички, и в ту же минуту другим прыжком очутилась опять на площадке, затем, протянув незнакомцу руку, сказала:

– Рука моя – опора слабая, но, прыгнув с решимостью, ты найдешь ее столь же твердой, как бернские стены.

Молодая девушка не ошиблась: стыд моментально пересилил боязнь, и Артур, отказавшись от помощи, которой он не мог принять, не унизившись в собственных глазах, пре-

возмог себя и, успешно сделав устрашавший его прыжок, очутился рядом со своей прелестной спасительницей.

Взять ее руку и поднести к губам с изъятием искренней признательности и почтения было, весьма естественно, первым движением юноши, в чем прелестная незнакомка не могла ему препятствовать; при этом она не выказывала ни малейшего желания, совершенно ей несвойственного, и не подала повода к спору о таком маловажном предмете. Не мешает заметить, что место, где это случилось, была площадка едва в пять футов длиной и в три шириной.

Глава III

*Проклятье вам, металлы драгоценные!
Не ради вас ли слабый человек
Несет ярмо и цепи, столь презренные,
Торговых сделок в жалкий этот век!..
Покой души куда отрадней денег звона!..
А страстно так все слушают тот звон...
И радость жизни дороже миллиона, —
А за барышами со всех сторон
Из дальних стран, рискуя жизнью, чрез моря
К торговым центрам стремятся люди.*

Коллинз. Гассан

Артур Филипсон и Анна Гейерштейнская, находясь в этом положении, так близко друг к другу, оба были как бы в замешательстве. Молодой человек опасался показаться трусом в глазах своей очаровательной избавительницы, подавшей ему руку помощи в такой критический для него момент. Что касается молодой девушки, то замешательство ее, быть может, происходило вследствие какой-либо внутренней борьбы, а может быть и потому, что она вдруг очутилась в таком тесном соседстве с юношей, которому только что спасла жизнь.

— Теперь, прелестная незнакомка, — сказал Артур, — я должен возвратиться к моему отцу. Жизнь, спасением которой я вам обязан, имеет для меня цену только потому, что я теперь в состоянии поспешить к нему на помощь.

Он был прерван звуком другого рога, который, казалось, раздавался с того места, где старик Филипсон и его проводник были оставлены молодым отважным спутником. Артур посмотрел в ту сторону, но площадка, которой он, еще находясь на дереве, видел только часть, была теперь вовсе не видна.

— Мне бы ничего не стоило, — сказала молодая девушка, — снова перепрыгнуть на этот пень и посмотреть оттуда, не увижу ли я ваших друзей. Но я уверена, что они имеют надежных проводников, потому что звук этого рога дает знак, что дядя мой или кто-нибудь из моих родственников подоспел к ним на помощь. Они теперь на пути в Гейерштейн, куда, если вам угодно, я и вас провожу, и вы можете быть уверены, что дядя мой Арнольд не допустит, чтобы вы сегодня отправились в дальнейший путь. А сейчас мы только потеряем время, стараясь отыскать ваших друзей. Они дойдут до Гейерштейна раньше нас. Итак, следуйте за мной, или я подумаю, что вам надоело иметь меня своим проводником.

— Скорее, скорее, — отвечал Артур, идя за ней.

Он бросил взор на ее одежду и наружность, подтвердившие испытываемое им удовольствие иметь такую проводницу.

Мы позволим себе описать ее здесь более подробно, нежели он успел рассмотреть девушку за такое короткое время.

Верхняя одежда ее, не настолько узкая, чтобы формы стана резко обозначались, что воспрещалось строгими законами страны, не слишком широкая для того, чтобы мешать ей в ходьбе или в беганье по горам, закрывала нижнее платье другого цвета и спускалась только до половины икр, так что нижняя часть ног была видна во всей их прелестной соразмерности. На ногах были сандалии с загнутыми вверх носками, а ремни и застежки, прикрепляющие их, украшались серебряными кольцами. На верхнем платье был пояс из разноцветного шелка с золотом, между тем как нижнее, открытое спереди, позволяло видеть

ослепительной белизны шею и часть бюста. Белизна эта еще более выступала от контраста с лицом, слегка загоревшим от частого пребывания на солнце и воздухе. Загар этот, однако, нисколько не убавлял красоты ее оживленного личика и был ясным доказательством здоровья красавицы, приобретенного телесными упражнениями. Длинные светло-русые волосы ее рассыпались роскошными кудрями по плечам, а голубые глаза, приятные черты лица и выразительная простота осанки показывали в одно и то же время кротость, доверчивость и решительность, обнаруживая душу, слишком высокую и честную, чтобы подозревать что-либо дурное, и слишком благородную, чтобы ее бояться. На этих кудрях – или лучше сказать посреди их – была надета небольшая шапочка, которая, судя по ее величине, менее служила для покрытия головы и скорее отражала вкус красавицы, не забывшей, по любимому обычаю горных девушек, украсить ее пером цапли, с прибавлением необыкновенной в тогдашние времена роскоши – тонкой золотой цепи, которая, обвиваясь четыре или пять раз около шапочки, соединялась на концах большим медальоном из того же драгоценного металла.

Мне остается только прибавить, что рост этой молодой девицы был несколько выше обыкновенного и что вся ее осанка, не имея, однако, ничего мужского, скорее придавала ей вид Минервы⁴, чем горделивой красавицы Юноны⁵ или сладострастной прелестницы Венеры⁶. Благородное чело, стройные и гибкие члены, твердая и вместе с тем легкая походка – в особенности же девственная скромность и открытый, искренний вид ее – таковы были достоинства молодой швейцарки, вполне заслуживающей быть уподобленной богине мудрости и целомудрия.

Дорога, по которой шел молодой англичанин вслед за своей проводницей, была крута и ухабиста, но не могла назваться опасной, в особенности в сравнении с теми пропастями, через которые Артур недавно переправлялся. Она действительно была продолжением той тропинки, часть которой разрушилась от обвалов, столь частых в этой стране, и хотя во многих местах она попортилась от сотрясения почвы, но некоторые признаки показывали, что ее уже кое-как исправили, и этого было достаточно для такого народа, как швейцарцы, так мало заботившегося о гладких и спокойных дорогах. От своей спутницы Артур узнал также, что настоящая дорога обходом соединяется с тропинкой, по которой они недавно шли, и что если бы он и его спутники свернули на нее там, где этот вновь проложенный путь выходит на старую дорогу, то они избавились бы от опасности, ожидавшей их на краю пропасти.

Тропинка, по которой они теперь шли, пролежала далее, в сторону от потока, хотя подземный рев все еще был слышен, пока они шли параллельно с его течением; но вдруг дорожка, круто повернув, пошла прямо к старому замку и открыла их взорам одно из великолепнейших и величественных зрелищ этой гористой страны.

Древняя Гейерштейнская башня, хотя не обширная и не отличающаяся никакими архитектурными украшениями, была замечательна по своему грозно-монументальному виду, придаваемому ей ее положением на краю противоположного берега реки, которая против самого угла той скалы, где стояли развалины, образовала водопад, около ста футов высотой, и низвергалась в ущелье, вероятно, изрытое ее волнами в незапамятные времена. Против этого вечно ревущего водопада стояла старая башня, построенная так близко к краю пропасти, что своды, которыми архитектор укрепил ее основание, казалось, принадлежали самой скале, как бы составляя ее продолжение. По обычаю, существовавшему в Европе в феодальную эпоху, главная часть здания образовывала крепкий четырехугольник, разрушившаяся вершина которого имела живописный вид от защищавших замок башен различного устрой-

⁴ *Минерва* – римская богиня искусств и талантов, под покровительством которой находились ремесленники, учителя, актеры и врачи. В произведениях искусства и литературы послеплатонической эпохи отождествлялась с Афиной.

⁵ *Юнона* – итальянская богиня, высшее женское божество римского пантеона, отождествляемая с греческой Герой, супруга Юпитера. Как богиня была хранительницей брака и призывалась при родах.

⁶ *Венера* – в римской мифологии богиня любви. Соответствует греческой Афродите.

ства и высоты, круглых, четырехугольных, развалившихся, а иных почти целых, что разнообразило вид этого здания, рисующегося на пасмурном фоне неба.

Наружные ворота, в которые сходили из башни по лестнице, вели прежде на мост, соединявший замок с тем берегом ручья, на котором находились теперь Артур и его прелестная проводница. Один только свод, или лучше сказать, одна сторона свода, сложенная из больших камней, существовала еще посреди реки, против самого водопада. В прежние времена свод этот служил основой деревянного подъемного моста приличной ширины и такой длины и тяжести, что при опускании он должен был ложиться на какие-нибудь прочные опоры. Конечно, это вызывало неудобство, ибо когда мост даже поднимался, то все-таки оставалась возможность пробраться до ворот замка по этой узкой дороге из камней.

Но так как путь этот был не шире полутора фута и по нему можно было добраться только до прохода, защищенного крепкими воротами и железной решеткой и обстреливаемого с башен и со стен, откуда могли пускать стрелы, бросать камни, лить растопленный свинец и кипяток на неприятеля, который дерзнул бы приблизиться к Гейерштейну по этой тропе, то возможность такой попытки не считалась вероятной.

В описываемое нами время замок был совершенно разрушен и лишен своей защиты; ворота, подъемный мост и опускная решетка были уничтожены, а открытый проход и узкий путь из камней, соединяющий оба берега ручья, служили средством сообщения для окрестных жителей, которые уже успели привыкнуть к такой переправе.

Артур между тем, подобно вновь натянутому луку, опять возвратился к свойственной ему телесной и умственной деятельности. Правда, он не в полном спокойствии следовал за своей проводницей, когда она с легкостью серны пробиралась по узкому своду, сложенному из неровных камней, довольно скользких из-за беспрестанно орошавших их мелких брызг соседнего порога. Не без робости совершил он этот опасный переход, в такой близости от водопада, оглушительного рева которого он не мог не слышать, хотя и старался не обращать в ту сторону глаз, боясь, чтобы у него опять не закружилась голова от шума волн, стремящихся с высоты порога в бездонную, как казалось, пропасть. Но, несмотря на это внутреннее волнение, естественный стыд выказать трусость там, где молодая девушка была так хладнокровна, и желание оправдать себя в глазах спутницы заставили Артура преодолеть чувство страха. Ступая твердо и опираясь осторожно на свою остроконечную палку, он шел по легким следам девушки через страшный мост, вступил за нею в ворота и поднялся по лестнице, также полуразрушенной.

Они вышли на покрытое развалинами пространство, служившее прежде двором перед башней, которая в мрачном величии возвышалась посреди разрушенных построек, некогда ее защищавших, и обломков других зданий. Поспешно миновав эти развалины, покрытые мхом, плющом и дикими растениями, сквозь главные ворота замка они вышли на одно из тех мест, которые природа часто украшает своими роскошнейшими дарами посреди стран, отмеченных печатью одичалости и опустошения.

Замок также и с этой стороны значительно превышал окрестности; но возвышенность, на которой он стоял, оканчивающаяся у реки отвесной скалой, шла тут крутым скатом, подобно крепостному гласису⁷, для большей безопасности здания. Пространство это теперь поросло кустарником и молодыми деревьями, посреди которых выделялась башня во всем своем разрушающемся величии.

За редкой рощицей местность совершенно изменялась и открывалось небольшое поместье. Взору представлялся огромный дом, построенный из бревен, без всяких украшений и правильности, но по клубящемуся над ним дыму, по обширности окружающих его служб и по лежащим вокруг него богатым нивам видно было, что в нем обитает если не роскошь,

⁷ Гласис – земляная пологая (в сторону противника) насыпь впереди наружного рва укрепления, крепости.

то, по крайней мере, довольство и изобилие. Сад, наполненный зреющими плодовыми деревьями, простирался на юг от дома. Орешник и каштаны росли красивыми купами, а разведенный на трех или четырех десятинах виноградник показывал, что возделывание лоз производится тут с искусством и успехом. Теперь этой отраслью занимаются вообще в целой Швейцарии, но в те отдаленные времена она была привилегией тех счастливых помещиков, которые обладали редкой выгодой соединять знание с богатством, или, по крайней мере, с обеспечивающим состоянием.

На тучном лугу паслось стадо отличной породы рогатого скота, составляющего гордость и богатство горных обитателей Швейцарии; с Альпийских хребтов, где он проводил лето, его пригоняли сюда, чтобы он находился ближе к убежищу на случай осенних бурь. В одних местах ягнята мирно щипали сочную траву; в других – высокие деревья, выросшие тут, были оставлены в целости на случай построек и украшали своей листвой и тенью эту картину сельской идиллии. По этой восхитительной местности извивался небольшой ручеек, отражающий в зеркальных водах разогнавшие туман солнечные лучи, то протекая между красивыми отлогими берегами, то скрывая свое течение под густыми ореховыми или ольховыми кустами. Ручеек этот после многих красивых изгибов как бы нехотя оставлял эту спокойную, уединенную обитель и, подобно юноше, переходящему от веселых и мирных детских забав к бурному поприщу деятельной жизни, соединялся наконец с яростным потоком, который, с шумом вытекая из гор и ударяясь об утес с древней Гейерштейнской башней, стремился в ущелье, где молодой наш путешественник едва не лишился жизни.

Как ни не терпелось молодому Филипсону увидеть своего отца, но он невольно на минуту остановился, изумленный таким множеством красот посреди таких ужасных сцен; он взглянул назад на Гейерштейнскую башню и на высокий утес, от которого происходило ее название, как бы желая еще раз удостовериться в том, что он действительно находится поблизости от того места, где испытал столько тревог и опасностей. Однако границы этой прекрасно обработанной почвы были так недалеки, что почти не нужно было оглядываться назад для убеждения в том, что этот возделанный человеческим трудом участок очень невелик в сравнении с пустыней, его окружающей. Он со всех сторон ограждался высокими горами, состоящими из голых скал, местами одетыми густым, диким сосновым лесом, вероятно, древним как мир. Сверх того, с возвышения, на котором стояла башня, были видны розовые отблески огромного ледника, освещаемого солнцем; а еще выше, над замерзшей поверхностью этого ледяного моря, подымались в безмолвном величии острые вершины бесчисленных гор, покрытых вечными снегами.

То, для описания чего нам понадобилось столько времени, заняло молодого Филипсона не более одной или двух минут, так как на покатой лужайке, находящейся перед мызой, так можно было назвать это здание, он увидел пять или шесть человек, из которых в первом, по походке, по одежде и по дорожной шапке, ему легко было узнать своего отца, которого недавно он едва надеялся опять увидеть.

И потому он с радостью следовал за своей проводницей. Они подошли к людям. Находившийся впереди их его отец поспешил к нему навстречу в сопровождении другого человека, пожилых лет, почти исполинского роста. По своей простой, но вместе с тем внушительной наружности, он казался достойным соотечественником Вильгельма Телля⁸, Штауфбахера, Винкельрида⁹ и других знаменитых швейцарцев, которые мужеством своим

⁸ *Вильгельм Телль* – швейцарский национальный герой, крестьянин. В 1354 г. утонул спасая ребенка. История о выстреле в яблоко, лежавшее на голове сына, является легендой? прослеживаемой до мифологических времен.

⁹ *Винкельрид Арнольд, или Эрн* – крестьянин, своей геройской смертью доставивший швейцарцам победу при Земнахе (1386) над герцогом Леопольдом Австрийским. Во время этого сражения, когда швейцарцы не смогли прорвать ряды австрийцев, Винкельрид бросился на вражеские копы, которые, пронзив его, пригнулись к земле под весом тела, чем проложил дорогу для своих боевых товарищей.

и силой в прошедшем столетии защитили в боях свою личную свободу и независимость своей родины.

По врожденному чувству вежливости, желая избавить отца и сына от свидетелей при встрече, которая должна была привести их в сильное волнение, Бидерман, шедший впереди со старым Филипсоном, сделал знак следовавшим за ним молодым людям остаться позади. Все они остановились, делая вид, будто расспрашивают проводника Антонио о приключениях чужестранцев. Едва Анна, проводница Артура, успела ему сказать:

«Этот старик мой дядя – Арнольд Бидерман, а молодые люди – мои родственники», – как Артур и его отец уже очутились перед ними. Бидерман, по тому же чувству врожденного такта, которое он уже раз обнаружил, отвел племянницу свою в сторону и, расспрашивая ее обо всем случившемся утром, смотрел на свидание отца с сыном, выказывая при этом любопытство лишь в той мере, насколько это допускала его природная снисходительность. Но свидание произошло совсем иначе, нежели он ожидал.

Мы уже изобразили старого Филипсона нежно любящим отцом, готовым идти на смерть, когда он страшился потерять сына. И он, без всякого сомнения, очень радовался его возвращению, видя его целым и невредимым. Поэтому следовало предполагать, что отец и сын бросятся друг другу в объятия, и, вероятно, Арнольд Бидерман ожидал быть свидетелем именно такой сцены.

Но английский путешественник, подобно большинству своих соотечественников, скрывал пылкие и сильные чувства под холодной и степенной наружностью, считая за слабость слишком предаваться даже самым приятным и естественным ощущениям. Будучи красавцем в молодости, он еще и теперь имел очень видную наружность, которая тем не менее показывала человека, мало расположенного покоряться страстям или одобрять в других слишком большую доверчивость. Он ускорил шаги, увидав своего сына, от естественного желания к нему приблизиться; но замедлил их, когда они начали подходить друг к другу. Остановившись перед сыном, он произнес, более с увещанием и с укоризной, чем с родительской нежностью:

– Артур! Да простят тебе все святые огорчение, которое ты причинил мне сегодня.

– Аминь! – отвечал юноша. – Простите меня, если я огорчил вас; однако поверьте, что я думал сделать лучшее.

– Хорошо, Артур, что делая лучшее и слушаясь только самого себя, ты не подвергся самому худшему.

– Этим я обязан, – почтительным тоном отвечал Артур, – этой молодой девице, – и он указал на Анну, которая стояла в нескольких шагах.

– Я благодарю эту девицу, когда узнаю, каким образом можно будет изъявить ей мою признательность; но неужели ты думаешь, что прилично принимать от женщины помощь, которую каждый мужчина должен сам оказывать слабому полу?

Артур, опустив глаза, сильно покраснел, между тем как Арнольд Бидерман, желая помочь ему, выступил вперед и вмешался в разговор:

– Не стыдись, молодой человек, того, что ты принял совет или помощь от унтервальденской девушки. Знай, что страна эта обязана своей свободой мужеству и благоразумию своих дочерей столько же, как и сыновей. А ты, почтенный гость мой, по-видимому, проживший много лет и видевший различные страны, ты, конечно, часто встречал примеры того, что сильный бывает спасаем помощью слабого, а гордый – содействием смиренного.

– Я, по крайней мере, научился, – отвечал англичанин, – не вступать без нужды в спор с хозяином, который дружелюбно меня принял. – И, бросив на сына взгляд, исполненный живейшей любви, он пошел вместе со всеми прочими обратно к дому, продолжая разговор, начатый им с его новым знакомцем еще до того, как явились к ним Артур и его проводница.

Артур между тем имел случай рассмотреть лицо и наружность швейцарского помещика, который, как я уже говорил, представлял смесь старинной простоты с какой-то грубой величавостью в своей мужественной и непринужденной осанке. Одежда его своим покроем мало отличалась от платья молодой девушки, уже описанного нами. Она состояла из верхнего платья, сшитого наподобие нынешней рубахи, с отверстием только на груди, и надетого поверх нижнего полукафтана. Но это верхнее платье было гораздо короче, чем у молодой девушки, и шло до колен, подобно юбкам горных жителей Шотландии; обувь, вроде сапог, была выше колен и таким образом заключала одеяние всей его особы. Шапка из куньего меха была украшена серебряной бляхой; широкий пояс, охватывавший стан его, был сделан из буйволово́й кожи и затягивался большой медной пряжкой.

Однако наружность носившего на себе столь скромный наряд, казалось, весь состоящий из шерсти горных овец и из меха убитых на охоте зверей, внушала к нему уважение везде, где он появлялся. Иначе и не могло быть, особенно в те воинственные времена, когда о людях судили по внушаемой ими силе. Для тех, кто смотрел на Арнольда Бидермана с этой точки зрения, он имел рост и мощные члены, широкие плечи и сильно обозначившиеся мускулы Геркулеса. Но обращавшие более внимания на благородные черты его лица, на открытое чело, большие голубые глаза, выражавшие отвагу и решимость, находили в нем нечто сходное с царем богов и людей. Окруженный многочисленной толпой своих сыновей и молодых родственников, он шел среди них, принимая от них, как должную дань, знаки уважения и покорности, подобно тому, как стадо оленей оказывает такую же покорность тому, кого оно признало своим вождем.

Между тем как Арнольд Бидерман шел, разговаривая со старшим Филипсоном, молодые люди, казалось, очень пристально посматривали на Артура и время от времени вполголоса задавали Анне вопросы, на которые она отвечала коротко и с нетерпением. Но этим она только более возбуждала веселость, которой горные жители предавались с такой свободой, что Артур подумал, что они смеются на его счет. Досада чувствовать себя предметом насмешек несколько не убавилась от той мысли, что эти люди точно так же обошлись бы со всяким, кто не в состоянии пройти по краю пропасти так же твердо и неустрашимо, как по городской улице. Быть осмеянным всегда неприятно, но это особенно тяжело для молодого человека в присутствии прекрасного пола. Однако Артур утешал себя мыслью, что молодая девушка, не разделяя этих шуток, казалось, взглядами и словами упрекала своих спутников за их невежливость; но он опасался, не происходит ли это из одного лишь человеколюбия.

«Она тоже должна презирать меня, – подумал он, – и, вероятно, одна только учтивость заставляет ее прикрывать свое пренебрежение видом сострадания. Она не может судить обо мне иначе, как только по тому, что видела, но если бы она меня лучше знала (и эта мысль была не без гордости), то, конечно, больше бы стала уважать меня».

Войдя в жилище Арнольда Бидермана, путешественники нашли в большой зале, служившей и столовой и гостиной, приготовления к обеду хотя простому, но сытному. Вокруг по стенам висели земледельческие орудия и разные охотничьи снаряды; но внимание старшего Филипсона было особенно обращено на кожаные латы, на длинный тяжелый бердыш и на двуручный меч, развешанные в виде трофеев. Близ них висел, покрытый пылью, невычищенный и забытый шлем с забралом, какие носили рыцари и воины. Опясывающий этот шлем золотой венок в виде короны хотя от небрежности и почернел, но показывал благородное происхождение и знатный сан; а посаженный на верху его ястреб (из рода тех, которые дали свое имя старому замку и прилежащей к нему скале) возбудил разные догадки в английском госте, хорошо знакомом с историей швейцарских волнений, и он нимало не усомнился, что в этом вооружении он видит трофей древних войн, происходивших между жителями этих гор и феодальным владельцем, которому они когда-то принадлежали.

Приглашение к столу прервало размышления английского купца, и многочисленное общество, включавшее без различия всех живших под кровлей Бидермана, село за обильный обед, состоявший из баранины, рыбы, разного рода молочных блюд, сыра и мяса диких коз. Сам Бидерман потчевал гостей с большим радушием и непринужденностью, прося чужестранцев доказать своим аппетитом, что они так довольны его угощением, как он того желал. В продолжение обеда он разговаривал со старшим из них, между тем как сидящие за столом молодые люди и слуги ели скромно и в молчании. Прежде чем обед кончился, кто-то прошел мимо большого окна, освещающего столовую, что, казалось, произвело сильное впечатление на тех, кто это видел.

– Кто там прошел? – спросил старый Бидерман у сидевших против окна.

– Наш двоюродный братец Рудольф фон Донергугель, – торопливо отвечал один из сыновей Арнольда.

Эта новость, по-видимому, доставила большое удовольствие всем бывшим тут молодым людям и в особенности сыновьям Бидермана; между тем как глава семейства ограничился только тем, что произнес важным, спокойным голосом:

– Милости просим, пригласите сюда вашего двоюродного брата.

Двое или трое из его сыновей тотчас встали, как бы стараясь наперебой друг перед другом принять нового гостя. Он вошел; это был молодой человек высокого роста, стройный и ловкий, с густыми темно-русыми волосами, рассыпающимися кудрями по лбу и с усами того же цвета или почти черными. Шапочка, надетая на его голову, была слишком мала, чтобы закрывать ее, судя по множеству курчавых волос, и потому он носил ее набекрень. Одежда его была того же вида и покроя, как на Арнольде, только сшита из более тонкого сукна, сотканного в Германии, и богато, затейливо украшена. Один из рукавов его был темно-зеленого цвета, искусно обложен галунами и вышит серебряными узорами, между тем как остальная часть одежды была алая. За поясом, выстроченным золотом и стянутым вокруг стана, был заткнут кинжал с серебряной рукояткой. Наряд его заканчивался сапогами, длинные носки которых были загнуты вверх по обычаю Средних веков. На золотой цепи, надетой на шее, висел большой медальон из того же металла.

Этот молодой щеголь был тотчас окружен всеми сыновьями Бидермана, считавшими его, как казалось, образцом, которому должна была во всем подражать швейцарская молодежь. Его походке, одежде, ухваткам и мнениям в точности следовали все, желавшие считаться с господствующей модой, царем которой все его, бесспорно, признавали.

Артуру Филипсону, однако, показалось, что двое из составлявших общество не оказывали этому молодому человеку того уважения и не проявляли той предупредительности, которые единодушно спешила выразить ему вся находившаяся тут молодежь. По крайней мере, сам Арнольд Бидерман далеко не с особенным жаром приветствовал молодого бернца. Мы называем его так потому, что Рудольф был уроженец Берна. Молодой человек, вынув из кармана запечатанный пакет, вручил его Бидерману с изъявлением глубочайшего уважения и, казалось, ожидал, что Арнольд, распечатав бумаги и прочитав их содержание, скажет ему по этому поводу несколько слов.

Но патриарх удовольствовался тем, что пригласил его садиться и разделить с ними обед. Рудольф занял место подле Анны Гейерштейнской, уступленное ему с вежливостью одним из сыновей Арнольда.

Наблюдательному Артуру показалось также, что вновь пришедший был принят молодой девушкой с явной холодностью, несмотря на то, что он со своей стороны был с ней очень приветлив и, видимо, старался ей понравиться. Он, кажется, гораздо больше думал об этом, нежели о том, что сидя за обедом, нужно есть. Артур заметил, что Рудольф о чем-то потихоньку спросил ее. Анна, взглянув на него, дала ему очень короткий ответ, но один из молодых Бидерманов, сидевший по другую сторону Рудольфа, вероятно, был более сло-

воохотлив, потому что оба молодых человека начали смеяться, а красавица смутилась и с досады покраснела.

«Если бы один из этих горцев, – подумал Артур, – попался мне на ровной дерновой площадке шагов в десять пространством, если только возможно в этой стране найти такой величины ровное место, то я бы отбил у них охоту шутить и не доставил бы им пищи для шуток. Мне так же удивительно видеть этих грубых неучей под одной кровлей с такой вежливой и любезной девушкой, как если бы мохнатый медведь пошел плясать с подобной красавицей. Впрочем, какая мне нужда так много заботиться о ее красоте и об их воспитанности, ведь завтра же утром я должен буду навсегда расстаться с ними».

Между тем как мысли эти занимали ум молодого гостя, хозяин дома потребовал вина и, пригласив двух чужестранцев выпить из больших бокалов, выдолбленных из кленового дерева, он послал такой же кубок Рудольфу Донергугелю.

– Выпей, племянник, – сказал он ему, – хотя я и знаю, что ты привык к вину более вкусному, чем это, приготовленному из полусозревших гейерштейнских лоз. Поверите ли, милостивый государь, – продолжал он, обращаясь к Филипсону, – что в Берне есть люди, которые выписывают для себя вино из Франции и из Германии.

– Дядюшка это осуждает, – возразил Рудольф, – но ведь не все места так счастливы, чтобы иметь виноградники, подобные гейерштейнскому, который производит все, чего только могут пожелать глаза и сердце. – Слова эти сопровождались взглядом, брошенным на прелестную соседку, но она притворилась, будто бы не поняла этого комплимента, и Рудольф продолжал: – Но наши зажиточные граждане, имея лишние деньги, не считают безрассудством променивать их на стакан вина, повкуснее того, которое родится у нас в горах. Мы станем более бережливы, когда приберем к рукам бочки бургундского вина, которое нам ничего не будет стоить, кроме перевозки.

– Что ты этим хочешь сказать, племянник Рудольф? – спросил Арнольд Бидерман.

– Мне кажется, почтенный дядюшка, – отвечал бернец, – что из бумаг, которые я имел честь вручить вам, вы уже знаете, что союз наш, вероятно, объявит войну Бургундии!

– А! Так тебе известно содержание моих писем? – вскричал Арнольд. – Новое доказательство того, как времена переменялись в Берне и в нашем Швейцарском сейме. Неужели все наши седовласые граждане перемерли, если соотечественники мои вынуждены призывать безбородых молодых людей на совещания?!

– Бернский сенат и Народный совет, – сказал молодой человек, несколько смутившись и желая оправдать свои слова, – дозволяют молодым людям узнавать их решения, так как мы являемся их исполнителями... Голова, которая размышляет, может ввериться руке, которая разит...

– Но не прежде, как наступит минута, чтобы разить, молодой человек! – сказал Бидерман строгим голосом. – Что это за член Совета, позволяющий себе так нескромно объявлять тайны государственных дел в присутствии женщин и чужестранцев? Ступай, Рудольф, и вы, все прочие молодые люди. Займитесь играми, которые больше могут принести пользы вашему отечеству, чем рассуждения о мерах, им предпринимаемых. А ты, молодой человек, останься, – продолжал он, обращаясь к Артуру, который также встал, – это тебя не касается, ты не привык ходить по горам, и тебе нужен отдых.

– С вашего позволения, милостивый государь, это несправедливо, – сказал старший из иностранцев, – мы в Англии вообще полагаем, что самый лучший отдых должен состоять в движениях, противоположных тем, которые произвели усталость. И потому если молодые люди позволят, то сын мой примет участие в их играх.

– Вряд ли он найдет в них товарищей по себе, – отвечал Бидерман, – но, впрочем, как вам угодно.

Согласно его распоряжению, молодые люди вышли на лужайку, находящуюся перед домом. Анна Гейерштейнская и еще несколько женщин сели на скамью, чтобы судить, кто из молодых людей выкажет более ловкости и силы в играх. Скоро оставшиеся в комнате два старика услышали шум и громкий смех молодых людей, начавших свои игры. Хозяин дома, взяв бутылку с вином, наполнил бокал своего гостя, а остатки вылил себе.

– В те лета, почтенный чужестранец, – сказал он, – когда кровь стынет и чувства тупеют, умеренное употребление вина оживляет воображение и разгибает члены. Однако я почти желал бы, чтобы Ной никогда не сажал винограда. В последние годы я собственными глазами видел, как мои земляки, подражая немцам, напивались вина и, уподобляясь скотам, становились неспособными чувствовать, мыслить и двигаться.

– Этот порок, – сказал Филипсон, – как я успел заметить, входит в обыкновение в вашей стране, где, как я слышал, за сто лет перед этим он был совсем неизвестен.

– Правда, – отвечал Бидерман, – тогда у нас очень мало выделявали вина и никогда его не привозили, потому что никто не имел средств покупать себе того, что не родилось в наших долинах. Но войны и победы доставили нам богатство вместе со славой; а по моему смиренному мнению, нам бы лучше обойтись и без того, и без другого, если бы не то, что вместе с этим мы приобрели себе свободу. Впрочем, мы имеем определенную выгоду, так как торговля иногда приводит в наши уединенные горы какого-нибудь умного путешественника, подобно вам, почтенный гость мой, так как из разговоров ваших я вижу, что вы человек, одаренный прозорливостью и рассудительностью. Хотя мне очень не нравится беспрестанно возрастающая в моих соотечественниках склонность к ничтожным безделкам, которые вы, господа купцы, к нам привозите, однако же я охотно сознаюсь в том, что мы, простые горные жители, гораздо больше приобретаем сведений от людей подобных вам, чем могли бы мы научиться чему-либо сами. Вы отправляетесь, как вы мне говорили, в Базель, а оттуда в лагерь герцога Бургундского?

– Да, достойный хозяин, если только Бог поможет мне безопасно совершить мою поездку.

– Ваша безопасность может быть совершенно обеспечена, если вы согласитесь повременить два или три дня; я сам поеду по той же дороге и с таким прикрытием, которое будет достаточно для предохранения нас от всяких опасностей. Вы найдете во мне надежного и верного проводника, а взамен этого вы мне сообщите разные сведения о тех странах, о которых мне необходимо узнать больше, чем я знаю. Итак, дело улажено?

– Предложение ваше слишком для меня выгодно, чтобы я стал от него отказываться, но могу ли я спросить о цели вашего путешествия?

– Я только что сделал выговор Рудольфу, – отвечал Бидерман, – за то, что он говорил о делах нашего союза без осторожности и в присутствии целого семейства, но от такого благоразумного человека, как вы, бесполезно было бы скрывать полученные мной известия, тем более что вы скоро узнали бы о них по слухам. Вам, конечно, известна взаимная ненависть, существующая между Людовиком Одиннадцатым¹⁰, королем французским, и Карлом, герцогом Бургундским, которого называют Смелым¹¹. Видев обе эти страны, как я понял из

¹⁰ Людовик XI (1423–1483) – король Франции с 1461 г. Вел открытую вражду с высшими сановниками государства и в первую очередь с герцогом Бургундским Карлом Смелым. В 1465 г. коалиция дворянства (т. н. лига Общественного блага) объявила ему войну, и в 1468 г. он был взят ими в плен. После его освобождения за политические уступки борьба продолжилась. Людовик постепенно уничтожил крупные феодальные владения, расширил королевство и способствовал культурному процветанию Франции, хотя себя лично зачастую окружал людьми необразованными. Среди черт его характера следует отметить суеверие и жестокость.

¹¹ Карл Смелый (1433–1477) – герцог Бургундский. Получил хорошее образование. Уже будучи юношей? принимал участие в военных походах, проявив ту упрямую, доходившую до безрассудства отвагу, которая на всю жизнь осталась основной чертой его характера. Целью его жизни было возвести Бургундию в ранг королевства. Это привело к постоянной череде войн Бургундии с королем Франции Людовиком XI, вассалом которого он являлся. Одержав победу над Людови-

вашего разговора, вы, вероятно, знаете различные причины распрей, которые, независимо от личной ненависти этих двух государей, делают их непримиримыми врагами. Людовик, с которым никто в свете не сравнится в искусстве вести свою политику и в хитрости, употребляет все средства, раздавая значительные суммы денег некоторым из наших бернских соседей. Он вносит сокровища даже в казначейство этого кантона, возбуждая корыстолюбие стариков и подстрекая пылкую храбрость молодежи, чтобы только втравить бернцев в войну с герцогом. Карл, с другой стороны, поступает именно так, как только мог бы того желать Людовик. Наши бернские соседи и союзники не довольствуются, подобно нам, жителям лесных кантонов, занятиями скотоводством и хлебопашеством. Они ведут значительную торговлю, которой герцог Бургундский неоднократно препятствовал, допуская поборы и насилие над своими вассалами в пограничных городах, что и вам, без сомнения, известно.

– Совершенно справедливо, – отвечал купец, – их все вообще считают притеснителями.

– И потому вам не покажется удивительным, что задабриваемые одним из этих государей и притесняемые другим, гордые нашими прежними победами и стремясь еще более возвысить свое политическое значение и расширить свои владения, Берн и городские кантоны нашего союза расположены к войне, благодаря которой республика до сих пор всегда приобретала победы, богатство и новые земли...

– Так, почтенный хозяин, и прибавьте к этому еще славу, – сказал Филипсон, прерывая его с некоторым восторгом. – Я нисколько не удивляюсь, что храбрые юноши ваших кантонов желают опять войны, их прежние победы были столь блистательны и славны!

– Вы говорите недостаточно обдуманно, любезный гость мой, – отвечал хозяин, – если вы успех, приобретенный отчаянным усилием, считаете основанием для новой победы. Мы могли бы извлечь более пользы от прежних побед наших. Когда мы сражались за свободу, Бог благословил наше оружие, но сделает ли Он то же, когда мы станем драться для приобретения новых земель или ради золота Франции?

– Ваше сомнение резонно, – сказал купец более спокойным голосом, – но нужно иметь в виду, что вы обнажаете меч с тем, чтобы положить конец незаконным притеснениям Бургундии.

– Послушайте, дорогой друг, – отвечал Бидерман, – конечно, мы, жители лесных кантонов, не очень заботимся о тех торговых делах, которые так сильно занимают бернских граждан. Но мы не покинем наших соседей и союзников в войне, оправдываемой обстоятельствами. Почти уже решено, чтобы от нас были отправлены уполномоченные к герцогу Бургундскому требовать удовлетворения. Главный Совет, собравшийся теперь в Берне, желает, чтобы я входил в состав этого посольства. Такова цель путешествия, в котором я приглашаю вас быть моим попутчиком.

– Мне было бы очень приятно ехать в вашем обществе, почтенный хозяин, но как честный человек, признаюсь вам, что по осанке вашей и наружности вы более похожи на вестника войны, чем на посланника мира.

– Я бы также мог сказать, – возразил швейцарец, – что ваш разговор и чувства скорее отзываются мечом, чем аршином.

– Я привык владеть мечом, прежде чем взял аршин в руки, – отвечал Филипсон, улыбаясь, – и очень может быть, что я еще до сих пор отношусь с пристрастием к прежнему моему ремеслу, причем более, чем это предписывается благоразумием.

– Я так и думал, – сказал Арнольд, – но вы, вероятно, сражались под знаменами вашего отечества против чужеземных врагов его; а в таком случае я готов согласиться, что война

ком XI, Карл Смелый был вынужден воевать с его союзниками швейцарцами. Недооценка противника привела к поражению Карла в 1476 г. в битвах под Грансоном и Муртенем. Попытка взять реванш в битве при Нанси в январе 1477 г. привела к сокрушительному поражению. Сам Карл был убит во время бегства.

имеет в себе нечто, возвышающее душу, заставляющее забывать бедствия, причиняемые ею с той и с другой стороны существам, сотворенным по образу и подобию Божию. Но распря, в которой я участвовал, не имела такого благовидного предлога. Это была несчастная Цюрихская война¹², когда швейцарцы вонзали копья свои в грудь своих же единоземцев; где просили пощады и отказывали в ней на том же родном горном языке. Таких ужасных воспоминаний ваши войны, вероятно, не оставили в вас.

Филипсон опустил голову и приложил руку ко лбу, как человек, в котором вдруг пробудились самые тягостные мысли.

– Увы! – сказал он. – Вы растравляете жестокую рану вашими словами. Какой народ может знать бедствия Англии, не испытав их на себе! Какие глаза могут оценить их, если они сами не видали страны, раздираемой ссорой двух ожесточенных партий; сражений, происходивших во всех областях; долин, покрытых трупами, и эшафотов, обгаренных кровью! Даже в ваших мирных долинах вы, вероятно, слышали о междоусобицах в Англии?

– Мне помнится, – сказал швейцарец, – что Англия лишилась своих владений во Франции вследствие кровавых внутренних раздоров, продолжавшихся несколько лет из-за цвета розы¹³, – не так ли? Но ведь они уж кончились?

– До сих пор, кажется, что так, – отвечал Филипсон.

Между тем как он это говорил, кто-то постучался в дверь.

– Войди, – сказал хозяин дома.

Дверь растворилась, и прелестная Анна Гейерштейнская вошла с поклоном, которым обыкновенно молодые люди в этой пастушеской стране изъявляли свое уважение к старшим.

¹² Цюрихская война – война между Цюрихом и лесными кантонами (1436–1450) из-за спора о наследстве вымершего рода графов Тоггенбургов. Велась в три приема – 1436, 1442–1443 и 1450 гг.

¹³ ...из-за цвета розы... – речь идет о войне за наследство в Англии в 1455–1485 гг., получившей название войны Алой и Белой розы (из-за цветов фамильного герба), в которой за престол боролись Ланкастеры (Алая роза) и Йорки (Белая роза). Война отличалась страшной жестокостью, кровопролитием, попранием ранее установленных прав морали. В конце концов к власти пришел дом Тюдоров.

Глава IV

*...В руках обращая
Лук свой туда и сюда, осторожно рассматривал,
целы ль
Роги и не было ль что без него в них попорчено
червем.
Глядя друг на друга, так женихи меж собой
рассуждали:
Видно знаток он, и с луком привык обходиться;
быть может,
Луки работает сам и, имея уж лук, начатый им
Дома, намерен его по образчику этого сладить;
Видите ль, как он, бродяга негодный, его
разбирает?
Но, отвечали другие насмешливо первым, удастся
Опыт уж верно ему! И всегда пусть такую ж
удачу
Встретит во всем он, как здесь,
с Одиссеевым сладивши луком.*

«Одиссея»

Красавица подошла с полустыдливый-полустепенным видом, который так идет молодой хозяйке, когда она одновременно и чувствует гордость, и как бы конфузится, приступая к исполнению какой-либо важной обязанности. Она шепнула что-то на ухо своему дяде.

— Разве эти ленивцы не могли сами исполнить своего поручения; почему они сами не пришли просить, а послали тебя? Если бы это было что-нибудь дельное, то сорок голосов прожужжали бы мне уши, так теперь скромна швейцарская молодежь.

Анна наклонилась и опять начала шептать ему что-то на ухо, между тем как он с нежностью перебирал ее кудрявые волосы.

— Бушитолецкий лук? Милая моя! — вскричал он наконец. — Верно, эти молодые люди не сделались сильнее с прошлого года, когда никто из них не мог его натянуть. Впрочем, вот он висит с его тремя стрелами. Кто же этот умный витязь, который берется за то, чего он, вероятно, не будет в состоянии выполнить?

— Сын этого господина, дядюшка. Не будучи в состоянии одержать верх над моими братьями в беге, прыжках и в метании камней, он вызывал их поездить верхом и натянуть длинный английский лук.

— Ездить верхом, — сказал почтенный швейцарец, — трудно там, где нет лошадей, а если б они и были, то нет места для скачки. Но английский лук мы ему отыщем, потому что у нас он есть. Отнеси его с тремя стрелами к этим молодым людям и скажи им от меня, что тот, кто его натянет, сделает больше, чем могли сделать Вильгельм Телль и знаменитый Штауфбахер.

В то время как Анна снимала лук со стены, где он висел посреди других оружий, Филиппсон сказал:

— Если барды позволяют такое занятие красавицам, то не иначе как с тем чтобы это был лук слепого божка Купидона¹⁴.

¹⁴ Купидон — римский бог любви.

– Оставим этого слепого божка, – сказал с живостью Бидерман, хотя в то же время и улыбаясь, – нам уже довольно надоели своими дурачествами барды и странствующие певцы с тех пор, как эти бродяги узнали, что они могут добывать у нас деньги. Швейцарская девушка не должна петь ничего, кроме баллад Альберта Итуди и веселой песни, сочиненной для выгона коров на наши горные пажити и для загона их домой.

Между тем как он говорил, Анна сняла лук, требующий необыкновенной силы, длиной более шести футов, с тремя большими стрелами. Филипсон попросил позволения взглянуть на это оружие и внимательно рассмотрел его.

– Какое славное дерево, – сказал он, – я знаю в этом толк, так как в свое время мне часто случалось держать в руках такие луки. В возрасте Артура я так же легко натянул бы его, как ребенок сгибает ивовый прутик.

– Мы слишком стары для того, чтобы хвастать подобно молодым людям, – сказал Арнольд Бидерман, бросив на своего товарища неодобряющий взгляд. – Отнеси этот лук к твоим братьям, Анна, и скажи им, что тот, кто его натянет, победил Арнольда Бидермана. – Говоря это, он сначала взглянул на худощавое, но жилистое тело англичанина, а затем посмотрел на свои здоровые, мощные члены.

– Вспомните, любезный хозяин, – сказал Филипсон, – что для того, чтобы хорошо владеть оружием, не так нужна сила, как искусство и ловкость рук. Больше всего меня удивляет то, что я здесь вижу лук, сделанный Матфеем Донкастром, который жил, по крайней мере, сто лет тому назад. Он прославился крепостью и силой делаемых им оружий, а особенно луков, которые в настоящее время с трудом может натянуть даже английский стрелок.

– Каким образом вы узнали имя мастера? – спросил Бидерман.

– По знаку, который он ставил на всех делаемых им оружиях, и по заглавным буквам его имени, вырезанным на луке. Повторяю, меня очень удивляет, что я нашел здесь такое оружие и притом так хорошо сохранившееся.

– Этот лук всегда натирался смесью воска с маслом и содержался в порядке, потому что его сохраняют как трофей достопамятной победы. Вам не очень будет приятно слышать рассказ об этом дне, потому что он был роковым для ваших соотечественников.

– Мое отечество, – сказал англичанин с равнодушием, – так много одержало побед, что сыны его могут, не краснея, слышать о каком-нибудь одном поражении. Но я не знал, что англичане воевали в Швейцарии.

– Не целым народом, – отвечал Бидерман, – но при жизни моего деда случилось, что многочисленный отряд солдат, составленный из людей разных племен, в основном из англичан, норманнов и гасконцев, сделал набег на Ааргау и на соседние с ним области. Отрядом руководил славный воин, по имени Ангеран де Куси, который имел какие-то притязания к герцогу Австрийскому. Для удовлетворения своих претензий он без разбора начал опустошать как австрийские владения, так и земли нашего союза. Воины его были наемные, казались не принадлежавшими ни к какой стране и столько же были храбры в битвах, сколько жестоки в грабежах. Прекратившаяся ненадолго всегдашняя вражда между Францией и Англией¹⁵ оставила без дела большую часть этих войск, но так как война была их стихией, то они пришли искать ее в наших долинах. Небо засверкало от блеска их оружия, и солнце затмилось от полета их стрел. Они много причинили нам вреда, и мы проиграли несколько сражений. Но наконец мы сошлись с ними при Бушитольце, и кровь многих благородных всадников смешалась с кровью коней их. Высокий холм, покрывающий кости человеческие и лошадиные, еще и теперь называется английской могилой.

Филипсон, промолчав минуты две, сказал:

¹⁵ ...всегдашняя вражда между Францией и Англией... – имеется в виду Столетняя война.

– Пусть они с миром покоятся! Если они были виновны, то заплатили за то своей жизнью; больше этой платы нельзя требовать от человека за его проступки. Упокой, Господи, их души!

– Аминь! – произнес Бидерман. – А также и всех прочих храбрых мужей. Дед мой участвовал в этом сражении и дрался как следует доброму воину; с тех пор этот лук тщательно сохраняется в нашем семействе. Насчет него есть пророчество, но я считаю его не заслуживающим внимания.

Филипсон хотел было подробнее его расспросить, но он был прерван громким криком изумления, раздавшимся снаружи.

– Надо идти посмотреть, что там творят эти молодые повесы, – сказал Бидерман. – Нынче у нас все делается не так, как прежде, когда молодые люди не смели ни о чем судить, не узнав мнения стариков.

Он вышел из дому, сопровождаемый своим гостем. Присутствовавшие на состязаниях молодежи разом говорили, кричали и спорили, а Артур стоял на некотором от прочих расстоянии, равнодушно опершись на спущенный лук. При появлении Бидермана все умолкло.

– Что означает этот необыкновенный шум? – спросил он, возвысив голос, которому все привыкли внимать с почтением. – Рюдигер! – прибавил он, обращаясь к старшему своему сыну. – Натянул ли молодой чужестранец этот лук?

– Натянул, батюшка, – отвечал Рюдигер, – и попал в цель. Сам Вильгельм Телль не делывал таких трех выстрелов.

– Случай, просто случай! – сказал молодой швейцарец из Берна. – Никакая человеческая сила не в состоянии этого сделать; а тем не менее слабый юноша, не имевший успеха ни в чем, на что только не пускался до этого...

– Но что же он сделал? Только не отвечайте все вдруг. Анна, ты умнее и рассудительнее всех этих повес, скажи мне, как это произошло?

Молодая девушка несколько смутилась от его слов, однако, собравшись с духом, отвечала, опустив глаза:

– Целью был, как у нас водится, голубь, привязанный к шесту. Все молодые люди, исключая чужестранца, стреляли в него из своих луков, но не могли попасть. Принеся сюда бушитолецкий лук, я сперва предложила его моим родственникам; но никто из них не хотел его принять, говоря, что если вы, почтенный дядюшка, не в состоянии были натянуть его, то уж им и подавно не сделать этого.

– Они умно говорили, – отвечал Бидерман, – но чужестранец натянул ли лук?

– Натянул, дядюшка, но, написав прежде что-то на бумажке, он положил ее мне в руку.

– И, выстрелив, неужели он попал в цель?

– Сперва он отодвинул шест на сорок сажен дальше, нежели он стоял до этого...

– Странно! – вскричал Бидерман. – Это вдвое против обыкновенного расстояния.

– Потом он натянул лук, – продолжала красавица, – и с невероятной быстротой пустил одну за другой три стрелы, которые были заткнуты у него за поясом. Первая расколола шест, вторая рассекла веревку, а третья убила бедного голубя, который взлетел было на воздух.

– Клянусь Святой Эйнзидленской Девой! – вскричал старик с видом величайшего изумления. – Если ваши глаза точно это видели, то до сих пор никому еще не удавалось так стрелять в лесных наших кантонах.

– Я повторяю, – возразил Рудольф Донергугель с явной досадой, – что все это случай, если не обман и не колдовство.

– А ты, Артур, что ты на это скажешь? – спросил его с улыбкой отец. – Случай или искусство были причиной твоего успеха?

– Батюшка! Мне не нужно говорить вам, что я совершил дело очень обыкновенное для английского стрелка, и я говорю так вовсе не затем, чтобы уколоть этого молодого невежду

и гордеца, но отвечаю нашему почтенному хозяину и его семейству. Рудольф Донергугель говорит, будто бы я околдовал зрителей или случайно попал в цель. Насчет обмана, вот расколотый шест, порванная веревка и убитая птица: их можно видеть и щупать. А потом если этой прелестной девице угодно будет развернуть данную мной ей бумажку, то она увидит в ней ясное доказательство, которое вполне удостоверит вас, что еще прежде, чем натянул лук, я назначил себе три цели, в которые имел намерение попасть.

– Покажи эту бумажку, милая племянница, и разреши этим спор.

– Позвольте не делать этого, почтенный хозяин, – сказал Артур, – это плохие стихи, которые могут найти себе извинение только в глазах женщины.

– Позвольте и мне также заметить, – сказал Бидерман, – что написанное для моей племянницы может быть читано и мной.

Он взял бумажку у Анны, которая, отдавая ее, сильно покраснела. Почерк Артура был так красив, что Бидерман с изумлением воскликнул:

– Ни один сен-галленский писец лучше этого не напишет. Странно, что рука, так искусно владеющая луком, может писать такие красивые буквы! А! да, кажется, еще и стихи! Уж не странствующие ли это певцы, переодетые купцами. – Разгладив бумажку, он прочел следующие строки:

Когда мой верен будет глаз
И попаду, без промаха, с трех раз:
И в шест, и в шнур, и в птицу,
То английский стрелок, любя красу-девицу,
Исполнит, что сказал, и рад держать заклад!..
Но, думая о ней, я все одно и то же
Твержу: «Красавица! один твой взгляд
Моих трех выстрелов дороже!»

– Славные стихи, дорогой гость, – сказал Бидерман, покачивая головой, – ими можно легко вскружить голову молодой девушке. Но не старайтесь извиняться; в вашей стране таков, вероятно, обычай. – И, не разбирая далее содержания двух последних стихов, чтение которых и так привело в замешательство стихотворца и красавицу, к которой они относились, он с важностью прибавил: – Теперь ты должен согласиться, Рудольф, что чужестранец, действительно, уже заранее назначил себе три цели, в которые он и попал.

– Что он попал в них, это так, но какие он употребил для этого средства? Возможно, существуют в мире чары и колдовство.

– Стыдись, стыдись, Рудольф! – сказал Бидерман. – Могут ли досада и зависть управлять таким храбрым человеком, как ты, которому бы должно учить моих сыновей скромности, рассудительности и справедливости так же, как мужеству и ловкости.

Упрек этот заставил Рудольфа покраснеть, но ответить на него он не посмел.

– Продолжайте ваши игры до солнечного заката, дети мои, – сказал Арнольд, – а мы с моим почтенным гостем пойдем прогуляться, так как вечер вполне этому благоприятствует.

– Мне кажется, – сказал Филипсон, – очень приятно было бы пойти осмотреть развалины замка, стоящего у водопада. Это зрелище обладает каким-то меланхолическим величием, примиряющим нас с бедствиями нашего времени; оно красноречиво напоминает нам, что предки наши, будучи, быть может, и умнее и могущественнее нас, тем не менее имели свои заботы и огорчения, подобные тем, от которых и мы страдаем.

– С удовольствием, а дорогой мы поговорим кое о чем таком, с чем нелишне будет познакомиться.

Медленными шагами старики удалились с лужайки, где шум, смех и крики снова начали раздаваться. Артур, успех которого в стрельбе заставил забыть прежние неудачи, снова принял участие в национальных играх швейцарцев и на этот раз заслужил одобрение. Молодые люди, еще недавно над ним подсмеивающиеся, начали считать его человеком, достойным уважения, но Рудольф Донергугель с досадой видел, что имеет соперника в глазах родственников, а может быть, и в глазах прелестной двоюродной сестрицы.

Гордый молодой швейцарец с горькой досадой раздумывал о том, что он подвергся гневу дяди, потерял часть уважения своих товарищей, у которых он до сих пор считался главой, и даже мог ожидать еще более сильных огорчений, и все это, как говорило ему его беспокойное сердце, благодаря чужестранцу-молокососу без имени, без славы, и который не мог перейти с одной скалы на другую без девичьей помощи.

В раздражении он подошел к Артуру, и, делая вид, будто бы разговаривает с ним об играх, которые еще продолжались, он, говоря громко именно об этом предмете, сейчас же вслед за тем обращался к нему шепотом с речами совсем иного содержания. Ударив Артура по плечу, как будто со свойственной горцам искренностью, он сказал ему громко:

– Это стрела Эрнеста пролетела по воздуху подобно соколу, устремившемуся на свою добычу. – И затем, понизив голос, насмешливо проговорил: – Вы, купцы, торгуете перчатками – как вы их продаете?.. Поодиночке или всегда только попарно?..

– Я не продаю перчаток поодиночке, – отвечал Артур, тотчас поняв его и давно уже досадуя на презрительные взгляды, которые Рудольф бросал на него за обедом, равно как и на то, что он приписывал случаю или колдовству успех его в стрельбе. – Я не продаю перчаток поодиночке, сударь, но никогда не отказываюсь меняться ими.

– Я вижу, что вы меня понимаете, – сказал Рудольф. – Смотрите же на играющих, пока я вам буду говорить, чтобы они не стали подозревать того, о чем у нас идет дело. Вы более догадливы, чем я ожидал. Но если мы поменяемся перчатками, то каким образом каждый из нас возвратит себе свою?

– Острием меча, – отвечал Артур.

– В вооружении или как мы теперь стоим?

– Хотя так, как мы стоим, – сказал Артур. – Я ничего не надену, кроме того платья, которое теперь на мне; не возьму никакого оружия, кроме своего меча; и думаю, что этого будет достаточно, господин швейцарец. Назначьте время и место.

– Место будет на дворе старого Гейерштейнского замка, а время – завтра при восхождении солнца. Но за нами следят. Я проиграл свой заклад, господин чужестранец, – прибавил Рудольф громким голосом и с притворным равнодушием, – так как Ульрих бросил палку дальше Эрнеста. Вот моя перчатка в знак того, что я не забуду бутылку вина.

– А вот моя, – сказал Артур, – в залог того, что я охотно разопью ее с вами.

Таким образом, посреди мирных, хотя и шумных забав своих товарищей эти два пылких юноши, отдавшись взаимной ненависти, назначили себе свидание с враждебным намерением.

Глава V

*Стада мычанье, пастушьи рожки,
И берег зеленый тихой реки,
Пляски крестьян, наивная радость
И образ их жизни простой —
Вот в чем я видел жизни всю сладость
И вот что моею было мечтой,
Что взоры манило прелестью чар,
Больше чем роскошь изнеженных бар...
Да! благородный фиала металл
Яду напитка не примет в себя!..*

Неизвестный автор

Оставив молодых людей, занятых играми, Бидерман и старший Филипсон шли рядом, рассуждая о политических отношениях Франции, Англии и Бургундии до тех пор, пока разговор их не переменялся при входе на двор старого Гейерштейнского замка, где посреди развалин других зданий возвышалась уединенная и пришедшая в ветхость башня.

— Это был в свое время великолепный крепкий замок, — сказал Филипсон.

— И гордое, могущественное поколение жило в нем. История графов Гейерштейнских восходит к древнейшим временам Гельвеции, и дела их, как говорят, соответствовали знатности их рода. Но всякое земное величие имеет свой конец, и свободные люди попирают теперь ногами развалины этого феодального замка, перед которым рабы принуждены были снимать свои шапки, если не хотели подвергнуться наказанию, как упрямые бунтовщики.

— На стене этой башни, — сказал купец, — я вижу, изображен герб, это, вероятно, герб этой фамилии; он представляет ястреба на скале, отчего, по моему мнению, и происходит имя Гейерштейн.

— Да, это древний девиз этого дома, — отвечал Бидерман, — и как вы вполне верно сказали, он действительно изображает имя замка, которое носили и рыцари, столь долго им владевшие.

— Я также заметил у вас в доме шлем с тем же девизом. Это, вероятно, трофей победы, одержанной швейцарскими поселянами над владельцами Гейерштейна, подобно тому как и английский лук, который сохраняется в память Бушитольцкого сражения.

— Мне кажется, что вследствие предрассудков вашего воспитания, вам эта победа так же не понравилась бы, как первая. Странно, что благоговение перед знатностью укоренилось даже в тех людях, которые не имеют на нее прав! Но успокойтесь, почтенный гость мой, и узнайте, что в то время, когда Швейцария сбросила с себя иго феодального рабства и многие замки храбрых баронов были разграблены и разрушены справедливым мщением раздраженного народа, Гейерштейн не подвергся этой участи. Кровь древних владельцев этого поместья течет еще в жилах того, кому оно нынче принадлежит.

— Что вы под этим подразумеваете, господин Бидерман? Разве не вы им владеете?

— А вы, конечно, думаете, что живя подобно прочим пастухам, нося домашней выделки серое платье и управляя плугом своими руками, я не могу происходить от рода древних дворян? В Швейцарии много поселян благородного происхождения, и нигде нет дворян древнее тех, потомки которых встречаются в моем отечестве. Но они добровольно отказались от всех прав феодальной власти и считаются уже не волками в стаде, а верными псами, которые стерегут овец во время мира и готовы защищать их, когда им угрожает война.

– Однако, – возразил Филипсон, который все еще не мог привыкнуть к мысли, что хозяин его, будучи так просто одет и совершенно похож на поселянина, прямой потомок знатной фамилии, – вы не носите, милостивый государь, имени ваших предков. Они были, как вы говорите, графы Гейерштейнские, а вы...

– Арнольд Бидерман, к услугам вашим, – отвечал старик. – Но если это может доставить вам удовольствие и показаться более важным или приличным, то знайте, что мне стоит только надеть виденный вами старый плащ или, не обременяя себя даже этим, воткнуть только соколиное перо в мою шапку, чтобы назваться Арнольдом, графом Гейерштейнским. Никто не может этого у меня оспорить; но прилично ли будет графу выгонять на луг свой скот, и можно ли знатному, могущественному гейерштейнскому владельцу, не унижая своего звания, засеять и пахать свои поля? Я вижу, что вас удивляет, почтенный гость, мое превращение; но я объясню вам вкратце историю моего семейства.

Знаменитые предки мои владели этим самым гейерштейнским поместьем, которое в те времена было гораздо обширнее, чем теперь. Подобно всем прочим феодальным баронам, они были иногда покровителями и защитниками своих подданных, а чаще того притесняли их. Но дед мой, Генрих Гейерштейнский, не только присоединился к своим соотечественникам, вооружившимся для отражения Ингельрама де Куси и его бродячего войска. Когда война с Австрией возобновилась и многие дворяне перешли под знамена императора Леопольда, предок мой пристал к противной стороне, сражался в первых рядах союзников и своей опытностью и мужеством содействовал решительной победе, одержанной швейцарцами при Земнахе, где Леопольд лишился жизни и где пал цвет австрийского рыцарства. Отец мой, граф Виливальд, пошел тем же путем, отчасти по склонности, отчасти из политических соображений. Он вступил в тесную связь с унтервальденским правительством, получил титул гражданина и так отличился, что был избран ландманом Республики. Он имел двух сыновей – меня и младшего моего брата Альберта. Будучи облечен, как ему казалось, двойным званием, он желал, может быть неблагоразумно (если я вправе осуждать намерения умершего отца моего), чтобы один из сыновей наследовал звание менее пышное, хотя, по моему мнению, и не менее почетное, свободного унтервальденского гражданина, сохранив между равными себе значение, приобретенное как заслугами отца, так и его собственными. Когда Альберту минуло двенадцать лет, отец взял нас с собой в недалекое путешествие по Германии, где обряды, пышность и великолепие произвели совершенно противоположное впечатление на моего брата и на меня. То, что показалось Альберту высшей степенью земного величия, на мой взгляд, было утомительным вздором и пустой чопорностью. Отец объявил нам свою волю и мне, как старшему сыну, назначил обширное гейерштейнское поместье, отделив от него участок самой плодотворной земли, достаточный для того, чтобы сделать брата моего одним из зажиточнейших граждан той страны, где обеспеченное существование считается уже богатством. Слезы полились из глаз Альберта. «Неужели брат мой, – воскликнул он, – один будет графом и воспользуется всеми почестями и уважением своих подданных, а я останусь грубым поселянином в обществе седобородых унтервальденских пастухов? Нет, батюшка, я уважаю вашу волю, но не могу пожертвовать моими правами. Гейерштейн – имперское поместье, и законы предоставляют мне в этом имении равную часть. Если брат мой будет графом Гейерштейнским, то я точно такой же граф и скорее прибегну к посредничеству императора, чем допущу, чтобы прихоть одного человека, хотя бы это был и отец мой, лишила меня звания и прав, дарованных мне ста предками». Отец мой очень рассердился. «Иди, молодой честолобец, – сказал он, – доставь врагам твоего отечества предлог вмешаться в дела его и проси чужого государя, чтобы он воспрепятствовал исполнению воли отца твоего. Иди, но не смей являться ко мне на глаза и страшись вечного моего проклятия!»

Альберт горячился, но я упрямился и выслушать меня. «Я всегда больше любил горы, чем долины, – сказал я отцу, – прогулки пешком всегда предпочитал верховой езде; более гордился соперничеством с пастухами в их играх, чем состязанием с дворянами на турнирах, и чувствовал себя счастливее на деревенских пирушках, нежели на празднествах германских вельмож! И потому позвольте мне быть гражданином Унтервальденской республики; этим вы избавите меня от тысячи забот; а брат мой, Альберт, пусть носит корону графа Гейерштейнского и пользуется всеми почестями, принадлежащими этому званию». После нескольких возражений отец мой наконец согласился на мой вызов, лишь бы только достичь цели, которая была его заветной мечтой. Альберт был провозглашен наследником его замка и звания, с титулом графа Гейерштейнского; а мне отдали во владение эти поля и плодоносные луга, посреди которых стоит дом мой, и соседи стали называть меня Арнольдом Бидерманом.

– Если имя Бидерман, насколько я понимаю, – сказал Филипсон, – означает достойного, прямодушного и щедрого человека, то я не знаю никого, более вас достойного носить его. Однако позвольте заметить, что хотя я и одобряю ваше поведение, но не имел бы настолько характера, чтобы подражать вам, будучи на вашем месте. Прошу вас продолжать историю вашего дома, если это вам не в тягость.

– Мне немного остается прибавить, – сказал Бидерман. – Отец мой умер скоро после распределения своего наследства. Брат мой, имея еще другие поместья, в Швабии и Вестфалии, редко навещал замок своих предков, которым заведовал управитель – человек, сделавшийся столь ненавистным всем вассалам нашего дома, что если бы мое близкое присутствие и родство с его господином не служили ему защитой, то его вытащили бы из этого ястребиного гнезда и так же мало пощадили бы, как и одну из этих хищных птиц. По правде сказать, редкие приезды брата моего в Гейерштейн не доставляли большого облегчения его подданным и не добавляли ему их любви. Он слышал и видел только ушами и глазами своего жестокого и корыстолюбивого управителя Шрекенвальда и вовсе не обращал внимания на мои увещания. Хотя он всегда обходился со мной дружелюбно, однако я полагаю, он считал меня глупым, слабоумным деревенщиной, унижившим свой знатный род «подлым» образом мыслей. Он при всяком удобном случае показывал пренебрежение к своим соотечественникам, особенно же тем, что и сам носил и слуг своих заставлял носить павлинье перо, несмотря на то, что это был символ австрийского дома, столь ненавидимого в нашей стране, что многие люди лишились жизни единственно только потому, что носили это перо на своих шапках. Между тем я женился на моей Берте, которая теперь на небесах и от которой я имел шесть молодых сыновей; из них вы видите сегодня пятерых. Альберт также вступил в брак с девицей знатного рода в Вестфалии; но брак этот не был столь же плодотворен, и он имел одну только дочь Анну Гейерштейнскую. В это самое время между городом Цюрихом и нашими лесными кантонами вспыхнула война, в которой было пролито так много крови и в которой наши цюрихские братья были так безрассудны, что заключили союз с Австрией. Император употребил все усилия, чтобы воспользоваться благоприятным случаем, который ему представился благодаря этой несчастной междоусобице швейцарцев, и пригласил к содействию всех, кого только мог. С братом моим он вполне в этом преуспел, так как Альберт не только выступил за императора, но даже принял в укрепленный Гейерштейнский замок шайку австрийских солдат, с помощью которых злой Отто Шрекенвальд опустошил все окрестности, не исключая моего небольшого владения.

– Это было очень затруднительно для вас, вам приходилось выбирать: или вступить за вашу родину, или принять сторону брата.

– Я не колебался, – продолжал Бидерман. – Брат мой был в армии императора, и потому мне не пришлось поднять оружие на него лично. Но я напал на разбойников и грабителей, которыми Шрекенвальд наводнил замок моего отца. Счастье не всегда мне благоприятство-

вало. Управитель во время моего отсутствия сжег мой дом и умертвил младшего моего сына, который лишился жизни, защищая отцовское жилище. Поля мои были опустошены, стада истреблены; но наконец при помощи отряда унтервальденских поселян я взял приступом Гейерштейнский замок. Союз наш предложил мне принять его в свое владение; но я не хотел омрачить чистоту дела, заставившего меня поднять оружие, и обогатиться за счет моего брата. Притом жить в крепости было бы наказанием для человека, который столько лет не знал другой защиты, кроме дверного запора и пастушьих собак. Итак, по определению старейшин кантона, замок был разрушен, как вы видите. А вспоминая вред, им нанесенный, мне кажется приятнее видеть развалины Гейерштейна, чем смотреть на него, был бы он цел и неприступен.

– Я понимаю ваши чувства, – сказал англичанин, – хотя повторяю, что добродетель не в силах была бы так отдалить меня от родственных уз. Однако что же сказал ваш братец о вашем патриотическом поступке?

– Он ужасно рассердился, несколько не сомневаясь, что я овладел его замком с тем, чтобы присвоить его себе. Он даже поклялся отказаться от нашего родства, отыскать меня на поле битвы и убить своими руками. Мы, действительно, участвовали оба в Фрейенбахском сражении, но брат мой не мог исполнить внушенного ему мщением намерения, так как был ранен стрелой. Я после того участвовал в кровавой и роковой Мон-Герцельской битве и в деле при часовне Святого Иакова, которые заставили наших цюрихских братьев образумиться и еще раз привели Австрию к необходимости заключить с нами мир. По окончании этой тринадцатилетней войны Совет приговорил моего брата Альберта к изгнанию на всю жизнь, и он лишился бы всех владений, если б его не пощадили из уважения к моим заслугам. Когда приговор этот был объявлен графу Гейерштейнскому, он принял его с презрением; но одно странное обстоятельство недавно показало нам, что он еще питает любовь к своей родине и, при всем своем негодовании на меня, отдает справедливость моей неизменной к нему привязанности.

– Я чем угодно ручаюсь, – сказал купец, – что обстоятельство относится к этой прелестной девице, вашей племяннице.

– Вы угадали, – сказал Бидерман. – Недавно мы узнали, хотя и не очень подробно (потому что, как вам известно, мы имеем мало сношений с иностранными государствами), что брат мой был в большой милости при дворе у императора, но что он чем-то навлек на себя подозрение, и вследствие одного из переворотов, столь обыкновенных при дворах, был сослан. Вскоре после получения этого известия, кажется лет семь тому назад, возвращаясь с охоты за рекой, через узкий мост, служащий нам сообщением, я проходил по двору замка, который мы только что оставили (разговаривавшие были уже на обратном пути к дому), как вдруг чей-то нежный голос произнес по-немецки: «Дядюшка! Сжальтесь надо мной». Обернувшись, я увидел выходящую из развалин девочку лет десяти, которая, с робостью приблизившись ко мне, упала к моим ногам. «Дядюшка! Пощадите жизнь мою», – вскричала она, поднимая вверх свои маленькие ручки и глядя на меня с умоляющим видом, между тем как смертельный страх отражался во всех чертах ее личика. «Точно ли я твой дядя, милая девочка? – спросил я у нее. – И если так, то отчего ты меня боишься?» «Потому что вы начальник злых и грубых мужиков, которые считают за удовольствие проливать кровь дворян», – возразила девочка с удивительным присутствием духа. «Как тебя зовут, малютка? – спросил я. – И кто, внушив тебе такое неблагоприятное мнение о твоём родственнике, привел тебя сюда для того, чтобы удостовериться, точно ли я таков, каким тебе изобразили?» – «Отто Шрекенвальд привел меня сюда», – отвечала девочка, только вполупоняв вопрос мой. «Отто Шрекенвальд?!» – повторил я, содрогнувшись при имени изверга, которого я имел столько причин ненавидеть. Голос, раздавшийся из развалин подобно глухому гулу в погребальной пещере, ответил: «Отто Шрекенвальд!» – и бездельник, выйдя из засады, где он

скрывался, встал передо мной с той всегдашней неустрашимостью, которую он соединяет со свирепым своим нравом. У меня была в руке окованная железом дубинка. Что я должен был сделать, или что сделали бы вы в таком случае?

– Я бы положил его на месте, разбив ему голову, как кусок льда! – вскричал англичанин с негодованием.

– Я сам хотел было так поступить, но он был безоружен, прислан ко мне от брата, и потому я не мог отомстить ему. Его неустрашимость и смелость также немало содействовали его спасению. «Вассал благородного и знаменитого графа Гейерштейнского! – сказал наглый смельчак. – Узнай волю твоего господина и повинуйся ей. Сними шапку и слушай, потому что хотя это говорю я, но я повторяю слова благородного графа». «Богу и людям известно, – возразил я, – обязан ли я брату моему каким-либо почтением. Довольно того, что из уважения к нему я не поступаю с его посланным так, как он заслуживает. Кончай скорей и избавь меня от твоего ненавистного присутствия». – «Альберт, граф Гейерштейнский, твой и мой повелитель, – продолжал Шрекенвальд, – будучи занят войной и другими важными делами, посылает к тебе дочь свою графиню Анну, удостоивая тебя чести заботиться о ней до тех пор, пока ему не заблагорассудится потребовать ее от тебя обратно, и назначая на ее содержание доходы с Гейерштейнского поместья, нечестно тобою присвоенные». «Отто Шрекенвальд, – отвечал я ему, – я не стану унижаться, спрашивая у тебя, говоришь ли ты со мной таким образом согласно воле моего брата или по своей собственной наглости. Если обстоятельства, как ты говоришь, лишили мою племянницу ее ближайшего покровителя, то я буду ей отцом и она не потерпит нужды ни в чем, что я только могу ей доставить. Гейерштейнское поместье взято в казну, замок, как ты видишь, разрушен, и твои злодейства виною, что жилище моих предков подверглось опустошению. Но где я живу, там и Анна Гейерштейнская найдет себе убежище, получит то же содержание, как и мои собственные дети, и будет мне дочерью. Теперь ты выполнил свою обязанность, иди отсюда, если дорожишь жизнью; так как не безопасно говорить с отцом тому, чьи руки обгарены сыновней кровью!»

Злодей тотчас удалился, но на прощанье закричал мне с обычной своей наглостью: «Прощай, граф Сохи и Бороны, прощай, благородный товарищ мужиков!» Он исчез и избавил меня от овладевшего мной сильного желания обгарить его кровью место, видевшее его жестокости и злодеяния. Я отвел племянницу к себе в дом, и она скоро убедилась, что я истинный ее друг. Я приучил ее, будто она была дочь моя, ко всем нашим горным упражнениям, и, превосходя в них всех девушек нашего округа, она отличается от них еще таким умом и мужеством, таким благородным образом мыслей, врожденным тактом и изящным вкусом, которые, поистине сказать, не свойственны простым обитательницам наших гор и показывают более благородное происхождение и прекрасное воспитание. Качества эти так счастливо соединены с кротостью и добротой, что Анна Гейерштейнская справедливо считается славой нашего округа, и я не сомневаюсь, что если она изберет себе достойного супруга, то правительство наше назначит ей значительное приданое из владений ее отца, потому что у нас нет закона наказывать детей за проступки их родителей.

– Вы, конечно, и сами будете рады обеспечить свадьбу вашей племянницы, которая в моих глазах стоит выше всяких похвал, и я имею сильные причины искренне желать, чтобы она составила союз, приличный ее рождению, а в особенности ее достоинствам.

– Этот предмет часто занимает мои мысли, – сказал Бидерман. – Слишком близкое родство препятствует моему главнейшему желанию видеть ее замужем за одним из сыновей моих. Этот молодой человек, Рудольф Донергугель, храбр и пользуется уважением своих сограждан, но он более честолюбив и устремлен к почестям, чем бы я желал для мужа моей племянницы. Он вспыльчив, хотя добр сердцем. Впрочем, я скоро, к своему неудовольствию, буду избавлен от всех забот на этот счет, потому что брат мой, который, казалось, в продол-

жение более семи лет совершенно забыл Анну, прислал мне недавно письмо, в котором требует, чтобы я отправил ее к нему обратно.

Вы, по всей вероятности, умеете читать, так как в вашем ремесле знание это необходимо. Вот это послание; выражения в нем довольно холодны, однако не содержат того нахальства, которое показал посланный его Шрекенвальд. Прошу вас, прочтите вслух.

Купец прочел следующее:

— «Благодарю тебя, любезный брат, за попечение твое о моей дочери! Она имела у тебя надежное пристанище, тогда как в другом месте подверглась бы опасностям; у тебя она не знала ни в чем недостатка, тогда как, может статься, принуждена была бы терпеть нужду. Прося тебя возвратить мне ее, надеюсь, что увижу ее украшенной добродетелями, приличными женщине во всяком звании, и готовой забыть привычки швейцарской поселянки, обратясь к изящным манерам девицы знатного рода. Прощай, благодарю тебя за твои попечения и желал бы вознаградить тебя за них, если бы это было в моей власти; но ты не нуждаешься ни в чем из того, что я могу дать тебе, отказавшись от знатного сана, к которому ты был предназначен рождением, и устроив свою жизнь сообразно вкусу своему, вдали от бурь и волнений, испытываемых знатными людьми. Остаюсь твой брат Гейерштейн». Письмо подписано: «Графу Арнольду Гейерштейнскому, называемому Арнольдом Бидерманом. В приписке просят вас отослать вашу племянницу ко двору герцога Бургундского. Слог этого письма показывает человека надменного, колеблющегося между воспоминанием о прежних обидах и признательностью за вновь оказанную услугу. Речи же его посланного были свойственны нахальному рабу, желающему излить свою личную злобу под предлогом исполнения воли своего господина».

— Я так и принял то и другое, — отвечал Бидерман.

— А намерены ли вы отослать эту прелестную девушку к отцу, не зная, в каком он находится положении, и в состоянии ли он защищать ее?

— Узы, соединяющие родителей с детьми, неприкосновенны, — отвечал с живостью Бидерман, — они всегда должны оставаться главенствующими и священными среди всех связей человеческого рода. Только одно препятствовало мне до сих пор исполнить желание моего брата: невероятность обеспечить безопасность проезда племянницы. Но так как теперь решено, что я сам поеду ко двору Карла, то я и решился взять Анну с собой, когда же я там переговорю с моим братом, с которым я уже несколько лет не видался, я узнаю виды его насчет дочери и, может быть, склоню его оставить ее опять на мое попечение. Теперь, милостивый государь, сообщив вам со всей подробностью о моих семейных делах, я прошу вас, как умного человека, обратить внимание на то, что я хочу еще вам сказать. Вам известно, что молодые мужчины и девушки всегда расположены разговаривать, смеяться и шутить между собой, отчего часто рождается взаимная склонность, называемая любовью. Если мы поедем вместе, то надеюсь, вы надлежащим образом внушите вашему сыну, что Анна Гейерштейнская не может, сохраняя приличие и свое достоинство, сделаться предметом его мыслей или ухаживания.

Купец покраснел с досады или от какого-нибудь иного, не менее сильного чувства.

— Я не просил вашего содействия, господин Бидерман, — сказал он, — вы сами мне его предложили; если сын мой и я чем-либо могли возбудить к себе вашу недоверчивость, то мы охотно поедем одни.

— Не сердитесь, почтенный гость. Мы, швейцарцы, не скоро предаемся подозрениям; и чтобы не иметь к ним повода, мы говорим о вещах, могущих возбудить их, с большей искренностью, нежели это водится в странах, более просвещенных. Когда я предложил вам ехать вместе со мной, то говоря правду, хотя и не очень приятную вам, как отцу, я считал вашего сына тихим и робким молодым человеком, слишком застенчивым и скромным для того, чтобы обратить на себя внимание женщины. Но за короткое время он выказал себя

в таком виде, который всегда для них привлекателен. Он сумел натянуть бушитолецкий лук, что долго у нас считалось невозможным и с чем по народному преданию соединено глупое пророчество. Он пишет стихи и, без сомнения, обладает еще другими талантами, которые привлекают друг к другу молодых, хотя их считают маловажными те, у кого борода начинает сесть, как у нас с вами, господин купец. Посудите сами, если брат мой рассорился со мной только за то, что я предпочел свободу швейцарского гражданина рабскому и унижительному званию германского царедворца, то он, вероятно, не одобрит склонности своей дочери к человеку, не имеющему дворянства и который, как он скажет, унижает себя торговлей, землешествием, словом, каким-либо полезным ремеслом. Если бы сын ваш вздумал полюбить Анну Гейерштейнскую, то подверг бы себя опасностям и верной неудаче. Теперь, когда вам все известно, я спрашиваю вас, поедете ли вы вместе со мной или отдельно?

— Как вам угодно, почтенный хозяин, — равнодушно ответил Филипсон. — С моей стороны только могу сказать, что склонность, о которой вы говорите, столь же противна моим желаниям, как воле вашего брата и, вероятно, вашей собственной. Артуру предстоит исполнить обязанности, совершенно не позволяющие ему заниматься снисканием любви швейцарских или германских девушек, какого бы они звания ни были. Он покорный сын; по крайней мере, он никогда не ослушивался моих приказаний, и я буду наблюдать за его поступками.

— Довольно, любезный друг, — сказал Бидерман, — итак, мы едем вместе, и я охотно остаюсь при первом моем намерении, так как мне очень приятно иметь такого умного собеседника, как вы.

Переменив тему разговора, он спросил у купца, прочен ли, по его мнению, союз, заключенный английским королем с герцогом Бургундским.

— Мы много слышаны, — продолжал швейцарец, — о сильной армии, с которой король Эдуард¹⁶ намеревается завоевать обратно английские владения, находящиеся во Франции.

— Я совершенно уверен, — сказал Филипсон, — что соотечественники мои ничего так пламенно не желают, как войти во Францию и постараться взять обратно Нормандию, Майн и Гасконь, принадлежавшие издавна английской короне¹⁷. Но очень сомнительно, чтобы развратный похититель престола, именующий себя королем, мог надеяться на Божью помощь для успеха в таком предприятии. Эдуард Четвертый, конечно, храбр и выиграл все сражения, в которых он обнажал меч и число которых довольно велико. Но с тех пор как он достиг кровавым путем высшей точки своих честолюбивых замыслов, он сделался более сластолюбцем, предающимся чувственным удовольствиям, нежели храбрым воином, теперь решительно можно сказать, что даже надежда возвратить богатые владения, потерянные Англией в продолжение междоусобных войн, произведенных его честолюбивым домом, не в состоянии будет заставить его променять роскошную постель в Лондоне с шелковыми простынями и с пуховым изголовьем, томные звуки лютни, навевающие сладкий сон, на жесткое ложе во Франции и на звуки труб, призывающие к битве.

— Тем лучше для нас, если это так, — сказал Бидерман, — потому что если бы Англия и Бургундия раздробили Францию, как это едва было не случилось во времена наших предков, то герцогу Карлу весьма было бы легко удовлетворить ненависть, которую он уже давно питает к нашему союзу.

¹⁶ Эдуард IV (1422–1483) — английский король с 1461 г., активный участник войны Алой и Белой розы. Для борьбы с противниками прибег к помощи Карла Смелого. Его правление было временем господства абсолютизма. Шпионство, произвольные аресты и пытки почти уничтожили свободу личности, однако промышленность и торговля процветали. Умер от излишеств.

¹⁷ ...принадлежавшие издавна английской короне... — после завоевания Англии в 1066 г. герцогом Нормандским Вильгельмом Завоевателем английские короли исторически претендовали на часть территории Франции.

Разговаривая таким образом, они незаметно дошли до лужайки, находящейся перед домом Арнольда Бидермана, где состязания в силе и ловкости уступили место пляске молодых людей обоего пола. Анна Гейерштейнская отличалась в первой паре с юным чужестранцем, и хотя это было весьма естественно, так как он был гость, а она представляла хозяйку дома, но Бидерман и старший Филипсон взглянули друг на друга, как бы вспомнив разговор, который они только что на этот счет вели между собой.

Едва только ее дядя и старый гость возвратились, как Анна Гейерштейнская воспользовалась первым предложением, чтобы прекратить танцы, и, подойдя к дяде, начала говорить с ним, по-видимому, о домашних делах, предоставленных ее распоряжению. Филипсон заметил, что хозяин его внимательно слушал свою племянницу и с обыкновенной своей искренностью кивнул головой, казалось, обещая ей, что то, о чем она хлопочет, будет благосклонно принято.

Вслед за тем все семейство было приглашено к ужину, состоявшему большей частью из превосходной рыбы, наловленной в соседних реках и озерах. Огромная чаша с так называемым прощальным напитком обошла всех по кругу. Из нее прежде всех отведал хозяин; после него скромно коснулась ее губами племянница; потом ее поднесли гостям и, наконец, допили остальные, составлявшие общество. Так воздержанны были швейцарцы в ту эпоху, но нравы их очень испортились, когда они вошли в сношения со странами, в которых господствовала роскошь. Гостей отвели в спальню, где Филипсон и Артур легли на одной постели, и вскоре все обитатели Гейерштейнского дома погрузились в крепкий сон.

Глава VI

*Когда два человека бросаются в битве один на
другого —
Это два яростных потока вод,
столкнувшихся друг с другом,
Это битва двух ураганов, кружащихся в бешеном
вихре,—
Два встречных пламени, стремящихся пожрать
друг друга...
Ни ярость демонов, ни бешенство фурий ада,
И никакие дикие схватки враждебных стихий,
Ничто не сравнится с диким исступлением,
До которого доходит человек в своем
необузданном гневе!..*

Френо

Старик Филипсон, несмотря на свое крепкое телосложение и привычку к трудам, спал крепче и долее обыкновенного, но у Артура была забота, рано прервавшая его сон.

Предстоявшее ему свидание с пылким и смелым швейцарцем считалось по тогдашним понятиям таким делом, которое нельзя было отложить или не исполнить. Он встал со всевозможной осторожностью, чтобы не разбудить отца, хотя едва ли это возбудило бы подозрение старика. Он привык к тому, что сын его вставал раньше его, чтобы сделать все нужные для дальнейшего пути приготовления, посмотреть, управился ли проводник, накормлен ли лошак, избавляя отца от заботы обо всем этом. Старик, утомленный предыдущим днем, спал, как мы сказали, крепче обыкновенного, и Артур, вооружившись своим мечом, вышел на лужайку, лежащую перед домом Бидермана. Прекрасное осеннее утро было очаровательно.

Солнце только что коснулось своими лучами вершины высочайшего исполина швейцарских гор; длинные тени лежали еще на сырой траве, которая, хрустя под ногами молодого человека, показывала, что ночью был мороз. Но Артур даже не взглянул на эту восхитительную картину, ожидавшую только искры, дневного светила, чтобы явиться в полном своем блеске. Он поправил пояс, на котором висел верный меч, и, затянув пряжку, пошел к месту свидания.

В эту воинственную эпоху вызов на поединок считался священным обязательством и, заглушая внутреннее чувство предубеждения к нему, внушаемое природой вопреки общественным взглядам, соперники должны были идти на место боя так же весело и охотно, словно на свадьбу. Не знаю, действительно ли Артур чувствовал в себе такую готовность; но если и было иначе, то ни взгляд его, ни походка ни в чем не выдали его тайны.

Быстро миновав поля и рощицы, отделяющие жилище Бидермана от старого Гейерштейнского замка, он вступил на его двор с противоположной потоку стороны; и почти в ту же самую минуту его противник, который казался еще выше и мужественнее при бледном утреннем свете, чем в прошлый вечер, явился к мосту, ведущему через реку. Рудольф пришел в Гейерштейн не по той дороге, которая привела туда англичанина.

Молодой бернский богатырь имел у себя за спиной один из тех огромных двуручных мечей, клинок которых равнялся пяти футам длины и которыми действовали обеими руками. Такие мечи использовали швейцарцы почти повсеместно, так как кроме того, что они рассекали стальные латы германских воинов, непробиваемые другим, более слабым оружием,

они были очень удобны для защиты горных проходов, где телесная сила и ловкость сражающихся, несмотря на тяжесть и длину этих мечей, позволяла употреблять их с пользой и с большим искусством. Такой именно гигантский меч висел у Рудольфа Донергугеля на шее, так что конец его ударял по пяткам, а рукоятка выступала над левым плечом, гораздо выше головы. Он держал другой такой же меч в руке.

– Ты очень точен! – закричал он Артуру таким голосом, который явственно был слышен при шуме водопада, едва не заглушая его собой. – Полагая, что ты придешь сюда без двуручного меча, я принес тебе меч Эрнеста, моего двоюродного брата, – продолжал он, бросив на землю меч, рукояткой к молодому англичанину. – Не обесчести его, чужестранец, потому что родственник мой никогда мне этого не простит. Или возьми мой, если ты считаешь его лучшим.

Англичанин с некоторым удивлением посмотрел на этот меч, так как он вовсе не умел владеть им.

– Вызываемому, – сказал он, – во всех странах, где известны законы чести, предоставлен выбор оружия.

– Тот, кто сражается на швейцарских горах, должен употреблять и швейцарское оружие, – отвечал Рудольф. – Неужели ты думаешь, что наши руки созданы для того, чтобы воевать перочинными ножами?

– А наши руки не привыкли действовать косой, – сказал Артур; и глядя на меч, который швейцарец продолжал предлагать ему, он произнес сквозь зубы: – Я не умею владеть этим оружием.

– Не раскаиваешься ли ты в том, что принял мой вызов? Если так, то признайся в своей трусости и ступай благополучно домой.

– Нет, гордец, – вскричал Артур, – я не требую от тебя никакой пощады. Я только вспоминаю битву между пастухом и гигантом¹⁸, в которой Бог даровал победу тому, чье оружие имело еще больше неравенства, чем мое в сравнении с твоим. Я буду сражаться тем, что у меня есть. Мой собственный меч послужит мне теперь так же, как он прежде мне служил.

– Согласен! Но не упрекай меня ни в чем, так как я предлагал тебе равное оружие, – сказал горный житель. – Теперь выслушай меня. Поединок наш будет на жизнь или на смерть, а рев водопада аккомпанементом битвы. Да! Старый шумила, – продолжал он, посмотрев вниз, – ты уж давно не слыхал стука оружия. Взгляни туда прежде, чем мы начнем, чужестранец, потому что, если ты падешь, я брошу в его воды твое тело.

– А если ты будешь побежден, надменный швейцарец, так как я полагаю, что самонадеянность твоя доведет тебя до гибели, то я похороню тебя в эйнзидленской церкви, отпою панихиду за упокой души твоей и повешу над гробом твой двуручный меч с надписью для проходящих: «Здесь лежит Бернский медвежонок, убитый Артуром-англичанином».

– Хотя Швейцария и камениста, – сказал Рудольф с пренебрежением, – но во всей нашей стране нет такого камня, на котором ты смог бы высечь эту надпись. Готовься к бою!..

Англичанин бросил спокойный и внимательный взор на место, где им предстояло драться; это был, как уже сказано, двор старого замка, частью пустой, а частью загроможденный крупными и мелкими обломками построек.

– Мне кажется, – сказал он сам себе, – что человеку, умеющему владеть своим оружием, помнящему наставления Боттафермы Флорентийского, с чистым сердцем, с надежным клинком, с твердой рукой и правому в своем деле, не следует бояться того, что меч его соперника двумя футами длиннее.

¹⁸ ...вспоминаю битву между пастухом и гигантом... – речь идет о библейской истории, повествующей о единоборстве Давида и Голиафа.

Размышляя таким образом и стараясь запечатлеть в своей памяти, насколько позволяло время, все подробности местоположения, которыми он мог в сражении воспользоваться, Артур встал посреди двора, где было свободное место, и, сбросив с себя плащ, обнажил меч.

Рудольф полагал, что его противник изнеженный юноша, которого он свалит первым ударом своего ужасного меча. Но ловкая и бодрая поза, в которую встал молодой человек, заставила швейцарца подумать о затруднении, которое он сам мог встретить при действии своим тяжелым оружием, и он решил избегать всякой возможности доставить выгоду неприятелю. Он выдернул из ножен огромный свой меч через левое плечо, что потребовало времени и могло быть использовано соперником, если бы чувство чести позволило Артуру начать нападение прежде, чем неприятель его совершенно приготовился. Но англичанин стоял неподвижно до тех пор, пока швейцарец, блеснув своим мечом в солнечных лучах, не махнул им три или четыре раза, как бы показывая тяжесть меча и ловкость, с которой он им действует. Затем остановился на таком расстоянии, что мог достать до клинка соперника, держа обеими руками свой меч с поднятым кверху острием и подавшись корпусом несколько вперед. Англичанин, напротив, взяв свой меч одной правой рукой, держал его на уровне лица в горизонтальном положении, чтобы быть готовым рубить, колоть или отражать удары.

– Коли, англичанин! – сказал швейцарец, после того как они таким образом с минуту простояли один против другого.

– Меч, который длиннее, должен прежде начинать, – сказал Артур.

И он не кончил еще этой фразы, как Рудольф, подняв свой меч, опустил его с ужасной быстротой. Казалось, никакое искусство не могло помочь отразить губительного падения этого страшного меча, которым Рудольф думал разом начать и кончить битву. Но Артур не напрасно надеялся на верность своего зрения и на свою ловкость. Меч еще не опустился, а легкий прыжок, сделанный в сторону, предохранил юношу от страшного удара, и прежде чем швейцарец успел опять поднять свое оружие, он был ранен, хоть и не тяжело, в левую руку. Раздраженный этой неудачей и полученной им раной, швейцарец вторично поднял свой меч и с силой, соответствующей величине его, нанес своему сопернику, не останавливаясь, несколько прямых и боковых ударов с такой силой и быстротой, что Артур должен был употребить всю свою ловкость, чтобы, отражая, отскакивая и уклоняясь в сторону, избежать грозы, каждый удар которой, казалось, был достаточен, чтобы расколоть крепкую скалу. Артур был принужден то отступать назад, то делать несколько шагов в ту или другую сторону, то заслонять себя какой-нибудь развалиной; но ожидая с необыкновенным присутствием духа той минуты, когда силы его разъяренного неприятеля начнут истощаться или когда неосторожный, запальчивый удар доставит ему самому удобный случай к нападению. Случай этот вскоре представился, так как при одном из этих отчаянных наступлений швейцарец споткнулся о большой камень, закрытый высокой травой, и прежде чем успел поправиться, он получил от своего соперника сильный удар по голове. Удар пришелся по шапке с подложенной сталью, так что он избежал раны и, вскочив, возобновил сражение с прежней яростью, хотя молодому англичанину и показалось, что он начал тяжелее дышать и наносил удары с большей осторожностью.

Они продолжали драться с равным счастьем, как вдруг строгий голос, раздавшийся громче стука оружия и шума водопада, повелительно закричал им: «Под страхом лишения жизни вашей, тотчас перестаньте!»

Сражающиеся опустили вниз свои мечи. Весьма возможно, что противники не очень-то были огорчены этой неожиданной помехой их битвы, которая без этого должна была бы окончиться убийством. Они оглянулись и увидели стоящего перед ними Бидермана с нахмуренными бровями и с гневным челом.

– Как! Друзья! – вскричал он. – Вы гости Арнольда Бидермана и бесчестите его дом насильственными поступками, более приличными диким волкам, нежели существам, кото-

рых Бог сотворил по образу и подобию своему, даровав им бессмертную душу, которую они должны спасти покаянием!

– Артур, – сказал старый Филипсон, явившийся в одно время со своим хозяином, – что это за сумасшествие? Разве обязанности, которые тебе предназначено выполнить, ты считаешь такими пустыми и маловажными, что находишь время ссориться и драться со всяким праздным деревенским забиякой, который тебе попадется!

Молодые люди, бой которых прекратился при появлении этих неожиданных зрителей, стояли, посматривая один на другого и опершись на свои мечи.

– Рудольф Донергугель, – сказал Бидерман, – отдай свой меч мне, владельцу этой земли, главе этого семейства и начальнику этого кантона.

– А что еще более того, – отвечал Рудольф с покорностью Арнольду Бидерману, – по приказанию которого всякий обитатель этих гор обнажает меч свой или вкладывает его в ножны.

Он подал свой двуручный меч ландману.

– Клянусь честью, – сказал Бидерман, – это тот самый меч, которым отец твой Стефан с такой славой сражался при Земнахе, подле знаменитого Винкельрида. Стыдно, что ты обнажил его против бесприютного чужестранца. А ты, молодой человек!.. – продолжал швейцарец, обращаясь к Артуру, но в это самое время он был прерван отцом его:

– Сын мой, вручи меч твой нашему хозяину.

– Этого не нужно, батюшка, – отвечал молодой англичанин, – так как с моей стороны я считаю нашу ссору оконченной. Этот отважный юноша пригласил меня сюда с тем, как мне кажется, чтобы испытать мою храбрость; отдаю полную справедливость его мужеству и искусству владеть оружием; и как я надеюсь, что он также не может ничего сказать предосудительного обо мне, то думаю, что мы слишком долго дрались для причины, подавшей повод к нашему поединку.

– Слишком долго для меня, – откровенно признался Рудольф. – Зеленый рукав моего платья, который я ношу этого цвета в знак приверженности моей к лесным кантонам, так поалел, как будто бы он был в работе у лучшего гентского красильщика. Но я от чистого сердца прощаю храброму чужестранцу то, что он испортил мое платье и дал своему учителю урок, который тот не скоро забудет. Если бы все англичане были подобны вашему гостю, любезный дядюшка, то Бушитольцкая гора, как я полагаю, едва ли была бы так высоко насыпана.

– Племянник Рудольф, – сказал Бидерман, лицо которого начало проясняться при этих словах его родственника, – я всегда считал тебя столько же великодушным, сколько ты ветрен и горяч; а ты, юный мой гость, можешь надеяться, что если швейцарец сказал, что ссора кончена, то она уж никогда не будет возобновлена. Мы не таковы, как обитатели восточных долин, которые лелеют мщение как любимое свое чадо. Ударьте же по рукам, дети мои, и да будет забыта эта глупая распря.

– Вот моя рука, храбрый чужестранец, – сказал Донергугель, – ты дал мне урок в искусстве биться на мечях; и когда позавтракаем, то если ты хочешь, мы пойдем в лес, где я взамен поучу тебя охотиться. Когда нога твоя приобретет вполтину опытности против руки и когда глаз твой получит половину твердости твоего сердца, то никакой охотник с тобой не сравнится.

Артур со всей доверчивостью юноши охотно принял сделанное с такой искренностью предложение, и прежде еще чем дошли до дому, они начали рассуждать между собой о различных предметах, касающихся охоты, с таким дружелюбием, как будто никакая размолвка не расстраивала их согласия.

– Вот это так, – сказал Бидерман, – как должно быть. Я всегда готов извинять опрометчивую вспыльчивость наших молодых людей, если только они с мужеством и искренностью мирятся, проявляя сердечность, как подобает истинному швейцарцу.

– Однако ж эти молодцы наделали бы беды, – сказал Филипсон, – если бы вы, почтенный хозяин, не провели об их поединке и не позвали меня с тем, чтобы воспрепятствовать их намерению. Могу ли я у вас спросить, каким образом вы это так кстати узнали?

– С помощью моей домашней волшебницы, которая, кажется, рождена для счастья всего моего семейства, – отвечал Бидерман, – я разумею под этим мою племянницу Анну, которая заметила, что эти храбрецы поменялись перчатками и подслушала слова «Гейерштейн» и «восхождение солнца». О, сударь, проницательность женского ума – великое дело! Пришлось бы долго ждать, пока кто-нибудь из моих тупоголовых сыновей возымел бы такую прозорливость.

– Мне кажется, я вижу нашу милую покровительницу, смотрящую на нас с этого возвышения, – сказал Филипсон, – только она как будто не желает, чтобы ее увидели.

– Да, – сказал Арнольд, – она хочет удостовериться в том, что не случилось никакого несчастья; теперь я ручаюсь, что эта дурочка стыдится, что приняла такое похвальное участие в деле этого рода.

– Мне бы очень хотелось, – сказал англичанин, – при вас изъяснить мою признательность этой любезной девице, которой я так много обязан.

– Чем скорее, тем лучше, – отвечал Бидерман. И он произнес имя своей племянницы тем пронзительным голосом, о котором мы уже говорили.

Анна Гейерштейнская, как Филипсон уж прежде заметил, стояла на холме в некотором расстоянии, полагая себя вполне закрытой кустарниками. Она вздрогнула, услышав зов своего дяди, но тотчас повиновалась ему, и избегая молодых людей, шедших к ней навстречу, она дошла до Бидермана и Филипсона по боковой тропинке, ведущей через лес.

– Почтенный друг и гость мой желает говорить с тобой, Анна, – сказал хозяин дома, поздоровавшись с ней.

Лоб и щеки Анны покрылись ярким румянцем, когда Филипсон с приветливостью, которая, казалось, превышала его звание, сказал ей:

– Нам, купцам, случается иногда, моя юная и прелестная хозяйюшка, по несчастью быть не в состоянии тотчас уплачивать свои долги, но мы совершенно основательно считаем самым низким человеком того, кто не признает их. И потому прими благодарность отца, сын которого, благодаря твоей неустрашимости, только вчера спасся от гибели, а сегодня твоим благоразумием избавлен от большой опасности. И не огорчай меня отказом носить эти серьги, – прибавил он, вынимая небольшую коробочку, которую он между тем открыл, – правда, что они только жемчужные, но их считали вполне достойными украшать уши графини...

– И потому-то, – сказал старый Бидерман, – они неприличны молодой унтервальденской швейцарке, так как племянница моя есть не кто иная, пока она живет у меня в доме. Мне кажется, добрый господин Филипсон, вы не подумали хорошенько о том, чтобы сопоставить качество вашего подарка со званием той, кому вы его назначаете, а как купец вы бы должны помнить, что, делая такие подарки, вы уменьшаете ваши барыши.

– Извините меня, почтенный хозяин, – отвечал англичанин, – но скажу вам, что я, по крайней мере, при этом следовал чувству признательности за одолжение и выбрал из вещей, состоящих в полном моем распоряжении, ту, которую я считал наименее приличнейшей для засвидетельствования моей признательности. Надеюсь, что хозяин, оказывавший мне до сих пор столько внимания, не запретит этой молодой девице принять от меня вещь, которая, по крайней мере, прилична званию, для которого она родилась; и вы несправедливы ко мне, пред-

положив, что я причиню себе ущерб или оскорблю вас, предлагая подарок, превышающий своей ценой мои средства.

Бидерман взял коробочку в руки.

– Я всегда возражал, – сказал он, – против бесполезных драгоценностей, которые ежедневно все более и более отдаляют нас от простоты наших предков. Однако, – прибавил он с веселой улыбкой, поднося одну из серег к щеке своей племянницы, – это украшение чрезвычайно к ней идет, и говорят, что молодые девицы гораздо больше имеют удовольствия носить эти игрушки, чем мы, седые старики, можем себе это вообразить. Поэтому, милая Анна, так как ты уже заслуживала доверие в делах гораздо более важных, то я предоставляю твоему благоразумию принять драгоценный подарок нашего доброго гостя и решить, носить его или нет.

– Если такова воля ваша, милый дядя, – сказала, покраснев, молодая девушка, – то я не хочу огорчить нашего достойного гостя, отказываясь принять то, что он так настоятельно желает подарить мне; но с позволения его и вашего, милый дядюшка, я поднесу эти богатые серьги в дар Эйнзидленской Богородице как залог общей нашей признательности за милостивое покровительство, которым она осенила нас при ужасах вчерашней бури и при опасениях, причиненных нам сегодняшней ссорой.

– Клянусь Святой Девой, – вскричал Бидерман, – она очень умно придумала, любезный гость, посвятить ваш подарок для испрошения небесной благостыни вашему и моему семейству и общего мира всему Унтервальдену. А тебе, Анна, я куплю агатовое ожерелье к следующему празднику стрижки баранов, если выгодно продам на торгу мои овчины.

Глава VII

*Когда тебе предлагают мир, ты жаждешь войны!.. Прочь!..
Сердце твое проникнуто ненавистью и злобой...
Тассо*

Доверчивость между Бидерманом и английским купцом, казалось, возросла в течение короткого времени, прошедшего до того дня, когда было назначено отправление их ко двору Карла Бургундского. О положении Европы и Швейцарского союза в то время нами уже было говорено; но для большей ясности рассказа изложим здесь вкратце тогдашнее политическое состояние Европы.

В продолжение недели, проведенной английскими путешественниками в Гейерштейне, было собрано несколько совещательных сеймов как в городских, так и в лесных кантонах Швейцарского союза. Первые, притесняемые пошлинами, которыми герцог Бургундский обложил их торговлю и которые были еще невыносимее вследствие насильственных поступков людей, собиравших пошлыны, пламенно желали войны, которая до сих пор постоянно доставляла им победы и обогащала их. Многие из них сверх того тайным образом были побуждаемы к войне щедрыми дарами Людовика XI, который не щадил золота, чтобы произвести разрыв между этими храбрыми союзниками и своим могущественным врагом Карлом Смелым.

С другой стороны, по многим обстоятельствам казалось, что Швейцарии, за отсутствием важных побудительных причин, касающихся ее чести и независимости, не следовало бы затевать войны с одним из богатейших, храбрейших и могущественнейших государей Европы, каким неоспоримо был Карл Бургундский. Каждый день подтверждались слухи, что Эдуард IV, король английский, заключил тайный оборонительный союз с герцогом Бургундским и что английский монарх, прославивший себя победами над Ланкастерским домом, утвердившим за ним престол, намеревается возобновить требования свои на те области Франции, которые так долго принадлежали его предкам. Казалось, только одного этого недоставало его славе и что, победив внутренних врагов, он обратит теперь свои намерения к обратному завоеванию богатых и обширных внешних земель, утраченных в царствование слабого Генриха VI¹⁹ и в продолжение междоусобий за Белую и Алую розу, столь ужасно раздиравших Англию. Всем было известно, что во всей Англии потеря французских провинций считается народным позором и что не одно только дворянство, лишившееся вследствие этого выгодных поместий в Нормандии, Гаскони, Мене и Анжу, но все военные люди, привыкшие добывать славу и богатство за счет Франции, и даже простые стрелки, луки которых решили исход стольких роковых битв, горели таким же пылким желанием возобновить войну, с каким предки их при Креси²⁰, Пуатье²¹ и Азенкуре²² следовали за своими государями на победоносные поля, которым подвиги их доставили бессмертную славу.

¹⁹ *Генрих VI* (1421–1471) – английский король с 1422 г. Вялый и безвольный, он был игрушкой в руках предводителей партий Алой и Белой розы. В 1461 г. лишен престола, в 1464 г. заключен в Тауэр, в 1470 г. освобожден и восстановлен на троне. В 1471 г. вновь низложен и убит в Тауэре. В период его правления англичане были почти полностью изгнаны из Франции.

²⁰ *Креси* – сражение 26 августа 1346 г., в котором небольшая английская армия (ок. 9 тыс. чел.) наголову разгромила значительно превосходившую ее по численности французскую (30 тыс. чел.), потери которой превысили 11 тыс. чел.

²¹ *Пуатье* – сражение 19 сентября 1356 г., во время Столетней войны, блистательная победа небольшой английской армии (ок. 6 тыс. чел.) над значительно превосходившей ее по численности (20 тыс. чел.) французской.

²² *Азенкур* – сражение 25 октября 1415 г. во время Столетней войны между французской и английской армиями. Битва закончилась сокрушительным поражением французской рыцарской кавалерии от английских лучников, умело поддерживаемых собственными рыцарями.

Последние и достовернейшие известия говорили, будто бы король английский готовится лично переправиться во Францию (что ему было легко сделать, имея в своей власти Кале) с армией, превосходящей числом и вооружением все, с чем английские монархи когда-либо вступали в это государство; что все приготовления к этому походу уже окончены и что прибытие Эдуарда должно состояться в ближайшем будущем. Могущественное содействие герцога Бургундского и помощь многих недовольных французских баронов, владеющих землями в областях, так долго принадлежавших Англии, угрожали в этой войне ужасными последствиями Людовику XI, несмотря на всю проницательность, государственную мудрость и могущество этого монарха.

Без всякого сомнения, благоразумная политика должна была бы заставить Карла Бургундского при заключении такого союза против своего наследственного и личного врага избегать всякого повода к ссоре со швейцарцами, народом бедным, но очень воинственным, доказавшим на опыте, что в случае нужды пехота его могла сражаться с равным успехом и даже с превосходством против отборной конницы, которая до сих пор считалась главной силой в европейских войсках. Но все меры, принимаемые Карлом, которого судьба противопоставила самому хитрому и искуснейшему в политике государю того времени, были всегда внушаемы ему скорее пылкостью его страстей и опрометчивостью, чем соображением обстоятельств, в которых он находился. Гордый, надменный и непреклонный в исполнении своей воли, хотя не имеющий недостатка ни в благородстве чувств, ни в великодушии, он ненавидел жалкие союзы погонщиков и пастухов с несколькими городами, существовавшими торговлей. Вместо того чтобы искать дружбы швейцарских кантонов, как это делал его хитрый противник, или, по крайней мере, не подавать им явного повода к ссоре, Карл не пропускал ни одного случая показать им свое пренебрежение к недавним их победам и обнаруживал тайное свое желание отомстить за пролитую ими дворянскую кровь, чтобы отомстить за многочисленные успехи, одержанные ими над феодальными владельцами.

Владения герцога Бургундского в Эльзасе предоставляли ему большое удобство демонстрировать на деле свое негодование Швейцарскому союзу. Через Ла-Ферет, небольшой городок с крепостью, лежащий в десяти или одиннадцати милях от Базеля, проходил путь для торговли Берна и Золотурна, двух главных городов союза. В этом местечке герцог посадил коменданта или управляющего, который был также сборщиком пошлин и, казалось, родился для того, чтобы сделаться чумой и бичом своих республиканских соседей.

Арчибальд фон Гагенбах был германский дворянин, поместья которого находились в Швабии, и он вообще считался одним из самых свирепых и беззаконных людей между пограничными владельцами, известными под названием рыцарей-разбойников. Эти господа вследствие того, что поместья их зависели от Священной Римской империи, считали себя такими же полновластными государями в своих землях величиной в одну квадратную милю, как владетельные принцы в Германии, имеющие обширнейшие области. Они брали дань и пошлину с чужестранцев, заключали в тюрьму, судили и казнили тех, которые, по их мнению, учинили какое-нибудь преступление в их миниатюрных владениях. Кроме того, для лучшего распространения своих владельческих прав они вели войны один против другого, нападали на вольные имперские города и беспощадно грабили большие обозы, посредством которых производилась внутренняя торговля в Германии.

Множество обид и несправедливостей, причиненных Арчибальдом фон Гагенбахом, с полной свободой пользовавшимся так называемым фаустрехтом, или правом сильного, принудило его, наконец, в преклонных годах оставить страну, где жизнь его подвергалась большой опасности, и поступить на службу к герцогу Бургундскому, который охотно принял его как человека знатного происхождения и испытанной храбрости, а может быть и потому, что в таком свирепом и высокомерном наместнике, каков был Гагенбах, он надеялся найти беспрекословного исполнителя всех своих строгих мер.

Бернские и золотурнские торговцы единогласно приносили горькие жалобы на притеснения Гагенбаха. Пошлины на товары, провозимые через вверенную ему Ла-Феретскую область, несмотря на место, куда бы они ни отправлялись, были самовольно увеличиваемы, и тех купцов и продавцов, которые не тотчас вносили требуемую с них плату, сажали в тюрьму и даже наказывали телесно. Торговые города Германии неоднократно жаловались герцогу на такие незаконные поступки ла-феретского коменданта и просили, чтобы он сменил Гагенбаха, но герцог отвергал просьбы их с презрением; Швейцарский союз усилил представления свои на этот счет и требовал правосудия против Гагенбаха как нарушителя народных прав; но требования его неизменно оставались без внимания и удовлетворения.

Наконец Совет союза постановил отправить торжественное посольство, о котором уже было упомянуто. Один или двое из этих уполномоченных присоединились к мирному и благоразумному образу мыслей Арнольда Бидермана в надежде, что столь важная мера откроет глаза герцогу относительно вопиющих несправедливостей его наместника; другие, не имевшие столь миролюбивых планов, решились этим способом открыть себе путь к войне.

Арнольд Бидерман был ревностный ходатай мира, пока сохранение его согласовывалось с народной независимостью и с честью союза, но Артур скоро заметил, что один только Бидерман из всего его семейства питает такие умеренные чувства. Образ мыслей сыновей его был направлен и увлечен пылким красноречием и непреодолимым влиянием Рудольфа, который несколькими подвигами личной храбрости и уважением, относящимся к заслугам его предков, приобрел в Советах своего кантона и вообще между молодежью союза вес гораздо значительнее того, какой обыкновенно имели у этих мудрых республиканцев молодые люди его возраста. Артур, которого с тех пор дружелюбно приглашали на охоту и во все игры, только и слышал между этими молодыми людьми разговоры о предстоящей войне, соблазнявшей их надеждой на добычу и трофеи, которые будут приобретены швейцарцами. Подвиги их предков против немцев были так чудесны, что казались баснословными похождениями героев в романах, и так как настоящее поколение обладало такой же телесной силой и таким же непоколебимым мужеством, то заранее надеялось иметь и такие же блистательные успехи. Говоря о ла-феретском коменданте, они называли его не иначе, как бургундской цепной собакой или эльзасским псом; и открыто кричали, что если государь не уймёт его и если он сам не удалится с границ Швейцарии, то Арчибальда фон Гагенбаха не защитит его крепость от гнева раздраженных его притеснениями жителей Золотурна и Берна.

Об этом расположении к войне всей швейцарской молодежи было сообщено старому Филипсону его сыном. Мудрый купец пребывал некоторое время в нерешительности, не лучше ли ему будет отправиться далее в сопровождении одного только Артура, чем подвергнуть себя опасности быть замешанным в какую-нибудь ссору благодаря своеволию этих буйных молодых горцев, когда они минуют свои границы. Такое обстоятельство весьма повредило бы цели его путешествия; но вспомнив, как Арнольд Бидерман уважаем в его семействе и среди его соотечественников, английский купец заключил, что власть его будет достаточно для обуздания его спутников до тех пор, пока решится великий вопрос мира или войны, и особенно до того времени, пока они исполняют свою миссию, будучи допущены к свиданию с герцогом Бургундским; затем он с ними разлучится и не будет уже подвергаться ответственности за дальнейшие их поступки.

Дней через десять посольство, которому было поручено представить герцогу жалобу на притеснения и хищничество Арчибальда фон Гагенбаха, наконец собралось в Гейерштейн, назначенный сборным пунктом для всех членов депутации, откуда оно и должно было отправиться. Их было трое, кроме Рудольфа и унтервальденского ландмана. Один из них был, как и Бидерман, помещик лесных кантонов, носящий одежду едва ли лучше простой пастушеской, но отличающийся красотой своей длинной серебристой бороды: его звали Николас Бонштетен. Мельхиор Штурмталь, бернский знаменосец, человек средних

лет и храбрый воин, с Адамом Циммерманом, золотурнским гражданином, который был гораздо старше его годами, дополняли число посланных.

Каждый из них постарался одеться насколько возможно лучше, но хотя строгий взгляд Арнольда Бидермана и посматривал неодобрительно на две серебряные поясные пряжки и цепь того же металла, украшающие дородную особу золотурнского гражданина, однако казалось, что могущественный и победоносный народ, каким нужно было считать в те времена швейцарцев, никогда еще не имел своими представителями посланников, отличающихся такой патриархальной простотой.

Уполномоченные отправились в путь пешком, имея в руках окованные железом палки, подобно странникам, идущим на богомолье. Два лошака, навьюченные их немногими пожитками, следовали на поводу за двумя молодыми людьми, сыновьями и родственниками членов посольства, которые, воспользовавшись этим случаем, получили позволение посмотреть свет, лежащий за горами.

Сама делегация, как видно из вышесказанного, была малочисленна, но людям, отправленным с такими важными поручениями, нельзя было путешествовать без стражи, которая была необходима, во-первых, для внушения должного уважения к званию уполномоченных, а во-вторых, для их личной безопасности. Даже по одной опасности от волков, которые при наступлении зимы, оставляя свои горные убежища, входили в незагороженные деревни, где путешественникам пришлось бы иметь ночлег, охрана представлялась далеко не лишней, а беглецы из разных войск, составляющие разбойничьи шайки на границах Эльзаса и Германии, делали эту предосторожность необходимой.

Вследствие всего этого человек двадцать отборных молодых людей из разных швейцарских кантонов, в том числе Рюдигер, Эрнест и Сигизмунд, три старших сына Арнольда, составили стражу посольства; они не соблюдали никакого воинского порядка и не шли вместе или поблизости уполномоченных. Напротив того, разделяясь на отряды по пять или шесть человек, они охотились на утесах и в ущельях гор, лежащих на их пути посольства. Так как посольство двигалось вперед довольно медленно, то проворные молодые люди, сопровождаемые их большими, косматыми собаками, имели достаточно времени для травли волков и медведей, а иногда и для того, чтобы гоняться по скалам за дикими козами; но охотники старательно осматривали всякое место, могущее скрывать засаду, и этим доставляли вверенным им людям более безопасности, чем если бы они шли вслед за ним. Особенный звук описанного уже швейцарского рога был условным сигналом для сбора в случае, если бы встретилась какая-либо опасность. Рудольф Донергугель, будучи гораздо моложе летами всех прочих членов посольства, принял начальство над этим отрядом горных стражей, которым он почти всегда сопутствовал в их охотничьих поисках. Они были хорошо вооружены: имели двуручные мечи, длинные бердыши и копья, а также крепкие большие луки, короткие тесаки и охотничьи ножи. Тяжелое их оружие, которое мешало бы им охотиться, было сложено с багажом, но так, чтобы его, в случае тревоги, тотчас можно было взять.

Артур, подобно своему бывшему сопернику, естественным образом предпочитал общество и забавы молодых людей важному разговору и медленному шествию отцов горных республиканцев. У него, однако, была приманка, чтобы тащиться с обозом, и если бы только дозволили обстоятельства, то юный англичанин отказался бы от забав, которым молодые швейцарцы так охотно предавались, и променял бы их на тихий шаг и на важную беседу стариков. Одним словом, Анна Гейерштейнская, сопровождаемая молодой швейцаркой, следовала в конце посольства.

Обе женщины ехали на ослах, которые ленивым своим шагом едва поспевали за вьючными лошадьми, и можно безошибочно полагать, что Артур из признательности за услуги, оказанные ему этой прекрасной и привлекательной девушкой, не считал бы большим трудом оказывать ей на дороге в разных случаях помощь и охотно бы наслаждался ее разговором,

чтобы разогнать дорожную скуку. Но он не смел предложить ей своих услуг, которые, по-видимому, не допускались обычаями той страны, так как их не оказывал красавице ни один из ее двоюродных братьев, ни даже Рудольф Донергугель, который до этих пор не пропускал ни одного случая угождать своей прелестной родственнице. К тому же Артур был довольно рассудителен, чтобы убедиться в том, что, уступив своему желанию более сблизиться с Анной Гейерштейнской, он прогневит этим своего отца, а также, вероятно, и ее дядю, гостеприимством которого они пользовались и под охраной которого теперь безопасно путешествовали.

Артур принял поэтому участие в забавах прочих молодых людей, разрешая себе только на привалах оказывать красавице такие знаки учтивости, которые не могли возбудить ни внимания, ни порицания. Доказав искусство свое в охоте, он иногда позволял себе, даже и в то время, как другие гонялись за дичью, приближаться к дороге, где он, по крайней мере, мог видеть развевающееся серое покрывало Анны и укрываемый этим покрывалом ее стройный стан. Такая беспечность, казалось, не осуждалась его товарищами, так как они приписывали ее тому, что охота не представляла никакой опасности; но когда приходилось травить волка, медведя или какого-нибудь другого хищного зверя, то никто, даже и сам Рудольф Донергугель, не поспевал так скоро со своим оружием, как Артур Филипсон.

Между тем старый Филипсон думал о других, более серьезных предметах. Он был человек, основательно знающий свет, в котором он играл роль совершенно иную, чем то лицо, за которое он теперь себя выдавал. Старинные воспоминания пробудились в нем при виде забав, которыми он занимался в своей юности. Лай собак, раздающийся в пустынных горах и в темных лесах, которые они теперь проходили; вид молодых охотников, преследующих зверей по утесам и пропастям, которые казались недоступными для ноги человеческой; звуки рогов, передаваемые эхом с одной горы на другую, – все это подстрекало его принять участие хоть в опасной, но благородной забаве, которая после войны в большей части Европы считалась важнейшим занятием в жизни. Но чувство это было мимолетное, и он переключил свое внимание на наблюдение нравов и образа мыслей тех людей, с которыми путешествовал.

Все они, казалось, были такие же откровенные и прямые люди, как Арнольд Бидерман, хотя ни один из них не обладал такой, как он, возвышенностью мыслей и глубокой прозорливостью. В разговорах о политическом состоянии своей родной страны они нисколько не таились, и хотя, кроме Рудольфа, прочие молодые люди не были допущены на их совещания, но это делалось только для удержания молодежи в должной у стариков подчиненности, но не по необходимости от нее скрываться. В присутствии старого Филипсона они свободно рассуждали о притязаниях герцога Бургундского, о средствах, которые имела их страна к поддержанию своей независимости, и о непоколебимой решимости Швейцарского союза скорее воспротивиться всем силам, которые целый свет мог ополчить против него, чем перенести малейшую обиду. В других отношениях виды их казались благоразумными и умеренными, хотя бернский знаменосец и величавый золотурнский гражданин, по-видимому, меньше боялись последствий войны, чем осторожный унтервальденский ландман и почтенный его товарищ Бонштетен, который разделял все его мнения.

Часто случалось, что от этих предметов разговор переходил на другие, менее занимательные для их спутника. Признаки погоды, сравнения плодородия последних годов, лучшие средства для содержания виноградников и для собирания обильнейших жатв и все подобные разговоры, интересные для обитателей гор, мало удовольствия доставляли Филипсону. Несмотря на то что достойный Циммерман, золотурнский гражданин, охотно желал завести с ним разговор о промышленности и об изделиях, англичанин, который производил торг только вещами малого размера и дорогой цены, предпринимая для этого дальние поездки через моря и земли, мало находил, о чем потолковать со швейцарским купцом, торговля кото-

рого не простирались за пределы областей, соседних с Бургундией и Германией, и товары которого состояли из толстого сукна, кож, мехов и прочих таких же простых предметов. Но каждый раз, как только швейцарцы начинали рассуждать о своих ничтожных торговых оборотах или когда заводили разговор о земледелии, говорили о порче хлеба и о продаже скота со всей утомительной подробностью земледельцев или мелочных торговцев, съехавшихся на ярмарке, – какое-нибудь очень известное место напоминало им название и историю битвы, в которой кто-нибудь из них участвовал, потому что между ними не было ни одного, который бы не носил хоть раз оружия; и военные рассказы, которые в других странах ведутся только между рыцарями и оруженосцами, бывшими в битвах, или между учеными, трудившимися над тем, чтобы передать их потомству, – в этой чудной стране были обыкновенным и любимым предметом разговоров у таких людей, которые по мирным своим занятиям казались стоящими на неизмеримом расстоянии от военного ремесла. Это напомнило англичанину древних обитателей Рима, где плуг так часто менялся на меч и возделывание земли на управление государственными делами. Он начал говорить об этом сходстве Бидерману, который был польщен таким приветствием, сделанным его отечеству, однако же отвечал:

– Да сохранил небо между нами домашние добродетели римлян, но да избавит нас от их пристрастия к земной роскоши!

Медленное шествие наших странников и разные задержки, о которых бесполезно было бы здесь упоминать, заставили их провести две ночи в дороге, прежде чем они прибыли в Базель. В небольших городках и в деревнях, где они останавливались, их принимали со всевозможными знаками почтительного гостеприимства, и прибытие их везде было поводом к празднествам, которые устраивали для них местные жители.

В таких случаях в то время как старейшины деревень принимали уполномоченных союза, молодые люди, составляющие их стражу, были угощаемы юношами их лет, которые заранее узнавали об их приближении, выходили с ними вместе на охоту и показывали им места, где больше водилось дичи.

Празднества эти никогда не доходили до излишеств, и самые отличные блюда, которые на них подавались, были молодые козлята, барашки и застреленная в горах дичь.

Однако Артуру Филипсону и отцу его показалось, что роскошный стол более нравился бернскому знаменосцу и золотурнскому гражданину, чем главе посольства и швейцарскому депутату. Ни в чем, как мы уже сказали, до излишества не доходило; но упомянутые два депутата, казалось, обладали искусством выбирать во всем лучшие куски и оказались отличными знатоками в хороших винах, особенно в иностранных, которые они попивали молодецки. Арнольд был слишком благоразумен, чтобы порицать то, чего он не был в состоянии исправить, он довольствовался тем, что сам соблюдал строгую воздержанность, употребляя в пищу почти одни только овощи и запивая их лишь чистой водой, в чем ему совершенно подражал старый седовласый Николас Бонштетен, который, казалось, считал за честь во всем следовать примеру Бидермана.

На третий день швейцарские уполномоченные приблизились к окрестностям Базеля, бывшего тогда одним из обширнейших городов юго-западной Германии; здесь они располагали провести ночь, не сомневаясь в дружелюбном приеме. Правда, Базель не принадлежал еще тогда к швейцарскому союзу, в который он вступил лет через тридцать после того, в 1501 году; но он был вольный имперский город, соединенный с Берном, Золотурном, Люцерном и другими швейцарскими городами взаимными торговыми связями и постоянными сношениями. Предмет посольства состоял в том, чтобы по возможности утвердить мир, равно полезный как швейцарским кантонам, так и городу Базелю обеспечением торговли, которая должна была непременно прекратиться в случае разрыва между герцогом Бургундским и кантонами; притом же и выгоды этого города, по его положению между двумя враждебными державами, требовали сохранения нейтралитета.

Они надеялись иметь от базельского градоначальства такой же благоприятный прием, какой им делали везде в пределах их союза, потому что выгоды этого города были тесно связаны с целью их посольства. Следующая глава покажет, насколько оправдались их ожидания.

Глава VIII

*Они увидели городок, который приветствует Рейн,
ниспадающий здесь с высоты дикой пустыни. Отсюда некогда
Ореторик надменный с альпийских вершин вторгся в равнины Галлии.
Гельвеций*

Взоры английских путешественников, утомленные непрерывным созерцанием диких гор, с удовольствием обратились на страну, хотя не совсем ровную и местами еще бугристую, но уже вполне годную к возделыванию и богатую хлебными полями и виноградниками. Широкий, величественный Рейн быстро мчал зеленые свои воды, разделяя на две части город Базель, построенный на его берегах. Южная сторона Базеля, куда вела наших путников их дорога, представляла глазам знаменитую соборную церковь с великолепной террасой и, казалось, напоминала нашим путешественникам, что они приближаются к таким местам, где здания, возведенные руками человеческими, могли уже быть различаемы между созданиями природы, вместо того чтобы теряться посреди страшных гор, через которые до сих пор проходили наши путешественники.

За милю от городских ворот посольство было встречено важным городским сановником в сопровождении двух или трех граждан верхом на лошаках, бархатные чепраки которых показывали богатство и знатный сан всадников. Они почтительно поклонились унтервальденскому ландману и его спутникам, приготовившимся выслушать гостеприимное приглашение, на которое они, судя по всему, весьма надеялись.

Посольство города Базеля было, однако, совершенно противоположного мнения относительно того, чего от него ожидали. Сановник, высланный навстречу к швейцарским представителям, приступил, запинаясь и с большим замешательством, к исполнению возложенного на него поручения, уж, конечно, не считая его почетнейшим из всех тех, которые до сих пор когда-либо были на него возлагаемы.

Базельский оратор начал свою речь многочисленными уверениями в глубочайшем почтении и братском уважении, соединявшем его правительство с городами Швейцарского союза узами дружбы и взаимных выгод. Но он закончил ее объявлением, что по некоторым сильным и важным причинам, имеющим быть подробнее объясненными при более удобном времени, вольный город Базель не может принять на эту ночь в свои стены высокопочтенных депутатов, отправляющихся по воле гельветского совета ко двору герцога Бургундского.

Филипсон с большим вниманием наблюдал, какое впечатление эта неожиданная весть произведет на членов посольства. Рудольф, присоединившийся к прочим перед приближением к Базелю, проявил меньше изумления, чем его товарищи, и сохраняя совершенное безмолвие, казалось, более старался проникнуть в их чувства, чем желал обнаружить свои собственные.

Не в первый уже раз проницательный купец заметил, что этот дерзкий и вспыльчивый молодой человек мог, когда хотел, сильно обуздывать природную горячность своего нрава. Что касается до других, то знаменосец нахмурился, лицо золотурнского гражданина запылало подобно луне, когда она восходит на северо-западе, седовласый швейцарский депутат с беспокойством посматривал на Бидермана, а тот казался более встревоженным, чем это было свойственно обыкновенному его равнодушию.

Наконец он отвечал базельскому посланнику голосом, несколько изменившимся от внутреннего волнения:

— Довольно странно, что депутатов Швейцарского союза, отправленных с миролюбивым поручением, встречают таким образом граждане города Базеля, с которыми мы всегда

обходились как с нашими добрыми друзьями и которые теперь еще уверяют, будто бы они не перестали быть таковыми. В пристанище под кровом, в защите за стенами и в обыкновенном гостеприимстве никакое дружественное правительство не может отказать подданным другой страны.

– Не по своей собственной воле базельское начальство отказывает вам в том, почтенный Бидерман, – возразил уполномоченный. – Не только вас и ваших достойных сотоварищей, но стражу вашу и даже выючных лошаков ваших базельские граждане приняли бы со всевозможным гостеприимством... Но мы поступаем так по принуждению.

– А кто вас к этому принуждает? – вскричал разгневанный знаменосец. – Разве император Сигизмунд²³ так мало воспользовался примером своих предшественников...

– Император, – возразил базельский посланный, прерывая знаменосца, – тот же благонамеренный и миролюбивый государь, каким он всегда был; но бургундские войска недавно вступили в Сундгау, и в наш город прибыл посланный от графа Арчибальда фон Гагенбаха.

– Довольно, – сказал Бидерман. – Не обнаруживайте более слабости, которой вы сами стыдитесь. Я вполне вас понимаю. Базель лежит слишком близко от Ла-Феретской крепости для того, чтобы граждане его могли поступать согласно с их желанием. Любезный собрат! Мы видим, что вам препятствует! Сочувствуем вам и прощаем отказ ваш в гостеприимстве.

– Но прежде выслушайте меня до конца, почтенный Бидерман, – отвечал гражданин. – Здесь поблизости есть старый охотничий дом графов Фалькенштейнов, называемый Графслуст, который, несмотря на свою ветхость, может служить лучшим убежищем, чем ночлег на открытом воздухе, и даже способен к некоторой защите, – хотя боже сохрани, чтобы кто-нибудь осмелился нарушить там покой ваш! И послушайте еще, почтенный друг мой! Если вы найдете в этом старом здании какие-нибудь напитки, как-то: вино, пиво и тому подобное, – то кушайте на здоровье, потому что они приготовлены для вас.

– Не отказываюсь занять здание, могущее доставить нам некоторую безопасность, – сказал Бидерман, – так как недопущение нас в Базель означает одно только недоверие и вражду, однако же кто может знать, что с ним не соединены какие-нибудь насильственные умыслы. За припасы ваши мы вас благодарим, но не будем пировать за счет таких друзей, которые стыдятся показать себя ими иначе как украдкой.

– Еще одно слово, почтеннейший друг мой, – сказал базельский посланник, – с вами едет девица, вероятно, ваша дочь. Место, куда вы отправляетесь, не слишком удобно и для мужчин; для женщин оно будет еще менее того спокойно, хотя мы все там устроили как могли. Но лучше отпустите дочь вашу с нами в Базель, где жена моя примет ее как мать до завтрашнего утра, а тогда я сам безопасно доставлю ее к вам. Мы обещали затворить наши ворота перед гражданами Швейцарского союза, но о женщинах ничего не было упомянуто.

– Вы, базельские жители, тонкие юристы, – отвечал Бидерман, – но знайте, что с той поры, как швейцарцы сошли с гор своих, ополчившись против кесаря, и до нынешних времен, швейцарские женщины в случае опасности всегда находились в стане своих отцов, братьев и супругов, и не искали другой защиты, кроме той, которую они находили в храбрости своих близких. У нас довольно мужчин для охраны наших женщин, племянница моя останется с нами и разделит жребий, предназначенный нам небом.

– Прощайте же, достойный друг, – сказал базельский сановник. – Мне больно расставаться с вами таким образом, но злой судьбе так угодно. Эта дерновая аллея приведет вас к старому охотничьему дому, где да ниспошлет вам небо спокойную ночь, так как у этих развалин дурная слава.

²³ ...разве император Сигизмунд... – действие романа «Карл Смелый» разворачивается в 1477 г., а император Сигизмунд умер в 1437 г.

– Если мы будем потревожены существами, нам подобными, – сказал Арнольд Бидерман, – то у нас есть сильные руки и тяжелые бердыши; если же нас посетят, как должно понимать из ваших слов, существа другого рода, то мы имеем или должны иметь чистую совесть и упование на Бога. Друзья мои, товарищи мои в этом путешествии! Согласны ли вы со всем, высказанным мною?

Прочие депутаты одобрили все, сказанное их товарищем, и базельские граждане учтиво распростились со своими гостями, стараясь примерной вежливостью прикрыть свое беспримерное негостеприимство. По отъезде их Рудольф первый высказал свое мнение относительно их малодушного поступка.

– Подлые трусы! – сказал он. – Пусть бургундский мясник сдерет с них кожу своими притеснениями и научит их, каково отказываться от старинных уз дружбы, из одного только опасения навлечь на себя гнев тирана.

– И тирана, который даже не властелин их, – сказал другой из толпы, так как многие молодые люди собрались около своих начальников, желая узнать, какого приема им должно ожидать от базельского правительства.

– Они, конечно, не станут утверждать, – вскричал Эрнест, один из сыновей Бидермана, – что получили этот приказ от императора; но одно слово герцога Бургундского достаточно для того, чтобы побудить их к такому грубому негостеприимству. Нам бы следовало приступить к городу и мечами заставить их дать нам убежище.

Шепот одобрения, раздавшийся между молодежью, возбудил гнев Бидермана.

– Сын ли мой произнес это, – сказал он, – или какой-нибудь буйный солдат, который только и находит удовольствие в драке и в насилии? Куда девалась скромность швейцарских юношей, которые были приучены ожидать приказаний действовать, пока старейшины кантона заблагорассудят дать его, и которые были скромны как девушки до тех пор, пока голос их вождей обращал их в смелых львов?

– Я не полагал тут ничего дурного, – сказал Эрнест, пристыженный этим выговором, – а еще менее того думал провиниться перед вами; только считаю нужным сказать...

– Не говори ни слова, сын мой, – прервал его Арнольд, – но завтра на рассвете оставь стан наш; и на пути в Гейерштейн, куда я приказываю тебе немедленно возвратиться, затверди себе, что тот неспособен показаться в чужую землю, который не может обуздать языка в присутствии своих единоземцев и родного отца.

Бернский знаменосец, золотурнский гражданин и даже длиннобородый швейцарский депутат старались ходатайствовать в пользу провинившегося и избавить его от изгнания, но напрасно.

– Нет, друзья мои и братья, – отвечал им Арнольд, – этим молодым людям нужен пример; и хотя я, с одной стороны, огорчен тем, что проступок сделан моим сыном, но радуюсь тому, что провинившийся таков, над которым я могу вполне показать власть свою без подозрения в пристрастии. Эрнест, сын мой, ты слышал мою волю: возвратись в Гейерштейн при восходе солнца, и я хочу найти тебя исправившимся при моем возвращении.

Молодой швейцарец, хотя очевидно огорченный и обиженный тем, что его так публично пристыдили, преклонил колени и поцеловал правую руку отца, между тем как Арнольд без малейшего признака негодования осенил его своим благословением, а Эрнест, не возразив ни одного слова, отошел назад.

Уполномоченные вступили в указанную им аллею, в конце которой возвышались огромные развалины Графслуста; в это время было уже не настолько светло, чтобы можно было с ясностью различать его очертания. Путешественники наши только могли заметить, когда подошли ближе и когда ночь сделалась еще темнее, что три или четыре окна были освещены, между тем как остальная часть здания скрывалась во мраке. Подойдя к дому, они

увидели, что он окружен широким и глубоким рвом, черная поверхность которого отражала, хотя и слабо, свет освещенных окон.

Глава IX

*Франциско
Прощайте, доброй ночи!
Марцелло
А, прощай,
Мой brave друг! А кто тебя сменит?
Франциско
Бернардо. Доброй ночи!*

Шекспир. Гамлет

Прежде всего наши путешественники позаботились о том, как бы перебраться через ров. Они вскоре увидели каменный выступ, на который некогда ложился свободным концом подъемный мост при опускании. Мост этот давно разрушился, но вместо него был устроен и, по-видимому, очень недавно, временный переход из бревен и досок, по которому они достигли главных ворот замка. Сквозь отворенную калитку, ведущую под образованный аркой проход, и руководствуясь мелькающим в темноте светом, они наконец пришли в зал, приготовленный для них настолько хорошо, насколько позволили обстоятельства.

Большой огонь ярко пылал в камине; видно, что огонь этот был разведен давно, потому что воздух в зале, несмотря на ее обширность и ветхость, казался теплым и приятным. В углу лежала куча дров, достаточная для поддержания огня на целую неделю. Два или три длинных стола были поставлены и накрыты, а осмотревшись внимательнее, швейцарцы нашли несколько больших корзин с разного рода холодными припасами, приготовленными с большим старанием. Глаза доброго золотурнского гражданина засверкали от удовольствия, когда он увидел, что молодые люди начали переносить из корзин ужин и устанавливать его на стол.

— Хорошо, — сказал он, — что добрые базельские жители хоть этим себя поддержали; если они нас сухо приняли, то по крайней мере в угощении нет недостатка.

— Ах, любезный друг! — сказал Бидерман. — Отсутствие хозяина очень уменьшает цену угощения. Пол-яблока из рук его лучше, чем роскошный пир без его общества.

— Тем менее обязаны мы им за ужин, — сказал знаменосец. — Но слова базельского сановника были подозрительны, поэтому, мне кажется, не дурно будет содержать всю ночь крепкую стражу и даже нарядить несколько молодых людей для обхода время от времени этих развалин. Здание это хорошо укреплено, и в этом отношении мы должны быть благодарны отводившим нам квартиру. Однако, с позволения вашего, мои почтенные товарищи, осмотрим замок, затем расставим стражу и распределим обходных. К делу, молодые люди: осмотрите хорошенько все эти развалины, может быть в них есть кто-нибудь кроме нас, потому что мы находимся в соседстве такого человека, который, подобно лукавой лисице, охотнее бродит по ночам, чем при дневном свете, ища себе добычи в глухих, уединенных местах, а не в чистом поле.

Все одобрили это предложение. Молодые люди взяли факелы, которые были приготовлены для них в достаточном количестве, и начали производить тщательный обыск по всем развалинам.

Большая часть замка была в таком же опустошении и ветхости, как и уголок, назначенный базельскими гражданами для пребывания депутатов. Крыша во многих местах обвалилась, и все представляло картину запустения. Свет факелов, блеск оружия, звуки человеческих голосов и раздающиеся шаги вновь прибывших гостей испугали сидящих в своих мрачных убежищах летучих мышей, филинов и других зловещих птиц, всегда обитающих

в таких разрушенных временем зданиях. Они начали летать по пустым комнатам, и произведенный ими шум едва не перепугал тех, кто в темноте не понял, отчего он происходит. Осматривающие увидели, что глубокий ров, окружающий здание со всех сторон, ограждал от нечаянного нападения снаружи, так как оно могло произойти только через главный вход, который легко было запереть и охранять часовыми. Они также после внимательного осмотра удостоверились, что хотя один человек и мог скрываться между развалинами, но в них нельзя было засесть такому числу людей, которое в состоянии было бы произвести нечаянное нападение. Эти подробности были донесены знаменосцу, который назначил Рудольфа Донергугеля начальником отряда из пяти или шести молодых людей, им самим избранных, для обхода всех наружных частей здания до первого петуха; затем этот первый обход возвратится в замок, а вместо него выйдет до утренней зари другой, который также в свою очередь сменят. Но Рудольф объявил, что он намерен целую ночь пробывать на страже, так как он столько же был известен своей бдительностью, сколько силой и мужеством. Таким образом, наружное охранение было совершенно обеспечено; при этом условились, что в случае нечаянного нападения громкий звук швейцарского рога будет сигналом для высылки подкрепления обходной страже.

Внутри замка были приняты такие же благоразумные меры. Часовой, сменяемый через каждые два часа, был поставлен у главных ворот, а двое других стерегли замок снаружи, хотя ров, казалось, обеспечивал его безопасность.

Когда приняты были все эти меры предосторожности, остающиеся в замке принялись за ужин; депутаты сели за верхним концом стола, а стража скромно поместилась в нижней части той же обширной залы.

Множество сена и соломы, лежащих большими кучами в передней, было употреблено на то, на что без сомнения предназначали их базельские жители, и с помощью одежды и плащей из них сделали постели, показавшиеся превосходными неприхотливым людям, которые на войне или на охоте часто довольствовались гораздо худшим ночлегом.

Внимание базельских граждан простерлось даже до того, что они приготовили для Анны Гейерштейнской особую комнату, более удобную, чем та, которая назначалась для мужчин. Эта комната, вероятно, прежде служила буфетной, в нее вели двери из большой залы, но она имела еще другой выход, к стороне развалин. Этот выход был тщательно, хотя и на скорую руку, заложен большими, неровными камнями, взятыми из развалин; для этого не употребили ни извести, ни другого какого раствора; но камни, от собственной своей тяжести, так крепко лежали один на другом, что попытка вынуть их встревожила бы не только спящих в этой комнате, но и находящихся в соседней зале и во всем замке. В небольшой горенке были две складные постели, а пылающий на очаге яркий огонь распространял теплоту. Даже предметы религии не были забыты, и небольшое бронзовое распятие висело над столом, на котором лежал молитвенник.

Арнольду Бидерману очень понравилось такое внимание.

— Мы должны жалеть о наших базельских друзьях, а не сердиться на них, — сказал он. — Они так далеко простерли свою услужливость, как им дозволили их личные опасения, а это немало говорит в их пользу, милостивые государи, так как ни одно чувство не ведет столь прямо к эгоизму, как боязнь. Анна, милый друг мой, ты устала. Ступай в приготовленную для тебя комнату, а Лизетта принесет из этого изобильного запаса то, что тебе заблагорассудится на ужин.

Говоря таким образом, он сам отвел свою племянницу в маленькую спальню и, с удовольствием осмотревшись кругом, пожелал ей спокойной ночи; но на лице красавицы было нечто, как бы предвещающее, что желание ее дяди не исполнится. С той самой минуты, как она оставила Швейцарию, угрюмая задумчивость явилась на ее лице; разговоры ее сделались отрывисты и редки, а вся осанка показывала скрытое беспокойство и тайную печаль.

Это не избегло внимания дяди, который весьма естественно приписал такую перемену огорчению, причиняемому ей разлукой с ним, которая скоро должна была наступить, и грусти оставить мирную обитель, в которой она провела столько лет своей юности.

Но едва Анна Гейерштейнская вошла в свою комнату, как она затрепетала всем телом и румянец на лице ее уступил место смертельной бледности; она упала на одну из кроватей и, схватив руками голову, скорее казалась удрученной сильной скорбью или страждущей тяжелой болезнью, чем утомленной путешествием и имеющей нужду в успокоении. Бидерман был не слишком искусен в распознавании женских страстей. Он видел, что племянница его страдает, но, приписывая это одной только упомянутой нами выше причине, усиленной нервными припадками, вызванными усталостью, он ласково пожурил ее за то, что она изменила качествам швейцарской девушки, тогда как еще могла ощущать ветерок, веющий с гор Гельвеции.

— Не подай германским и фландрским барыням повода думать, что наши дочери не то уже, что были их прародительницы; иначе нам придется опять дать Земнахскую и Лаупенскую битвы для убеждения императора и надменного герцога Бургундского в том, что мужчины наши столь же храбры, как их предки. Что касается нашей разлуки, то я ее не боюсь. Правда, что брат мой, как имперский граф, любит быть уверенным в том, что все, над которыми он имеет право властвовать, ему повинуются, — и он прислал за тобой, желая только показать, что имеет право это сделать. Но я его хорошо знаю: едва только он удостоверится в том, что по произволу может располагать тобой, как вовсе перестанет о тебе заботиться. Увы! Бедная девушка! Чем ты можешь содействовать ему в его придворных кознях и в его честолюбивых замыслах? Нет, нет! Ты не создана для того, чтобы помогать знатному графу в его затеях, и должна удовольствоваться тем, чтобы, возвратившись управлять Гейерштейнской мызой, будешь как прежде любимицей твоего старого и незнатного дяди.

— Дай бог, чтоб мы хоть сейчас были уже там! — вскричала красавица отчаянным голосом, который она тщетно старалась сдержать.

— Это трудно сделать, прежде чем мы исполним поручение, которое привело нас сюда, — сказал Бидерман, принимающий все в прямом смысле. — Однако, ложась спать, Анна, съешь кусочек чего-нибудь, выпей несколько капель вина, и ты встанешь завтра такая же веселая, как в Швейцарии, когда в праздник играют на флейте утреннюю зорю.

Анна, сославшись на сильную головную боль, отказалась от ужина и пожелала своему дяде спокойной ночи. Потом она приказала Лизетте идти поужинать, подтвердив ей, чтобы по возвращении она как можно меньше делала шуму и не будила бы ее, если ей удастся заснуть. Арнольд Бидерман, поцеловав свою племянницу, возвратился в залу, где товарищи с нетерпением его ожидали, желая приступить к стоящим на столе припасам, к чему молодые люди, составляющие стражу, за исключением часовых и наряженных для обхода, были расположены не менее своих начальников.

Знак к приступу был подан швицким депутатом, который как самый старший прочитал перед трапезой молитву. После чего путешественники наши принялись за дело с усердием, доказывающим, что неизвестность о том, будут ли они ужинать, и замедления, происшедшие от разных приготовлений, очень усилили их аппетит. Даже сам Бидерман, воздержание которого походило иногда на пост, казался в эту ночь более расположенным пировать, чем обыкновенно. Швицкий его приятель, следуя такому примеру, очень усердно ел, пил и разговаривал, в чем и товарищи от него не отставали. Старый Филипсон смотрел на это внимательно и с беспокойством, наливая свой стакан только тогда, когда учтивость заставляла его отвечать на предлагаемые тосты за здоровье. Сын его оставил залу в ту самую минуту, как ужин начался, а каким образом, — это мы сейчас опишем.

Артур решил присоединиться к молодым людям, назначенным для обхода снаружи замка; он уже об этом сговорился с Сигизмундом, третьим сыном Бидермана. Но прежде чем

он предложил свои услуги, бросив прощальный взгляд на Анну Гейерштейнскую, он заметил на лице ее такое необыкновенное выражение чего-то торжественного и в то же время как бы со страшной силой угнетающего ее молодую душу, что это отвлекло его внимание от всех прочих предметов, кроме старания угадать, что бы могло быть причиной такой перемены. Всегда ясное, открытое лицо, ее глаза, выражавшие уверенность и безбоязненную невинность, искренний взгляд и уста, казавшиеся всегда готовыми произнести с откровенностью и добротой то, что внушало им сердце, – все это совершенно изменилось, и притом в такой степени, что этой перемены нельзя было истолковать обыкновенными причинами. Усталость могла согнать румянец с лица красавицы, внезапная болезнь могла помрачить блеск глаз и придать грустное выражение лицу. Но глубокая скорбь, с которой она иногда потупляла глаза, робкие, боязливые взгляды, которые она бросала вокруг себя, должны были происходить от какого-то другого обстоятельства. Никакая болезнь, никакая усталость не могли вызвать судорожных движений губ, как бы в ожидании чего-то страшного; ни объяснить невольно овладевающего ею трепета, который она не иначе как с большим усилием преодолевала. Такая сильная перемена должна была иметь в сердце тяжкую и болезненную причину. Что же это могло быть?

Опасно юноше смотреть на красавицу, когда она, в полном блеске своих прелестей, каждым взором одерживает победы – но еще опаснее видеть ее в те минуты неги и непринужденности, когда, уступая влиянию милой прихоти, она ищет предмета для своей склонности, стараясь вместе с тем и сама нравиться. Есть люди, которых еще более трогает красота в горести, внушающая нежное сострадание, и желание утешить печальную красавицу; эти чувства уже очень близки к любви. Но на ум, напитанный романтическими понятиями Средних веков, вид молодой, привлекательной девицы, пораженной ужасом и страждущей без всякой видимой причины, может быть, производил еще более впечатления, чем красота в ее блеске, в ее нежности или в огорчении.

Молодой Филипсон смотрел на Анну Гейерштейнскую с таким сильным любопытством, с такой нежностью и состраданием, что все окружающее его многолюдное общество как будто исчезло, оставляя его в шумной зале одного с предметом, его занимающим.

Какая же причина была в состоянии так сильно расстроить и довести почти до совершенного отчаяния девушку, отличающуюся таким возвышенным умом, такой неустрашимостью?

Чего она могла бояться, когда под защитой людей, может быть храбрейших в целой Европе, и в стенах укрепленного замка даже самая робкая из ее пола могла бы быть спокойной? Если бы даже на них и произвели нападение, то, конечно, шум битвы не более устрошил бы ее, чем рев водопада, к которому она при Артуре показала столько презрения. По крайней мере, подумал он, ей бы следовало вспомнить, что здесь есть человек, обязанный из дружбы и признательности сражаться за нее до последней капли крови. Дай бог, продолжал он в своей мечтательности, чтобы мне только представилась возможность не словами, а делом доказать неизменную мою решимость защищать ее, несмотря ни на какие опасности.

Между тем как мысли эти быстро пролетали в уме его, Анна, судорожно вздрогнув и подняв глаза, боязливо осмотрела всю залу, как бы ожидая увидеть между известными ей спутниками какой-нибудь страшный призрак; наконец, глаза ее встретились с глазами молодого Филипсона, пристально на нее устремленными. Она тотчас опустила глаза, и яркий румянец, разлившийся по щекам, невольно выдал силу ее чувств.

Артур со своей стороны почувствовал, что он покраснел так же, как и молодая девушка. Он отошел в сторону, чтобы не быть ею замеченным. Но когда Анна встала и в сопровождении дяди вышла в свою спальню, то Артуру показалось, что она унесла с собой из залы весь свет и оставила его в унылых сумерках погребальной пещеры. Он еще больше углу-

бился в раздумье о предмете, столь сильно его тревожившем, как вдруг в этот самый момент мужественный голос Донергугеля раздался у него над ухом:

– Дружище! Неужели ты с дороги так устал, что стоя засыпаешь?

– Не дай бог, гауптман, – сказал англичанин, опомнившись от своей задумчивости и величая Рудольфа этим званием, которое все молодые люди, составляющие стражу, единогласно ему представили, – не дай бог, чтобы я спал, когда нужно бодрствовать.

– Где ты намерен быть, когда запоеет первый петух? – спросил швейцарец.

– Там, куда призовет меня долг мой или твоя опытность, гауптман, – отвечал Артур. – Но если ты позволишь, то я желал бы встать на часы вместо Сигизмунда на мосту до полуночи. Он еще чувствует боль от ушиба на охоте, и я советовал ему хорошенько отдохнуть, чтобы вернуть свои силы.

– Он хорошо сделает, если не станет этого разглашать, – шепнул ему на ухо Донергугель, – дядя не такой человек, который бы одобрил столь ничтожную причину для уклонения от обязанности. Состоящие под его начальством должны иметь так же мало мозга для рассуждений, как бык; такие же крепкие члены, как у медведя, и быть столь же нечувствительными, как свинец или железо, во всех случаях жизни.

– Я довольно долго гостил у Бидермана, – отвечал Артур, – однако не видал примеров такой строгой подчиненности.

– Ты чужестранец, – сказал Рудольф, – и старик слишком гостеприимен для того, чтобы чем-нибудь стеснить тебя. Ты у нас гость, и тебе предоставляется принимать участие в наших забавах или воинских обязанностях, а потому я предлагаю тебе идти со мной в обход после первого петуха в таком только случае, если эта служба согласна с твоим собственным желанием.

– Я считаю себя теперь совершенно под твоим начальством, – сказал Артур, – но оставив лишние условности, скажу, что, когда меня в полночь сменят с часов на мосту, я был бы очень рад прогуляться подальше.

– Не будет ли слишком утомительно для тебя налагать на себя без нужды такую обязанность?

– Я не больше беру на себя, чем ты, – сказал Артур. – Ведь ты также намерен пробыть на страже целую ночь?

– Правда, – отвечал Донергугель, – но я швейцарец...

– А я англичанин, – прервал его с живостью Артур.

– Я не в том смысле это говорю, как ты понимаешь, – сказал Рудольф с улыбкой, – я только думал, что меня гораздо ближе касается, чем тебя, чужестранца, это дело, нам лично порученное.

– Я, конечно, чужестранец, – возразил Артур, – но чужестранец, пользовавшийся вашим гостеприимством и который потому имеет право, пока находится с вами, разделять ваши труды и опасности.

– Пусть будет по-твоему, – сказал Рудольф Донергугель. – Я кончу первый мой обход к тому времени, как часовые в замке сменяются, и тогда готов буду начать второй обход в твоём приятном обществе.

– Согласен, – сказал англичанин, – теперь я пойду к своему месту; Сигизмунд, я думаю, уже винит меня в том, что я позабыл свое обещание.

Они пошли вместе к воротам, где Сигизмунд охотно сдал свое оружие и пост молодому Филипсону, подтвердив этим всеобщее о себе мнение, что он был наиболее любящий негу и наименее деятельный из всех сыновей Бидермана. Рудольф не мог скрыть своего неодобрения.

– Что бы сказал наш начальник, – вскричал он, – если бы увидел, что ты таким образом уступаешь свой пост и оружие чужестранцу?

– Он бы сказал, что я хорошо делаю, – отвечал молодой человек, нисколько не смутившись, – потому что он всегда твердит нам, чтобы мы давали чужестранцу полную волю делать, что ему угодно. Артур, если ты хочешь променять теплую солому и сладкий сон на холодный воздух и на лунное сияние, то я от всего сердца на это согласен. Прими от меня сдачу: ты должен останавливать всякого, кто войдет или захочет войти в замок, пока он не скажет тебе пароль, и если это будет чужой, то ты подымешь тревогу. Но ты пропустишь тех из друзей наших, которые тебе известны, не спрашивая их, потому что депутатам может быть понадобится за чем-нибудь посылать кого-нибудь из замка.

– Чтоб тебе умереть чумой, ленивый негодяй, – вскричал Рудольф, – ты один такой соня из всех твоих братьев.

– В таком случае я один из них умен, – сказал юноша. – Послушай, храбрый гауптман! Ведь ты сегодня ужинал?

– Благоразумие велит, глупый филин, не ходить в лес с пустым желудком.

– Если благоразумие велит есть, когда мы голодны, то не будет глупо спать, когда клонит ко сну. – Сказав это и раза два сильно зевнув, сменный часовой отправился в замок, прихрамывая для доказательства ушиба, на который он жаловался.

– В этом ленивом теле есть, однако, сила, и в этой изнеженной душе есть храбрость, – сказал Рудольф англичанину. – Но пора уже мне, вместо того чтобы осуждать других, заняться моей собственной обязанностью. Сюда, товарищи, на службу, сюда!

Сказав эти слова, бернец свистнул, и из замка тотчас вышли шестеро молодых людей, которых он предварительно уже назначил в обход и которые, наскоро поужинав, ожидали только сигнала. С ними были две огромные гончие собаки, которые хотя употреблялись большей частью для охоты, но могли очень хорошо обнаруживать засады, для чего их теперь и взяли. Одну из этих собак держал на сворке человек, который составлял собой авангард и шел тридцатью или сорока шагами впереди прочих; другая принадлежала самому Рудольфу и удивительным образом ему повиновалась. Трое из его товарищей были вместе с ним, а два остальных шли несколько позади, имея при себе швейцарский рог, чтобы в случае нужды затрубить тревогу. Этот небольшой отряд, перейдя через ров по вновь устроенному мосту, направил свой путь к лежащему близ замка лесу, опушка которого, вероятно, могла скрывать засаду, если ее следовало опасаться. Луна взошла и светила почти во всей своей полноте, так что Артур с возвышения, на котором стоял замок, мог видеть их медленное, осторожное шествие при серебристом сиянии ночного светила до тех пор, пока они не скрылись в чаще леса.

Когда этот предмет перестал занимать зрение Артура, мысли его снова сосредоточились на Анне Гейерштейнской и на странном выражении скорби и боязни, омрачившем в этот вечер ее хорошенькое личико. Отчего произошел этот румянец, согнавший с ее лица бледность и страх в ту минуту, когда взоры их встретились – от гнева ли, от скромности или от какого-нибудь иного, более нежного чувства? Артур, который, подобно Чосеру²⁴ оруженосцу, был скромн, как девушка, не осмеливался приписать этому замешательству того благоприятного для своей особы значения, которое нисколько бы не затруднилось дать ему какой-нибудь волокита. Ни восхождение солнца, ни закат его не казались столь восхитительными молодому человеку, как этот румянец, живо еще представляющийся его воображению; никакой пылкий мечтатель или восторженный поэт не приискал бы столько изменяющихся образов в облаках, сколько различных смыслов открывал Артур в признаках расположения, замеченных им на прелестном лице швейцарской девушки.

²⁴ Чосер Джеффри (1340–1400) – английский поэт. Автор одного из первых памятников на общеанглийском литературном языке – «Кентерберийских рассказов».

И вдруг среди этих размышлений его внезапно поразила мысль, что ему вовсе не для чего разбирать причины обнаруженного ею смущения. Они совсем недавно увиделись в первый раз, и скоро должны были навсегда расстаться. Она для него не могла быть не чем другим, как только воспоминанием прелестной мечты, а он в ее памяти мог остаться только как чужестранец из отдаленного края, проживший недолго в доме ее дяди, и которого она не имела надежды опять когда-нибудь увидеть. Когда мысль эта овладела его умом и прервала собой волнующие его романтические мечты, она была подобна сильному удару остроги, пробуждающему кита от бесчувственности к порывистому движению. Проход под сводом, где молодой воин стоял на часах, вдруг показался ему тесным. Он бросился через мост и, перебежав на другую сторону, остановился на конце выступа, его поддерживающего.

Там, не покидая своего поста, он начал прохаживаться большими и скорыми шагами взад и вперед, как будто бы он задался целью сделать как можно больше движения на таком ограниченном пространстве. Это движение успокоило его волнение, привело в себя и напомнило ему многочисленные причины, запрещающие ему заниматься молодой девушкой, а тем более питать к ней любовь, как бы она ни была очаровательна.

«Я еще не потерял рассудка, – подумал он, уменьшив свои шаги и положив на плечо тяжелый свой бердыш, – чтобы не забывать моего отца, для которого я составляю все на свете, и чтобы иметь в виду бесчестие, которым я покрыл бы себя, если бы стал искать благосклонности откровенной и доверчивой девушки, которой я никогда не могу посвятить моей жизни в награду за ее чувства. Но нет, – сказал он сам себе, – она скоро меня забудет, а я постараюсь вспоминать о ней не иначе, как о приятном сновидении, украсившем на минуту ночь, исполненную опасностей, к которым, кажется, предназначена моя жизнь».

Говоря таким образом, он вдруг остановился и оперся на свое оружие, между тем как из глаз его выступила слеза и покатилась по щеке. Он преодолел этот порыв чувствительности, подобно тому как прежде превозмогал страсти, более пылкие и отчаянные. Страхнув с себя уныние и малодушие, неприметно вкрадывавшиеся в его сердце, он успел опять сделаться внимательным часовым и устремил все свое рвение к исполнению обязанности, которую в пылу мечтаний он совсем было позабыл. Но как велико было его изумление, когда, подняв глаза, он увидел при лунном свете прошедшее из замка мимо него и направившее шаги свои к лесу живое, движущееся подобие Анны Гейерштейнской.

Глава X

*Небо не даровало нам способности
Отличать сновидение от действительности.
Сон, полный обманчивых видений,
Мрачную действительность превращает
в радужный мир...
И часто, отняв от человека сообразительность,
Заставляет его грезить с открытыми глазами.*

Неизвестный автор

Призрак Анны Гейерштейнской прошел мимо Артура гораздо быстрее, нежели мы об этом передали. В ту самую минуту, как молодой англичанин, стремясь преодолеть овладевшее им уныние, поднял голову с тем, чтобы осмотреться вокруг своего поста, она показалась на мосту, прошла в нескольких шагах от часового, на которого даже не взглянула, и поспешным, но твердым шагом направила свой путь к лесу.

Хотя Артур и имел приказание не окликать известных ему людей, идущих из замка, а останавливать только приближающихся к нему, то было бы естественно, если бы он из одной только учтивости сказал несколько слов девушке, прошедшей мимо его поста. Но внезапность, с которой она явилась, лишила его на минуту языка и движения. Ему показалось, что его собственное воображение, создав этот призрак, представило внешним его чувствам образ и черты той, которая занимала его ум; и он сохранил молчание, руководясь отчасти той мыслью, что видимое им существо бестелесно и не принадлежит к реальному миру.

Не менее того было бы естественно и Анне Гейерштейнской хоть чем-нибудь показать, что она замечает молодого человека, который провел довольно долгое время под одной с ней кровлей, часто танцевал с ней и провожал ее на прогулках, но она не подала никакого виду, что узнает его и даже не удостоила его взглядом, проходя мимо; глаза ее были устремлены на лес, к которому она шла легким твердым шагом, и она скрылась уже между деревьями, прежде чем Артур успел опомниться и решиться, что ему делать.

Первым его чувством была досада на самого себя за то, что он дал ей пройти, не окликнув ее, когда при этом необыкновенном появлении в такое время и в таком месте он бы мог оказать ей свою помощь или, по крайней мере, дать какой-нибудь совет. Чувство это на несколько секунд так сильно им овладело, что он побежал было к тому месту, где видел исчезнувший край ее одежды, и, произнося ее имя так громко, как ему позволяло опасение произвести в замке тревогу, он заклинал ее воротиться хоть на одну минуту и выслушать его. Он не получил никакого ответа и, когда ветви деревьев начали сплетаться над его головой и закрывать от него лунный свет, он вспомнил, что оставил свой пост и подвергнул своих спутников, положившихся на его бдительность, опасности нечаянного нападения.

Итак, он возвратился к воротам замка, еще более запутавшись в своих сомнениях и беспокойстве, нежели прежде, когда только что вступил на часы. Напрасно спрашивал он у самого себя, с каким намерением такая скромная молодая девушка, такая искренняя в своем обхождении, поступки которой до сих пор казались такими обдуманными и осторожными, могла выйти ночью, подобно какой-нибудь романтической искательнице приключений, находясь в чужой земле и в подозрительном соседстве; он не допускал такого истолкования, которое могло бы быть предосудительно для Анны Гейерштейнской, считая ее неспособной сделать что-нибудь такое, чего бы мог стыдиться ее друг. Но сопоставляя смущение, в котором он видел ее вечером, с необыкновенным выходом ее из замка, без прово-

жато и без охраны, в такой час, Артур поневоле заключил, что ее побудили к тому важные и, как более казалось вероятным, неприятного рода причины. «Я буду ждать ее возвращения, – сказал он самому себе, – и если она доставит мне случай, докажу ей, что около нее находится человек, который по долгу чести и благодарности готов пролить за нее кровь свою, если этим может избавить ее от малейшей неприятности. Это не романтическая мечтательность, за которую благоразумие имело бы право упрекнуть меня, но только то, что я должен сделать, если не хочу отказаться от всякого права на имя честного и благородного человека». Но едва только молодой человек утвердился в этой решимости, против которой, по-видимому, нечего было сказать, как мысли его взяли другое направление. Он рассудил, что Анна, может быть, пошла в близлежащий город Базель, куда ее накануне приглашали и где дядя ее имел друзей. Правда, это был очень неподходящий час для исполнения такого намерения, но Артур знал, что швейцарские девушки не боятся ходить одни даже ночью и что Анна пошла бы по своим горам при лунном свете гораздо дальше, чем было расстояние между их ночлегом и Базелем, чтобы, например, повидаться с больной приятельницей или ради какой-нибудь иной подобной надобности; следовательно, набиваться к ней в доверенность было бы назойливостью, а не доказательством преданности. Притом же, если она прошла мимо него, не обратив ни малейшего внимания на его присутствие, то, очевидно, она не желала сделать его своим поверенным; и очень вероятно, что она не подвергалась никаким опасностям, для устранения которых могла бы понадобиться его помощь. В таком случае он, как благоразумный человек, обязан был пропустить ее обратно, не останавливая и не расспрашивая, а предоставив ей самой вступить с ним в разговор... или петь, как она признает за лучшее.

Другая мысль, свойственная эпохе, к которой относится наш рассказ, пришла на ум Артуру, хотя и не произвела на него сильного впечатления. Призрак этот, так похожий на Анну Гейерштейнскую, мог быть обманом зрения или одним из тех таинственных, поэтических призраков, о которых так много преданий рассказывалось во всех странах, а особенно в Швейцарии и в Германии. Внутреннее непостижимое чувство, не допустившее его подойти к красавице, что по-настоящему ему следовало бы сделать, удобно объяснялось предположением, что его человеческая природа отказалась от общения с существом совершенно других свойств. Некоторые выражения базельского депутата также намекали на то, что замок этот посещается существами другого мира. Но хотя всеобщая в ту эпоху вера в явление духов препятствовала англичанину совершенно отвергать их существование, однако наставления его мудрого и неустрашимого отца приучили Артура никогда не считать сверхъестественными такие вещи, которые можно было объяснить обыкновенными законами природы; поэтому он без труда удалил от себя всякое чувство суеверного страха, овладевшее им на минуту при этом ночном приключении. Наконец он решил не делать больше насчет этого никаких предположений, напрасно только возбуждавших в нем беспокойство, и терпеливо ожидать возвращения прелестного призрака, которое если и не вполне объяснит эту тайну, то, по крайней мере, оно, как казалось Артуру, могло быть единственным средством, чтобы хоть сколько-нибудь прояснить ее.

Остановившись на этом намерении, он начал прохаживаться взад и вперед так далеко, как позволяла ему обязанность, не сводя глаз с той части леса, где исчез драгоценный для него призрак. Он забыл, что поставлен на часы совсем не для того, чтобы только караулить ее возвращение. Но он был выведен из этой задумчивости отдаленным шумом в лесу, ему показалось, что он слышит звук оружия. Помня свой долг и чувствуя всю важность исполнения его для отца и для спутников, Артур остановился на том месте временного моста, где ему удобнее было защищаться, и начал наблюдать за приближающейся опасностью. Стук оружия и шагов послышался ближе – копыта и шишаки показались из-за зеленого леса, блистая при лунном свете. Но по исполинскому росту легко можно было узнать идущего впереди

Рудольфа Донергугеля, что уверило Артура, что это возвращающийся обход. Когда он подошел к мосту, пароль и отзыв были надлежащим образом взаимно опрошены. Отряд Рудольфа один за одним вошел в замок, он приказал разбудить товарищей, с которыми намеревался идти во второй обход, и распорядился, чтобы пришли сменить Артура, срок караула которого на мосту кончился. Последние слова его были как бы подтверждены глухим, отдаленным звоном городских часов в Базеле, печальный гул которых, раздавшись по полям и над лесами, возвестил наступление полуночи.

– Что, товарищ, – сказал Рудольф, обращаясь к англичанину, – холодный воздух и долгий караул не возбудили в тебе желания подкрепить себя пищей и отдохнуть? Или ты все еще намерен идти со мной в обход?

Говоря правду, если бы Артуру был предоставлен выбор, он бы остался на прежнем месте, чтобы видеть возвращение Анны Гейерштейнской из ее таинственного путешествия. Но ему нелегко было найти к этому предлог, и в то же время он не хотел дать гордому Донергугелю малейшее подозрение, что он уступает в крепости или неутомимости кому-нибудь из горных жителей, его товарищей. Итак, он несколько не поколебался и, вручив свой бердыш сонному Сигизмунду, который вышел из замка, зевая и потягиваясь, как человек, которого разбудили в самом крепком и сладком сне, сказал Рудольфу, что, оставаясь при прежнем своем намерении, он готов идти с ним в обход. К ним скоро присоединились прочие, составляющие дозор, между которыми находился Рюдигер, старший сын унтервальденского землевладельца. Когда они дошли до опушки леса, Рудольф приказал трем идти с Рюдигером Бидерманом.

– Ты отправишься кругом влево, – сказал ему Рудольф, – а я пойду вправо, и мы вскоре сойдемся в условленном месте. Возьми с собой одну из собак. Я оставлю у себя Вольфгангера, который так же хорошо примется за бургундца, как и за медведя.

Рюдигер, согласно отданному ему приказанию, отправился со своим отрядом влево. Рудольф, выслав одного из своих людей вперед и поставив другого в арьергарде, приказал третьему идти вместе с ним и с Артуром для составления главной силы дозора. Поместив своего ближайшего спутника в таком расстоянии, чтобы можно было свободно разговаривать, Рудольф обратился к англичанину по-приятельски, как позволяла ему недавняя их дружба:

– Ну, король Артур! Что думает ваше британское величество о нашей швейцарской молодежи? В состоянии ли она заслужить себе награду на играх и на турнирах? Или ее нужно причислить к трусливым корнуэльским витязям?

– Относительно воинских игр и турниров я ничего не могу сказать, – отвечал Артур с жаром, – так как мне не случалось видеть швейцарца на лошади и с копьем в руке. Но если принять в соображение могучие члены и неустрашимые сердца, то скажу, что ваши храбрые швейцарцы не уступят никому в какой бы то ни было стране, где уважаются сила и отвага.

– Славно сказано, юный англичанин, – вскричал Рудольф, – знай же, что и мы о вас имеем такое же хорошее мнение, чему я тебе сейчас представлю доказательство. Ты только что упомянул о лошадях. Я очень мало знаю в них толку; однако думаю, что ты не купишь себе коня, видев его только под попоной или закрытого седлом и уздой, но, верно, захотел бы посмотреть его без всякой сбруи и на свободе.

– Конечно, так, – отвечал Артур. – Ты говоришь как уроженец Нового Йорка, который считается самой веселой областью нашей веселой Англии.

– В таком случае, скажу тебе, – прибавил Рудольф Донергугель, – что ты знаешь наших швейцарских юношей только лишь наполовину, потому что ты видел их только в рабской покорности старейшинам или в их горных играх, где хотя и можно показать свою силу и ловкость, но из чего ты не мог судить о мужестве и непоколебимости, которыми эта сила и эта ловкость руководятся в важных случаях.

Швейцарец хотел этими замечаниями возбудить в чужестранце любопытство. Но англичанин слишком был занят призраком Анны Гейерштейнской, еще так недавно прошедшим мимо него в полночный час, для того чтобы охотно вступать в разговор, содержанием своим совершенно чуждый тем мыслям, которые его волновали. Однако он сделал над собой усилие и учтиво, но немногословно отвечал, что он не сомневается в том, что уважение его к швейцарцам, как к старым так и к молодым, будет расти по мере того, как он будет более узнавать их.

Он замолчал, и Донергугель, может быть досадуя, что ему не удалось возбудить его любопытства, шел подле него, также не говоря ни слова. Артур между тем обдумывал, должен ли он сообщить своему спутнику обстоятельство, занимающее его мысли. Ему пришло на ум, что родственник Анны Гейерштейнской, давно знающий все ее семейство, может ему что-нибудь объяснить. Но он чувствовал непреодолимое отвращение к необходимости говорить со швейцарцем о таком предмете, который касался Анны Гейерштейнской. Что Рудольф старательно искал ее благосклонности, это не подлежало никакому сомнению; и хотя Артуру во всех отношениях следовало бы отказаться от соперничества с ним, тем не менее он не в состоянии был перенести мысль, что соперник его может иметь успех, и не иначе как с болью услышал бы произносимое им ее имя.

Может быть, именно вследствие этой тайной раздражительности Артур, хотя и ставший сколь возможно скрывать и обуздывать волновавшие его чувства, питал, однако, непреодолимую неприязнь к Донергугелю, чье откровенное, но иногда слишком грубое дружелюбие смешивалось с какой-то надменностью и властолюбием, очень не нравившимся гордому англичанину. Он отвечал на дружбу швейцарца с равной искренностью, но ему часто приходила охота унизить и уменьшить его самонадеянность. Обстоятельства их поединка не давали швейцарцу ни малейшего повода считать себя победителем, и Артур не считал себя принадлежащим к отряду швейцарских юношей, которыми Рудольф командовал по общему согласию. Филипсону так было не по вкусу это притязание Рудольфа на превосходство, что даваемый ему в шутку титул короля Артура, на который он, Артур, не обращал даже внимания, когда шутя его величали так сыновья Бидермана, казался ему обидным, если Рудольф позволял себе эту же вольность; так что он часто был в затруднительном положении человека, который внутренне сердится, не имея никакого предлога для того, чтобы обнаружить свое неудовольствие. Без сомнения, корнем всей этой скрытной неприязни было чувство соперничества, но в этом чувстве Артур сам себе не смел признаться. Оно, однако, было достаточно сильно, чтобы отбить у него охоту рассказать Рудольфу о ночном приключении, которое так его интересовало, и так как он не поддержал разговора, начатого его спутником, то они шли друг подле друга молча, беспрестанно оглядываясь вокруг себя, исполняя этим свою обязанность ревностных караульных.

Они прошли с милею по лесу и по полю, сделав довольно большой круг для удостоверения, что между ними и развалинами Графслуста нет никакой засады. Вдруг старая собака, которую вел передовой швейцарец, остановилась и глухо заворчала.

– Что ты это, Вольфангер? – сказал Рудольф, подходя к ней. – Что ты, старый товарищ? Разве ты уж больше не умеешь отличать друзей от неприятелей? Подумай хорошенько... ты не должен на старости лет утратить свою славу. Обнюхай-ка еще раз.

Собака подняла голову, обнюхала кругом воздух, как будто понимая, что сказал ее господин, и в ответ начала махать хвостом и головой.

– Видишь ли, – сказал Донергугель, погладя ее мохнатую шерсть, – не худо подумать; теперь ты распознаешь, что это свой.

Собака, опять замахав хвостом, побежала по-прежнему вперед; Рудольф же возвратился на свое место, и товарищ его сказал ему:

– Вероятно, к нам навстречу идет Рюдигер с товарищами, и собака чутьем узнала их приближение.

– Вряд ли это Рюдигер, – сказал Донергугель, – обход его вокруг замка больше нашего. Однако кто-то приближается, Вольфангер опять ворчит. Посмотри хорошенько во все стороны.

Между тем как Рудольф приказывал своему отряду быть в готовности на случай нападения, они вышли на открытую лужайку, на которой поодаль друг от друга росли старые исполинские сосны, которые казались еще выше и чернее обыкновенного от своих густых, мрачных вершин, заслоняющих бледный свет луны.

– Здесь, по крайней мере, – сказал швейцарец, – мы сможем ясно видеть все, к нам приближающееся. Только я полагаю, – прибавил он, осмотревшись вокруг себя, – что это волк или олень перебежал через дорогу, и собака слышит его след; видишь ли, она остановилась – должно быть, так; теперь опять пошла вперед.

Действительно, собака побежала далее, обнаружив некоторые признаки сомнения и даже боязни. Однако она, по-видимому, успокоилась и теперь как обычно продолжала свой путь.

– Это странно, – сказал Артур, – мне кажется, что-то шевелится в этих кустах... там, где терновник и орешник окружают эти большие деревья.

– Я уже минут пять смотрю на эти кусты и ничего не вижу, – сказал Рудольф.

– Воля твоя, – отвечал молодой англичанин, – а я что-то видел, именно в то время, когда ты занимался собакой. И с твоего позволения я пойду осмотреть эти кусты.

– Если бы ты был под моим начальством, – сказал Донергугель, – то я велел бы тебе остаться здесь. Если это неприятель, то нам необходимо быть всем вместе. Но ты в нашем дозоре волонтер и потому имеешь право располагать собой как пожелаешь.

– Покорно благодарю, – отвечал Артур и быстро бросился вперед.

Он, конечно, в эту минуту чувствовал, что поступает ни по правилам вежливости, как частное лицо, ни по уставам субординации, как воин, и что он на это время обязан повиноваться начальнику отряда, в который он добровольно вступил. Но, с другой стороны, предмет, им виденный, хотя издали и неясно, казалось, имел сходство с удаляющейся Анной Гейерштейнской, в том виде, как она исчезла из глаз его, часа за два перед тем, в густоте леса. Непреодолимое любопытство, побуждающее его удостовериться, точно ли это была она, заставило его позабыть все другое.

Прежде чем Рудольф успел сказать хоть одно слово в возражение, Артур был уже на половине дороги к кустам, за которыми, как издали казалось, человеку нельзя было спрятаться иначе как припав к земле. И потому всякий белый предмет, имеющий вид и величину человека, думал он, должен тотчас обнаружиться между редкими ветвями и листьями этих кустарников. К этим рассуждениям присоединялись еще другие мысли. Если это была Анна Гейерштейнская, которую он вторично видел, то она, вероятно, сошла с открытой дороги, чтобы не быть замеченной; и какой повод, какое право он имел обращать на нее внимание дозора?.. Насколько он заметил, девушка эта не только не поощряла искательств Рудольфа, но старалась их избегать, и если терпела их, то лишь из одной вежливости, ничем не показывая ему своего расположения.

Итак, прилично ли было тревожить ее в этой уединенной прогулке, конечно, странной, судя по времени и по месту, но которую именно по этой причине она, может быть, желала скрыть от человека, ей несимпатичного? Не могло ли даже быть, что Рудольф найдет средство извлечь выгоду для своих иначе не принимаемых искательств, имея в своих руках тайну, которую красавица желала скрывать?

Между тем как эти мысли занимали Артура, он остановился, устремив глаза на кустарник, который от него находился на расстоянии около шестидесяти шагов; и хотя он смотрел

на него с предельным вниманием, но какой-то внутренний голос говорил ему, что благоразумнее всего возвратиться к Рудольфу и сказать ему, что зрение его обмануло.

Пока он был в нерешительности, идти ли ему вперед или воротиться назад, предмет, им уже виденный, опять показался близ кустарника, подвигаясь прямо к нему и представляя, как прежде, совершенное сходство с чертами лица и с одеждой Анны Гейерштейнской. Это привидение, так как по времени, месту и внезапности появления он скорее мог принять его за призрак, нежели за действительность, поразило Артура до ужаса. Призрак прошел в очень близком от него расстоянии, не сказав ему ни слова, не обнаружив ничем, что узнает или видит его, и взяв вправо от Рудольфа и трех его спутников, опять исчез между деревьями.

Еще более непостижимые сомнения овладели тогда умом молодого человека. Он не раньше пришел в себя, как услышав голос швейцарца: «Что ты это, король Артур?.. Спишь ты или ранен?»

– Ни то ни другое, – сказал Филипсон, собравшись с духом, – я только очень удивлен.

– Удивлен? Чем же это, ваше величество?

– Оставь свои шутки, – сказал Артур с некоторым нетерпением, – и отвечай мне как рассудительный человек. Попалась ли она тебе навстречу? Видел ли ты ее?

– Видел ли я ее? Да кого? – спросил Донергугель. – Я никого не видал и готов дать клятву, что и тебе также никто не попадался, потому что я почти все время не спускал с тебя глаз. Если ты кого-нибудь заметил, то отчего же ты не закричал нам?

– Оттого, что это была женщина, – отвечал, заметно запинаясь, Артур.

– Женщина! – повторил презрительно Рудольф. – Клянусь честью, король Артур, если бы я не видал доказательства твоего мужества, то подумал бы, что сам ты не храбрее женщины. Странно, что какая-нибудь тень ночью или пропасть днем приводят в трепет такого храброго человека, каким ты себя столько раз показал...

– И каким я всегда покажу себя, если потребуют обстоятельства, – прервал англичанин, уже вполне овладев собой. – Но клянусь тебе, что если я обнаружил страх, то он порожден не земным существом.

– Пойдем вперед, – сказал Рудольф, – мы не должны забывать о безопасности наших друзей. Явление, о котором ты говоришь, может быть, есть не что иное, как хитрость, которой хотят отвлечь нас от исполнения нашей обязанности.

Они пошли через освещенную луной площадку. Минутное размышление совершенно привело Артура в себя, и вместе с тем у него явилась неприятная мысль, что он выставил себя в странном и неприличном виде перед тем человеком, которого ему менее чем всякого другого хотелось бы иметь свидетелем своей слабости.

Представив себе отношения, существующие между ним, Донергугелем, Бидерманом, его племянницей и прочими членами их семейства, вопреки недавно принятому им намерению, он внутренне убедился в том, что долг повелевает ему донести своему начальнику, которому он сам себя подчинил, о явлении, виденном им два раза в продолжение ночной его службы. Тут могли быть какие-нибудь семейные обстоятельства – исполнение обета или другая подобная тому причина, по которой поступки этой молодой девушки объяснятся для ее родственников. Притом же он был здесь на службе, и под этой тайной могла скрываться опасность, которую должно предупредить или принять против нее меры; во всяком случае, товарищ его имел право быть извещенным о том, что он видел. Нужно полагать, что это новое намерение Артура родилось в такую минуту, когда чувство долга и стыд при мысли о выказанной им слабости перевесили личное его расположение к Анне Гейерштейнской. Расположение это было также немного охлаждено той таинственной неизвестностью, которой происшествия минувшей ночи покрыли, как густым туманом, прелестный образ Анны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.